

АЛЕКСАНДР
БЛОК

АЛЕКСАНДР
БЛОК

1

1880 · 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М.А.ДУДИНА

В.Н.ОРЛОВА

А.А.СУРКОВА

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 1

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1898 · 1906

ЛЕНИНГРАД · «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1980

ББК 84.3Р1
Б70

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
М. ДУДИНА

СОСТАВЛЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
ВЛ. ОРЛОВА

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И. ИСАКОВИЧ

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
Н. НЕФЕДОВА

Б $\frac{70401-062}{028(01)-80}$ подписное 4702010100

© Вступительная статья,
примечания, оформление. Изда-
тельство «Художественная ли-
тература», 1980 г.

...Я вижу, я представляю себе, как через огромный материк русской культуры, пересекая его сверху вниз, оплетая его бесчисленными руслами притоков, течет, набирая силу движения и звучания, как Волга, неиссякаемая река русской поэзии.

Из каких сокровенных глубин народной души просочилось ее начало, в какой океан человеческого братства идут ее волны?..

Каждый волен пропустить этот поток через себя, через свою душу, через ее опыт познания мира, чтобы стать причастным к самой связи времен, к полету творческого духа народа, к чуду его певучего языка, к его истории, убегающей в грядущее.

Этот поток могуч и необратим, и бесчисленные его истоки идут из утреннего тумана истории, из малых родничков песен и притч, сказаний и легенд, из глубин творческого духа народа-языко-творца.

Он непостижим в своем величии. Над его истоком плачет вещий голос Ярославны, гудят гусли скоморохов и начинает ликовать медная труба Державина. Через утренние плёсы и старицы Жуковского, отразившие сияние звезд мирового неба, он спешит к весеннему разливу Пушкинского гения, и звезды мирового неба начинают дивиться его красоте и силе, его уверенности в торжестве человечности. Потом этот поток переходит через Лермонтовскую горловину трагедии к великой печали равнинного течения Некрасовского голоса, оставляя, как загадки, Тютчевские глубины откровения.

Он прекрасен, этот поток, своей скрытой силой даже под ледяным панцирем скованности, и волны его уже ломают лед отчуждения и укрепляют великую веру, повторяя своим рокотом: «Золото, золото сердце народное!»

Река русской поэзии течет в океан человеческого братства, достойно неся в себе бессмертный опыт народа, его истории. Она преодолевает барьеры лжи и несет чистую правду времени будущему. Она непрерывна в своем движении. У нее нет пробелов.

И есть в этой необыкновенной реке Блоковский перекат.

Он всем кипением страсти держит связь двух миров. Без него немислимо движение потока. Его нельзя заменить обводным каналом. В нем ликует жизнь.

Над ним поет ветер времени.

Он стал тем явлением, в котором само время скрестило шпаги своих страстей, а страсти обрели вечную реальность в слове.

Александр Александрович Блок!

Судьба наградила его всем: красотой и силой, мужеством прозрения мысли и великодушием гения. Он врос в свое время, и время это уже невозможно представить себе без его песни.

Он и сейчас как бы стоит у истоков своей жизни и говорит перед лицом всего мира:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Так он понимал мир, его судьбу и свое назначение в этом мире. Так, вопреки всему, как и подобает истинному рыцарю, он видел и славил жизнь, тайные истоки ее творческих начал и никогда не изменял этому высокому оптимизму, даже на краю морока и мрака он чувствовал «неслыханные перемены, невиданные мятежи». Он был истинным поэтом, а истинная поэзия всегда имела свойство заглядывания вперед, стягивания к своему магнитному полюсу меридианов всех тревог времени. Она не искала благополучия. Ее стихией были тревога и боль, или сочувствие, равное самой боли.

Истинный поэт! Чтобы им быть, мало одной одаренности, надо еще иметь судьбу, сродственную с судьбой времени, надо еще быть на высоте понимания движущих сил истории, надо чувствовать все звенья бесконечной цепи жизни и обладать творческой верой в себя, в мир, в человека.

Чем талантливее поэт, тем он крепче срастается нервными волокнами своей души с миром и временем, тем большую, по своей воле, берет он на себя ответственность.

Александр Блок понимал: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна».

Блок был птицей своей стаи. Его миром был мир высокой просвещенности. Он был рожден в семье потомственных русских интеллигентов: его дед был ректором Петербургского университета, отец —

профессором права, мать — писательницей, переводчицей. Его женой стала дочь великого русского ученого Д. И. Менделеева.

Истинная поэзия — это торжество индивидуальности, а не индивидуализма. Творческая же индивидуальность так устроена, что обязательно оказывается на переднем крае жизни, — душа ее может парить только на самых пронзительных сквозняках времени.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И ничего тут не поделаешь!

Розовый туманный круг «Стихов о Прекрасной Даме» оказался тесен для души истинного поэта. Душа запросилась на вольную волю высшей ответственности. Двадцатитрехлетний филолог, рыцарь Прекрасной Дамы увидел то, что в конечном счете изменило его судьбу, придало ей полновесную значимость, а слову поэта — ответственность. Он увидел главное и своим прекрасным, четким почерком написал:

ФАБРИКА

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Он переписал это набело и поставил внизу дату: «24 ноября 1903». Это была первая ступень, с которой Блок начал подниматься к вершине своей жизни, поэзии, своей человеческой судьбы, это было время, когда уже пробуждались силы Первой Русской Революции. Это был год Второго съезда РСДРП, съезда размежевания и создания Ленинской партии рабочего класса. Поэт Александр Блок был далек от этих проблем, но сама правда поэзии расставляла в лабиринте его духовного мира те точные ориентиры, которые давали ему возможность в одиночку выбрать правильное направление. С мокрого

и серого ноябрьского дня, когда была написана «Фабрика», сочувствие Блока стало перерастать в уверенность и убежденность. Процесс происходил медленно, болезненно, но бесповоротно, хотя мертвенный болотный морок символизма, еще курясь, туманил его высокое окно и застилал горизонт. Но просветление души, вопреки всему, шло через правду трагедии времени, и красный жесткий снег с Дворцовой площади, завиваясь воронками, хлестал в его лицо и просветлял зрение, а он, Александр Блок, как никто, умел слушать ветер, не отвращая от него лица.

Ты должен быть гордым, как знамя.
Ты должен быть острым, как меч.
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

И я волен представить себе, что Валерий Брюсов написал это, думая о Блоке, видя мысленно перед собой его лицо, загорелое, чистое, в завитках прекрасных кудрей.

Это лицо видели кабаки и храмы, метель и белая ночь, бронзовые глаза Петра и плоская волна Невы. Он любил, как это любят все поэты мира, ходить по улицам своего города, сверяя ритм биения своего сердца с изменчивым ритмом окружающей жизни людей и деревьев, камней и воды, раскачивающей колыбель Млечного Пути.

Он любил ходить по торцовым мостовым площадям, по тротуарам Невского проспекта, по набережным бесчисленных петербургских каналов. Шаги Блока звучали по гулким спинам мостов, по узким тропинкам петербургских пригородов и кладбищ. Он любил свой город и с каждым взглядом на него, с каждым вздохом обнаруживал новые узелки родства с его прошлым и с его будущим. Поэт жил радостью и трагедией, величием и тоской своего города. Слышал залпы его баррикад и видел красную, как знамя над баррикадой, кровь, вмерзшую в снег, затоптанный солдатскими каблуками и подкованными копытами лошадей.

Он был беспощадно правдив и верил в праздник правды. Он страдал, не показывая вида, как это подобает мужеству.

Первая Русская Революция, по его выражению, обнажила всю несостоятельность самодержавия, весь его «прогнивший хлев». Блок искал «дорогу к делу», мучительно искал. Он видел, «как тяжело лежит работа на каждой согнутой спине». Призрачная неопределенность символизма мешала ему дышать и мыслить, верить и любить, и он все чаще стал переступать через символистские каноны. Он первый из символистов понял подвиг Максима Горького, увидел в нем пример служения народу. Блок и сам в письме к С. Городецкому говорил о том, что «искусство должно изображать жизнь и проповедовать нравственность».

Внутренняя борьба изматывала и в конечном счете просветляла его беспокойную творческую душу.

Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!

Чтобы сказать так, нужны были сила, воля и убеждение. Александр Блок был многогранен в своей лирической стихии, и в каждой грани его таланта светила истина, открытая поэтом для себя (она же — для самого себя поставленная века): «человек есть будущее».

Он умел любить трогательно и пронзительно.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Это стихотворение написано в августе 1905 года, после расстрела у Зимнего, после баррикад и демонстраций, на одной из которых самому Александру Блоку довелось обжечь ладони о древко с пылающим кумачом, — Блок нес знамя впереди демонстрации. Что это было? Случай? Или роковое совпадение случая с убеждением? Не знаю. Но думаю, что отсвет красного кумача сверкал в молодых и гордых глазах Александра Блока как высший знак счастья, как сама судьба и вера в победу справедливой, единственно справедливой судьбы.

Блок написал стихотворение «Девушка пела в церковном хоре...» как памятник и как молитву, исполненную сочувствия утратам и жертвам. Написал его как песню утешения. И она утешала, утешает и не раз еще утешит человеческие души в минуты скорби и печали.

Стихотворение было очень дорого и самому Блоку. Каждое свое публичное выступление он заканчивал именно этим, отмеченным какой-то особой чистотой и уравновешенностью вздохом.

И все-таки от прелести белой девушки в храме, от ее голоса поэт вышел в мир радостей земной жизни человека, вышел к «Вольным мыслям» и запел:

Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

«Вольные мысли», как четыре чаши отборного белого ямба, стоят особняком в лирике Александра Блока и в русской поэзии. Они жизнеутверждающи по мысли и чувству, скульптурны по форме, просты святой мудростью самой природы и прекрасны ее глубинной и вечной красотой. Они пахнут прогретой июльским солнцем водой, жарким мохожевелником и поющим на гребнях дюн песком. Они бегут как четыре волны по гладкой отмели взморья.

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

«Вольные мысли» — одна из вершин блоковской гармонии. И если все, что было написано до «Вольных мыслей», можно и должно считать воздухом, первородной оболочкой, то начиная с них появляется зрелость Блока, та ясность мысли и точность формы, которые и делают его поэтом своего времени. Здесь начинается лирический эпос Блока.

Спустя пять лет после «Вольных мыслей» он признается себе: «Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше».

Так наступает осознанность гражданского долга поэта.

Он встанет перед новым днем и скажет той двери, которую притворил:

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал.

Да, дверь закрыта, но прошлое забыть нельзя, и оно волей поэта оживает под его пером живым трепетом сегодняшней жизни и устремляется в завтра.

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

«На поле Куликовом». Какая сила у этих стихов! Какая железная связь слова со временем! Какая возвышающая душу верность Родине и Долгу! Они покоряют человеческую душу сразу и не отпускают от себя уже нигде и никогда.

Я впервые прочел эти стихи мальчиком, как эпитафия взятые Николаем Тихоновым для одной из первых его книг — «Брага». Через эпитафию я узнал о существовании поэзии Александра Блока, и разыскал его книги, и очаровался ими на всю жизнь. Слова Блока стали эпитафией жизни моего поколения и моей собственной судьбы. Недаром мой сверстник поэт Арон Копштейн, перед тем как погибнуть в бою, последнее стихотворение закончил словами: «И вечный бой! Покой нам только снится. Так Блок сказал, так я сказать бы мог».

В годы реакции, наступившие после разгрома Первой Русской Революции, в годы приниженности человеческой души, потерявшей веру, Александр Блок становился собраннее, ясней, проще и глубже. Кажется, Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Некрасов — вся поэзия его предшественников вставала за плечами Блока высоким строем и выдвигала его вперед как своего продолжателя.

И Блок, понимая ответственность своего назначения, как бы перекликался с Пушкиным, стал говорить

О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа...

Очевидно, возрастающая требовательность к жизни, к самому себе и к своему слову заставляла поэта пересмотреть первоначальные планы романа «Возмездие»; он задумался об этом и упустил время. «Возмездие» он так и не закончил. Но завершённые главы и наброски сами по себе являются лучшими образцами поэзии Блока:

...Узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней.

Блоку всегда приходила на выручку вера в будущее, она ставила крест на пророчестве гибели. Но поэт видел в трагедийном начале поэзии высший оптимизм правды жизни. Он уже приучил свою душу «к вздрагиваниям медленного холода». Он ждал ослепительных лучей из будущего. Ждал и верил в них. Жизнью и смертью верил.

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Он был лириком по природе своего гения. И к его удивительным стихам о любви, об ошеломляющем откровении страсти, к стихам, перекликающимся с Пушкиным и Некрасовым, Лермонтовым и Тютчевым, Фетом и Григорьевым, Баратынским и Жуковским, стихам буйным, как июньские грозы, светлым и чистым, как майское утро, тревожным, как августовская ночь, переливающимся блеском, как мартовский снег на солнце, можно взять эпиграфом пушкинское признание: «Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим».

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

В этой любви Блок признается перед смертью, этим он закончит круг своей жизни.

А пока он молод, и цыганка по тонким линиям его руки нагадала ему измену, и неземную любовь, и он «позолотил ручку».

А пока Незнакомка сидит с ним рядом под жаркой медвежьей полостью в легких бегунках, и из-под широкой спины кучера летит серебряная пыль снега в их разгоряченные лица, и все в ней смеется — губы, зубы, крылья ресниц, глаза, в которых, кажется, искрится сама вселенная. А потом

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

Он не любил рабства. «...Свободным взором красивой женщине смотрю в глаза и говорю: „Сегодня ночь. Но завтра — сияющий и новый день. Приди. Бери меня, торжественная страсть. А завтра я уйду — и запую“».

Снежный костер его страсти, любви, обожания необычен. Он вывел романс из ресторана, наполнил его светом солнца и блеском

самых ярких полуночных звезд, сделал его песней любви, таинственной и заманчивой. Удивительный мастер, он помогал самой природе рождать чудо.

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

Блок сделал романс принадлежностью высокой поэзии. Вслед за Блоком Сергей Есенин в «Москве кабацкой» и в «Персидских мотивах» по-своему поэтически осмыслил романс. А потом блоковский опыт, быть может ничего не зная о нем, повторит в «Цыганском романсере» великий брат Блока по песне и любви Федерико Гарсиа Лорка. И в этом нет ничего удивительного, потому что все ручейки и реки поэзии стекаются в один океан человеческого братства, а сама поэзия есть не что иное, как надежно действующая система сообщающихся сосудов духовного мира человеческого братства, — не в этом ли заключается высочайший гуманизм поэзии, рыцарски беззащитной и никогда не опускающей забрала.

В душном вакууме безвременья поэтом Александром Блоком владело чувство упорства, противостояния «мерзостям жизни», то чувство преодоления, на котором держатся все человеческие деяния. Блок двигался к вершине своего гения, — к чему бы ни прикасался его талант, он высекал искры.

Фрагменты «Возмездия», драма «Роза и Крест», «Снежная маска», «Клеопатра», «Три послания», «Друзьям», «Поэты» и, наконец, «Россия» с ее пророчески заклинательной интонацией:

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Эти стихи надо читать, как читают присягу, с той верой в судьбу своей Родины, с которой идут на смертный бой. Есть в этих стихах простор и воля волшебной любви, благородство силы и достоинство страсти. Они, как песни жаворонка под синим колоколом неба над розовым полем клевера, льются сами по себе прямо в душу человека, просветляя ее и наполняя верой.

Россия! Сколько раз Александр Блок прикасался к твоим ранам и к твоей истории, какой верой в твою судьбу он наполнил музыку твоего имени, прославляя тебя! Это была любовь сына и певца к истоку своей жизни, к роднику своей одаренности, к чаше своего мучения и восторга. Поэт был всегда верен тебе своим словом, наполненным страстью жизни, и жизнью, отданной слову.

Он любил твой язык как мастер, расширяя его границы, углубляя его звучание.

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

К кому это обращено — к родине, к женщине, к самому себе? Не все ли равно! Это сама беспощадность очищения души, это — алмазная грань совести, снимающая коросту корысти с глубоких шрамов своих обид и сочувствий чужому горю.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!..

Но и в этих годах есть голубые просветы нечаянных радостей — есть радость «Итальянских стихов», написанных словно бы чистым золотом по белому мрамору. Как будто медь торжественной латыни, которая пела ему в уши с надгробных плит Данта и Теодорика, со всей отчетливостью запела в его собственных стихах, чистых, как весенняя лазурь неапольского горизонта, наполненная скрытой силой подземного огня Везувия.

В «Итальянских стихах» необъяснимое очарование торжественной простоты и пышная строгость венецианских дождей, полдневное спокойствие русского характера и сосредоточенность на прекрасном незнакомом мире, уже связанном узами родства с миром собственной красоты и надежды.

И есть в этих испепеляющих душу годах мудрая сказка «Соловьинного сада», песня о соразмерности страсти и долга, притча о безрассудности желания и ответственности свободы, гимн несказанной прелести знойного неба, цветущего зеленого побережья и ослепительно

бирюзового моря. Ассоциативный строй поэмы прост и многообразен. И даже обнажение главной мысли поэмы — «Заглушить рокотание моря Соловиная песнь не вольна!» — не снимает мозаики, разносторонности ее восприятия, потому что она гораздо шире заложенной в ней идеи и ее нельзя расчленить холодным способом привычного анализа.

Да ее и не надо анализировать. Она создана не для анализа, а для восторга перед красотой мира, красотой человеческого ума и чувства. Все в этой поэме предельно сжато, но от этого простор отраженного мира не теряет своих широких горизонтов. Поэма празднична по звучанию, потому что праздничен труд, который возвел и увенчал розами белую ограду соловьиного сада.

Но жизнь и трагична, она нередко оборачивается тяжелыми потерями и обманом.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Она еще окликнет его и — скроется в зыбкой глубине зеркала. А он еще увидит ее «под насыпью, во рву некошенином» и поймет: «Любовью, грязью иль колесами Она раздавлена — всё больно». И будет вновь бродить по своему городу, как все поэты мира, — в поисках чуда, пока наконец не поймет,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь...

И Блок опять — в который раз! — прислушается к ветру времени, попытается понять, о чем он поет. И опять пойдет лабиринтом улиц и переулков, вышагивая, вымеряя и выверяя ритм своей души соотносительно с нервным ритмом мира. И пролетят года и миры перед его мысленным взором. И он опять задумается:

✓ Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет.

Ему уже не выйти из этого круга. Он — поэт. Он не может жить без раздумий о мире и о каждом встречном человеке. Такова уж его судьба. Он на веки веков приговорен к этому прекрасному беспокойству. Он и после смерти своей не даст покоя всем, кто захочет взглянуть в его вселенную, кто попадет в соловьиный сад его поэзии, в его

космический корабль, стартовавший из своего земного дня в завтрашний день человечества.

Лирическая летопись души стала у Блока, к нашей радости, духовной летописью времени. И его «Авиатор», гибнущий на глазах у жадной до сенсации публики, силой размышлений поэта встает из обломков как некий символ времени, проецируется на события и тревоги наших дней.

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

Как правило, эти «летуны», как бы предупрежденные Блоком, плохо кончали, ища спасения или в монастыре, или в сумасшедшем доме. Их разум был опален страхом или раскаянием. Адское пламя взрыва шло за ними как расплата за содеянное зло.

Блок видел своими вещими глазами «пляску смерти», слышал чутким слухом, как «кости лязгают о кости»:

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

«Мертвец» распоряжается жизнью живых, и «петроградское небо мутится дождем», и по приказу «мертвецов» живые убивают живых, и поэт не может стоять в стороне от этих событий. Он вместе с народом, и шовинистический угар не ослепляет его трезвого взгляда, видящего, как ползет по лесам и полям России, по ее городам и весям «отравленный пар с галицийских кровавых полей». И поэт признается себе, и времени, и всем временам:

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.

У него хватает силы и мужества: «Пускай грядущего не видя, — Дням настоящим молвить: нет!»

Блок не может стоять и не стоит в стороне от дикого грохота войны. На его плечах тоже шинель беспросветно-серого цвета, серого, как туча горя и печали, закрывшая над Россией солнце жизни. Поэт с народом, в народе. Он сам частица этого необозримого множества воли и характеров множества, которое «мертвецы» предали и завели на минное поле. Вступая в перекличку с Некрасовым, Блок

сам начинает размышлять о той одной-единственной душе, которой «не вернуть своих детей, погибших на кровавой ниве». Он создает потрясающий образ скорбящей России:

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

Это написано в 1916 году. На третий год мировой войны. За год до нашей Революции. Это написано в год моего рождения. Написано о моей родине, России и о моей матери. Это написано о миллионах матерей мира, об их доле, об их глазах, полных горячих слез и надежды. И я могу плакать над этой запечатленной судьбой от сочувствия и восторга перед нею, от трудной причастности своей судьбы к истории и жизни моего народа, к его отходчивой душе. И в самом деле:

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Изнурительное бремя войны измотало народ и в деревне, и в городе. Разруха, нищета, голод, беда. Демагогия Временного правительства. Мыльные слова, потерявшие почву и значение. И пылинка далеких стран на лезвии карманного ножа при всем воображении не заменит хлеба, которого нет.

Блок в эту пору все ближе приглядывается к Горькому, работая с ним по его приглашению в издательстве «Всемирная литература». Он переводит Исаакяна и поэтов Скандинавии. Он прислушивается к речам ораторов на митингах, вглядывается в запавшие глаза солдат, в их обросшие щетиной лица. Он добросовестно разгребает «прогнивший хлев» самодержавия, работая в комиссии по расследованию его преступлений. Блок «всем телом, всем сердцем, всем сознанием

слушает революцию». Он надеется на ее очистительную бурю и накануне Октября записывает в дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране».

Блок ждет Революцию и приветствует ее. Он видит в ней единственное спасение России и Поэзии. И когда Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет после победы Октября пригласил в Смольный художественную интеллигенцию Петрограда, чтобы обсудить с нею вместе насущные вопросы развития культуры, — в Смольный пришло несколько человек, среди них были Александр Блок и Владимир Маяковский.

Блок пошел вместе с народом и отдал ему все свои силы, знания и опыт. Он это сделал по собственной воле и убеждению, после долгих лет глубочайших раздумий над судьбами России, над путями и перепутьями ее художников.

«„Мир и братство народов“ — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток». Так писал Александр Блок. И его слово не расходилось с делом, потому что его делом было слово, обнаженная Революцией правда слова. Он был примером для русской интеллигенции в Революции — умением понимать время, его движущие силы и служить им всеми имеющимися в его распоряжении возможностями.

Великая сила Революции создавала своих великих художников, и эти художники, дыша воздухом ее веры, создавали шедевры, достойные Революции. Среди них поэма Александра Блока «Двенадцать».

Блок по-своему улыбался и воспел Революцию. Его песня стала первым памятником Революции и лебединой песней поэта, его последней песней, вершиной его гения, вершиной, с высоты которой виден весь трудный путь подъема, вся долина поэзии, возделанная его руками. Это вершина, примечательная для других художников, вершина, достойно венчающая сложный и прекрасный путь поэта к народу, к празднику человеческого братства.

«Двенадцать» Александра Блока — первый ориентир Октябрьской Революции в поэзии. Маяковский напишет «Хорошо!», Демьян Бедный «Главную улицу» — потом, после поэмы Блока, когда она разоидется по всему миру, вызывая удивление и восторг друзей нового мира, злобу и ненависть — в лагере реакции, у внешних и внутренних врагов Республики.

Блок написал «Двенадцать» по горячим следам, через два месяца после победы Октября. Написал быстро, за несколько дней. Очевидно, сам материал, сам напор событий, перспектива, которая вдруг открылась перед духовным взором Блока, так захватили и воодушевили его, что он, по обыкновению очень строгий судья всего

выходившего из-под его пера, на этот раз, окончив поэму, записал в дневнике: «Сегодня я — гений».

Сойдя со страниц газеты, уже отделившись от своего создателя, поэма начала самостоятельную жизнь. Сила ее воздействия была огромна. Она объясняла. Предупреждала. Звала. Организовывала.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Поэма жила, действовала — на улице и в казарме, в цехах и на фронте.

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Она подбадривала, наполняла всрой, воодушевляла:

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Блок всегда имел чуткий слух. Он умел, как никто, слушать и понимать ветер времени. И ветер победившей Революции свистел в его поэме, наполняя ее неистовый мир свежестью и надеждой. И рваный ритм стиха был под стать убыстренному революцией ритму жизни. Новаторская форма поэмы, ее разговорно-лозунговый строй, определенность ее революционной направленности делали ее доходчивой, действенной.

Всей собранностью своих двенадцати глав она учила собранности характера и души.

Она стала народным явлением. Явлением Революции. Взрывной силой ее действия.

Поэма, естественно, потребовала от Блока всего опыта, всего мастерства, собранности последних сил построчечно растрченного здоровья и души. Он отдал поэме все, ничего не пожалел, ничего не оставил себе.

На большее у него не хватит сил.

Правда, он еще увидит, что: «Высоко — над нами — над волнами, — как заря над черными скалами — Вост знамя — Интернационал!»

Правда, он еще успеет сказать Человечеству:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Александр Блок с глубокой серьезностью относился к своему делу — к делу литературы; он всеми знаниями своими и темпераментом боролся за Высокую Русскую Литературу — и не только как поэт и драматург, а и как прекрасный публицист, понимающий свое назначение и ответственность.

Это святая правда, что «песня с бурей вечно сестры». И в великой кладовой культурного наследия человечества есть слово судьбы русского поэта Александра Блока. Есть в могучей реке русской поэзии Блоковский пережат, живой, бунтующий, клокочущий страстью и неодолимой силой устремленности в завтрашний светлый день мира. Этот пережат возник на пережате мировой истории, и вместе с породившей его Революцией он держит связь времен и поколений. Надежно держит.

Словно обращаясь к миру и к себе, размышляя о своей судьбе, Александр Блок говорит:

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь свободы торжество!*

...Так пусть этот юноша с завитками рыжих волос над высоким лбом и с открытым взглядом светлых глаз, стоя у этого пережата, найдет в себе силу и право повторить, размышляя над своей судьбой, вслед за Блоком:

А мир — прекрасен, как всегда.

МИХАИЛ ДУДИН

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

1880 — 1897

1880, 16 (28 н. ст.) ноября. В «ректорском доме» Петербургского университета (Ленинград, Университетская набережная, 9) родился Александр Александрович Блок. Отец — Александр Львович Блок (1852 — 1909), юрист и философ, профессор Варшавского университета по кафедре государственного права. Мать — Александра Андреевна (1860 — 1923), детская писательница и переводчица, дочь видного ученого (ботаника) и общественного деятеля Андрея Николаевича Бекетова (1825 — 1902), профессора и ректора (в 1876 — 1883 гг.) Петербургского университета, и Елизаветы Григорьевны Бекетовой, урожденной Карелиной (1836 — 1902) — известной переводчицы.

1881, лето. Младенца Блока в первый раз привозят в усадьбу Бекетовых село Шахматово, Клинского уезда Московской губернии, где он в течение почти всей жизни (до 1916 г.) проводит летние месяцы.

1883, осень — 1884, май. Поездка за границу (Триест и Флоренция) с матерью, бабушкой, теткой (М. А. Бекетовой) и няней (С. И. Колпаковой).

1887 — 1888. Первые дошедшие до нас детские произведения Блока в стихах и в прозе.

1889, 24 августа. По указу Синода расторгнут брак родителей Блока. Вскоре (17 сентября 1889 г.) А. А. Бекетова-Блок вторично вышла замуж, за гвардейского офицера Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух (1860 — 1920). Мать с сыном поселяются в офицерском корпусе казарм лейб-гвардии Гренадерского полка (Петербургская набережная Большой Невки); здесь Блок прожил семнадцать лет.

1890, лето. Поездка с матерью и отчимом в Саратовскую губернию, в усадьбу родственников (Бекетовых) Урлейку.

1891, 27 августа. Определен во II класс петербургской Введенской гимназии.

1893. Первые посещения театра (балетные спектакли в Мариинском театре — «Синяя борода» и «Спящая красавица»).

1894, 16 января. Первое посещение драматического театра («Плоды просвещения» Л. Н. Толстого в Александринском театре).

Январь. Вышел первый номер рукописного журнала «Вестник», выпускавшегося Блоком сообща с родственниками до января 1897 г. (всего вышло 37 номеров).

1895, лето. Впервые (после ранних детских лет) встречается с будущей женой — Любовью Дмитриевной Менделеевой (1881—1939), дочерью великого русского ученого Д. И. Менделеева. Семья Менделеевых в летние месяцы жила в усадьбе Боблово (в 8 верстах от бекетовского Шахматова).

1896, 1 июля. Первый любительский спектакль, устроенный Блоком в Шахматове («Спор древнегреческих философов об изящном» Козьмы Пруткова).

Июль. Поездка с родственниками в Нижний Новгород, на Всероссийскую промышленную выставку.

1897, 4 января. Любительский спектакль, устроенный Блоком (водевиль Лабиша «La grammaire»; «Спор древнегреческих философов...»).

Май — июль. Поездка с матерью и теткой (М. А. Бекетовой) в Бад Наугейм (курортный городок в Германии). Встреча с К. М. Садовской, оставившая глубокий след в творчестве Блока.

8 августа. Театрализованное выступление Блока в Шахматове — «Ромео над могилой Джульетты».

31 октября. Дата первого стихотворения («Ночь на землю сошла...»), внесенного Блоком в рукописное собрание его лирики.

1898

30 мая. Кончает гимназию.

Начало июня. Поездка в Москву.

5 июня. Приезжает в Шахматovo.

Июнь — июль. Начало увлечения Л. Д. Менделеевой. Начинает вести дневник (1898—1900), впоследствии уничтоженный.

Июль. Поездка в Трубицыно — подмосковную усадьбу двоюродной бабки, А. Г. Карелиной.

26 июля. Подает прошение о зачислении на юридический факультет Петербургского университета.

1 августа. Любительский спектакль в Боблове — сцены из «Гамлета» (Блок — Гамлет, Л. Д. Менделеева — Офелия).

Начало августа. Поездка в Дедово — подмосковную усадьбу двоюродной бабки, А. Г. Коваленской. Сближение с проживавшими там М. С. и О. М. Соловьевыми и их сыном С. М. Соловьевым (троюродный брат Блока).

Август. Любительские спектакли в Шахматове, Боблове и Дедове с участием Блока (сцены из «Горя от ума», «Бориса Годунова», «Орлеанской девы» и др.).

24 августа. Возвращается в Петербург.

31 августа. Поступает на юридический факультет Петербургского университета.

1899

16 мая. Приезжает в Шахматово.

Лето. Спектакли в Боблове с участием Блока (сцены из «Бориса Годунова», «Скупой рыцарь» и «Каменный гость»).

Август. Первое знакомство с новейшей, декадентской литературой (повесть Э. Гиппиус «Зеркала»).

Поездка в Трубицыно.

25 (?) августа. Возвращается в Петербург.

Осень — зима. Участвует в Петербургском драматическом кружке; выступает, под фамилией Борский, в открытом спектакле («Горнозаводчик» Ж. Оне).

1900

Февраль. Единственный раз видит издали (на похоронах родственницы) Вл. Соловьева.

Весна. Дружески сближается со студентом-юристом и начинающим поэтом А. В. Гиппиусом.

17 мая. Приезжает в Шахматово.

Лето. Занимается историей философии; изучает сочинения Платона.

Спектакли в Боблове с участием Блока (водевиль «Художник Мазилка», репетиции «Снегурочки» А. Н. Островского).

7 сентября. Возвращается в Петербург.

Осень. Первая попытка напечатать стихи в журнале «Мир божий», не увенчавшаяся успехом.

1901

Январь. Берет уроки декламаций в театральной школе М. М. Читау.

Февраль. Посещает собрания Кружка изящной словесности при Петербургском университете; отдает несколько стихотворений

в подготавливавшийся кружок студенческий литературно-художественный сборник.

Март — апрель. Смотрит чеховские спектакли гастролировавшего в Петербурге Художественного театра («Дядя Ваня», «Три сестры»).

Апрель. Знакомство с поэзией Вл. Соловьева.

Май. Знакомство с творчеством В. Брюсова и других поэтов-символистов (альманах «Северные цветы на 1901 год»).

Около 29 мая. Уезжает в Шахматово.

Июнь. Переводит очерк Э. Ренана об Ироде Великом.

Июль. Любительские спектакли в Боблове с участием Блока («Горящие письма» П. Гнедича, «Предложение» А. П. Чехова).

Август. Поездка в Дедово. Знакомство с философскими сочинениями Вл. Соловьева.

7 сентября. Возвращается в Петербург.

10 сентября. Посылает свои стихи В. Брюсову для альманаха «Северные цветы» (посылка не дошла по назначению).

27 сентября. Подает прошение о переходе с юридического факультета на славяно-русское отделение историко-филологического факультета.

21 ноября. Первое письмо к Л. Д. Менделеевой.

29 ноября. Открытие Религиозно-философских собраний, которые Блок в дальнейшем посещает аккурратно.

1902

11 января. Закончен набросок статьи о новейшей русской поэзии.

26 марта. Знакомство с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским.

6 июня. Приезжает в Шахматово.

1 июля. Смерть деда — А. Н. Бекетова.

22—23 августа. Поездка в Москву.

1 сентября. Возвращается в Петербург.

1 октября. Смерть бабушки — Е. Г. Бекетовой.

Октябрь. Посещает собрания сотрудников журнала «Мир искусства».

Передает З. Н. Гиппиус 12 стихотворений для помещения в журнале «Новый путь».

30 октября. М. С. Соловьев передал В. Брюсову стихи Блока для помещения в альманахе «Северные цветы».

7 ноября. Решительное объяснение Блока с Л. Д. Менделеевой на балу, устроенном слушательницами Высших женских курсов в зале Дворянского собрания.

Декабрь. Стихи Блока приняты В. Брюсовым для альманаха «Северные цветы».

2 января. Делает предложение Л. Д. Менделеевой и получает согласие ее родителей.

3 января. Начинает переписку с Андреем Белым.

16 января. Смерть М. С. Соловьева и самоубийство О. М. Соловьевой.

30 января. Знакомство с В. Брюсовым.

6 марта. Знакомство с Е. П. Ивановым, вскоре перешедшее в тесную дружбу.

Март. Литературный дебют Блока: цикл «Из посвящений» (10 стихотворений) в петербургском журнале «Новый путь», № 3. Вслед за тем, весной 1903 года, стихи Блока появляются в «Литературно-художественном сборнике» студентов Петербургского университета (3 стихотворения) и в московском альманахе «Северные цветы на 1903 год» (цикл «Стихи о Прекрасной Даме» — 10 стихотворений).

25 мая. Обручение с Л. Д. Менделеевой в церкви Петербургского университета.

26 мая. Уезжает с матерью в Бад Наугейм.

29 мая — 1 июля. Живет в Бад Наугейме.

6 июля. Приезжает в Шахматово.

17 августа. Свадьба Блока и Л. Д. Менделеевой (венчание в церкви Михаила Архангела, села Высокое, погоста Никольского — поблизости от Шахматова и Боблова; свадебный обед в Боблове).

18 августа. Возвращается с женой в Петербург.

Сентябрь. Первая напечатанная проза Блока (рецензии в журнале «Новый путь», № 9).

10 ноября. Получает предложение подготовить сборник стихов для московского издательства «Гриф».

10—24 января. Поездка в Москву. Знакомство с московскими символистами (А. Белым, К. Бальмонтом, Эллисом, Н. Петровской и др.).

Февраль. Дружеское сближение с С. Городецким.

Весна. Знакомство и сближение с Г. Чулковым.

22 апреля. Приезжает в Шахматово.

Первая половина июля. В Шахматове гостят А. Белый, С. Соловьев и А. Петровский.

25 августа. Возвращается в Петербург.

1 сентября. Закончено составление сборника «Стихи о Прекрасной Даме».

25 октября. Выход в свет в московском изд-ве «Гриф» сборника «Стихи о Прекрасной Даме» (книга помечена 1905 г.; тираж — 1200 экз.; в книгу вошло 93 стих. — из почти 750-ти, написанных к тому времени).

Октябрь. Закончено кандидатское сочинение «Болотов и Новиков».

13 декабря. Первое публичное обсуждение творчества Блока — доклады С. Городецкого и А. Кондратьева в Кружке изящной словесности при Петербургском университете.

1905

Январь и следующие месяцы. Знакомство и сближение с А. Ремизовым, Вяч. Ивановым и В. Пястом.

Апрель. Написана статья «Творчество Вячеслава Иванова».

28 апреля. Приезжает в Шахматово.

Июнь. А. Белый и С. Соловьев гостят в Шахматове.

27 августа. Возвращается в Петербург.

17 (?) октября. Участвует в революционной манифестации, неся во главе нее красное знамя.

18 ноября. Первоначальный набросок поэмы «Ночная Филка».

Ноябрь. Пишет «Очерк литературы о Грибоедове». Начинает переводить стихи Байрона.

Конец года. Написана статья «Краски и слова».

1906

2 января. Предлагает изд-ву «Скорпион» (Москва) второй сборник стихов.

3 января. Впервые встречается с М. Горьким на собрании писателей и художников у Вяч. Иванова.

23 января. Вчерне закончены драматические сцены «Балаганчик».

25 февраля. Читает «Балаганчик» у себя дома кружку молодых литераторов, музыкантов и художников.

27 февраля. Опубликована статья «Педант о поэте».

Конец марта. Закончена подготовка второго сборника стихотворений «Нечаянная Радость».

Начало апреля. Драматические сцены «Балаганчик» напечатаны в альманахе «Факелы».

5 мая. Кончает славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета с дипломом I степени.

- 6 мая. Закончена поэма «Ночная Фиалка».
- 12 мая. Приезжает в Шахматово.
- 18–26 июля. Е. П. Иванов гостит в Шахматове.
- 3 августа. Вечерне закончена драма «Король на площади».
- Август. Написаны «Диалог о любви, поэзии и государственной службе» и предисловие к сборнику «Нечаянная Радость».
- 24 августа. Возвращается в Петербург.
- 2 сентября. Поселяется отдельно от матери (Ляхтинская ул., 3).
- Сентябрь. Написана статья «М. А. Бакунин».
- 10 октября. Закончена вторая редакция драмы «Король на площади».
- 14 октября. Читает драму «Король на площади» труппе театра В. Ф. Коммиссаржевской. Встреча с Н. Н. Волоховой.
- 17 октября. Художественный совет театра В. Ф. Коммиссаржевской извещает Блока о решении поставить драму «Король на площади».
- Октябрь. Закончена статья «Поэзия заговоров и заклинаний». Написана статья «Безвременье».
- 10 ноября. Открытие театра В. Ф. Коммиссаржевской (спектакль «Гедда Габлер» Г. Ибсена).
- 11 ноября. Закончена драма «Незнакомка».
- Ноябрь. Написаны очерк «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» и статья «Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской».
- 30 ноября – 5 декабря. Поездка в Москву.
- 10 декабря. Начались репетиции «Балаганчика» в театре В. Ф. Коммиссаржевской.
- 29 декабря. Наброски неосуществленной драмы «Дионис Гипперборейский».
- 30 декабря. Первое представление «Балаганчика» в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

1907

- 29 декабря 1906 – 13 января 1907. Написан цикл стихотворений «Снежная маска».
- Январь. Написаны примечания к лицейским стихам Пушкина.
- 1 февраля. Читает драму «Незнакомка» и стихи в Кружке молодых.
- Март. Переводит новеллу И.-П. Якобсена «Пусть розы здесь цветут».
- 8 апреля. Вышел в свет сборник стихотворений «Снежная маска».

Апрель. Задумана драма «Песня Судьбы».

Опубликованы драма «Король на площади» («Золотое руно», № 4) и «Диалог о любви, поэзии и государственной службе» («Перевал», № 6).

16—20 апреля. Поездка в Москву. Принимает на себя ведение критических обзоров текущей литературы в журнале «Золотое руно».

12 мая. Покидает квартиру на Лахтинской улице; временно поселяется у матери, в казармах Гренадерского полка.

Май—июль. Написана статья «О реалистах».

Май—июль. Опубликована драма «Незнакомка» («Весы», №№ 5—7).

10 июня. Приезжает в Шахматово.

22 июня. Возвращается в Петербург.

Июнь—июль. Написаны стихотворный цикл «Вольные мысли», статьи «О лирике» и «Творчество Федора Сологуба».

15 (?) июля. Приезжает в Шахматово.

29 августа. Возвращается в Петербург.

30 августа—13 сентября. Московские гастрольные театры В. Ф. Коммиссаржевской (несколько представлений «Балаганчика»).

Август—сентябрь. Написаны предисловие к сборнику «Лирические драмы» и статья «О драме».

Начало сентября. Переезд на новую квартиру (Галерная ул., 41).

15 сентября. Знакомство с Л. Андреевым.

Сентябрь. Написана статья «Пробуждение весны».

2—8 октября. Поездка в Киев для участия в литературном вечере.

12 октября. Написана «Сказка о той, которая не поймет ее».

19 октября. Последнее в сезоне представление «Балаганчика» в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

Октябрь. Написана статья «Пеллеас и Мелизанда».

31 октября. Закончен перевод миракля Рютбефа «Действо о Теофиле».

16—17 ноября. Поездка в Ревель (к переехавшей туда матери).

Ноябрь. Начало переписки с Н. Клюевым. Написана статья «О современной критике».

Ноябрь—декабрь. Написана статья «Литературные итоги 1907 года».

6 декабря. Драма «Незнакомка» читается по ролям (с участием Блока) в Новом театре.

7 декабря. Первое представление «Действа о Теофиле» в Старинном театре.

15—24 февраля. Поездка в Ревель.

Февраль. Вышел в свет сборник «Лирические драмы».

Написана статья «Три вопроса».

Переводит стихи и маленькие драмы М. Метерлинка.

Февраль — март. Написана статья «О театре».

Между 2 и 5 марта. Поездка в Москву; решительное объяснение с Н. Н. Волоховой.

18 марта. Выступает с публичной лекцией «О театре» в Театральном клубе.

28 апреля. Закончен перевод драмы Ф. Грильпарцера «Праматерь».

29 апреля. Закончена драма «Песня Судьбы» (в первой редакции).

3 мая. Прекращает переписку и личные отношения с А. Белым (до лета 1910 г.)

Май. Задумывает «Сказку о венгерской графине» и другие рассказы в прозе.

4 июня. Приезжает в Шахматово.

23 июня. Закончена новая редакция драмы «Песня Судьбы».

2 июля. Возвращается в Петербург.

Июль. Вышел сборник стихотворений «Земля в снегу».

Написана статья «Об одной старинной пьесе».

21 августа. Приезжает в Шахматово.

Август. Написаны статьи «Письма о поэзии» и «Солнце над Россией».

4 октября. Возвращается в Петербург.

Октябрь. Написана статья «Вечера „искусств“».

29 октября. Выбран членом возобновленного Религиозно-философского общества; выступает с речью на собрании Общества.

2 ноября. Выступает с лекцией об Ибсене в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

13 ноября. Выступает с докладом «Россия и интеллигенция» в Религиозно-философском обществе.

25 ноября. Прения по докладу Блока в Религиозно-философском обществе.

30 ноября. Выступает с лекцией об Ибсене в Психоневрологическом институте.

Ноябрь. Написаны статьи «Вопросы, вопросы и вопросы» и «Ирония».

Вышел в свет отдельным изданием перевод трагедии Ф. Грильпарцера «Праматерь».

12 декабря. Выступает с докладом «Россия и интеллигенция» в Литературном обществе.

18 декабря. Читает у себя на дому кружку друзей драму «Песня Судьбы».

30 декабря. Выступает с докладом «Стихия и культура» в Религиозно-философском обществе.

1909

Январь. Переводит стихи Гейне (цикл «Опять на родине» из «Книги песен»).

Написана статья «Мережковский».

29 января. Первое представление трагедии Ф. Грильпарцера «Праматерь», в переводе Блока, в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

18 февраля. Читает драму «Песня Судьбы» на Высших женских курсах.

Февраль. Написаны статьи «Душа писателя» и «Бальмонт».

19 марта. Выступает на вечере памяти Гоголя с речью «Дня Гоголя».

25—29 марта. Поездка в Ревель.

14 апреля—19 июня. Заграничное путешествие по Италии и Германии (Венеция, Равенна, Флоренция, Сетиньяно, Перуджа, Ассизи, Фолиньо, Сполето, Орвьетто, Сисна, Пиза, Марина ди Пиза, Милан, Франкфурт-на-Майне, Бад Наугейм, Рейн, Кёльн, Берлин).

21 июня. Возвращается в Петербург.

30 июня Приезжает в Шахматово.

-30 сентября. Возвращается в Петербург.

Октябрь. Начинает работу над книгой итальянских впечатлений («Молнии искусства»). Работа была продолжена в декабре 1912, апреле 1918 и апреле 1920 гг.

Написана статья «Горький о Мессинс».

18 ноября. Знакомство со сводной сестрой Анжелиной (1892—1918), дочерью А. Л. Блока от второго брака.

30 ноября. Получив известие о смертельной болезни отца, выезжает в Варшаву.

1 декабря. Приезжает в Варшаву.

4 декабря. Похороны А. Л. Блока.

19 декабря. Возвращается в Петербург.

29 декабря 1909—9 января 1910. Поездка в Ревель.

22 января. Написана статья «Противоречия».

11 февраля. Написана статья «Вера Федоровна Коммиссаржевская».

7 марта. Выступает с речью о В. Ф. Коммиссаржевской на вечере ее памяти.

3 апреля. Выступает с речью о М. А. Врубеле на его похоронах.

8 апреля. Выступает с докладом «О современном состоянии русского символизма» в Обществе ревнителей художественного слова.

Апрель. Написана статья «Литературный разговор».

1 мая. Приезжает в Шахматово.

7 июня. Первые наброски поэмы «Возмездие».

Октябрь. Готовит к изданию сборник лирики «Ночные часы».

31 октября. Приезжает в Москву. Присутствует на лекции А. Белого о Достоевском. Получает от изд-ва «Мусагет» предложение издать «Собрание стихотворений» в трех книгах.

5 ноября. Возвращается в Петербург.

Ноябрь. Переезд на новую квартиру (Малая Монетная ул., 9).

Набросок статьи «(Ответ Мережковскому)».

Ноябрь — декабрь. Готовит к изданию I книгу «Собрания стихотворений».

14 декабря. Выступает с речью «Рыцарь — монах» на вечере памяти Вл. Соловьева.

24 — 30 декабря. Поездка в Ревель.

1911

2 января. Закончен первый вариант поэмы «Возмездие» (III глава окончательного текста).

9 января. Закончено составление I книги «Собрания стихотворений».

19 января. Выступает с речью «Рыцарь — монах» (о Вл. Соловьеве) в Религиозно-философском обществе.

Январь — март. Работа над поэмой «Возмездие».

Около 10 мая. Вышла в свет I книга «Собрания стихотворений».

18 мая. Приезжает в Шахматово.

Май — июнь. Знакомство с творчеством А. Стриндберга. Подготовка II и III книг «Собрания стихотворений».

14 — 16 июня. Поездка в Москву.

30 июня. Возвращается в Петербург.

5 июля — 6 сентября. Заграничное путешествие: Берлин, Ганновер, Кёльн, Льеж, Намюр, Париж, Брест, Аберврак (9 июля — 2 авгу-

ста), Кэмпер (2–13 августа), Париж (14–23 августа), Антверпен, Брюгге, Гент, Гейст, Флиссинген, Миддельбург, Дордрехт, Роттердам, Гаага, Амстердам, Берлин (31 августа – 6 сентября).

7 сентября. Возвращается в Петербург.

Сентябрь – октябрь. Работа над поэмой «Возмездие».

17 октября. Начинает вести дневник (и ведет его систематически до конца мая 1913 года).

Октябрь. Личное знакомство с Н. Клюевым.

Около 30 октября. Вышел в свет четвертый сборник лирики «Ночные часы».

5 декабря. Выясняется план поэмы «Возмездие» в четырех главах с прологом и эпилогом.

Около 19 декабря. Вышла в свет II книга «Собрания стихотворений».

1912

20 января. Написана статья «Дневник женщины, которую никто не любил» (в первой редакции).

Около 25 марта. Вышла в свет III книга «Собрания стихотворений».

27 марта. Знакомство с М. И. Терещенко, который предлагает Блоку написать для композитора А. К. Глазунова сценарий балета.

31 марта. Написан первоначальный набросок балетного сценария из жизни провансальских трубадуров XIV–XV вв. (будущая драма «Роза и Крест»).

Апрель. Написана статья «От Ибсена к Стриндбергу».

Апрель – май. Новые планы «Розы и Креста», сперва как балета, потом – как оперы.

9 мая. Закончена статья «Памяти Августа Стриндберга».

Май – июнь. Работа над «Розой и Крестом».

Начало июня. Составлены две книжки стихов для детей – «Сказки» и «Круглый год».

6 июня. Вчерне дописан I акт драмы «Роза и Крест».

5 июля. Приезжает в Шахматово.

13 июля. Возвращается в Петербург.

24 июля. Переезд на новую квартиру (Офицерская ул., 57).

9 августа. Приезжает в Шахматово.

14–17 августа. Поездка в Москву.

18 августа. Возвращается в Петербург.

31 октября. Закончена драма «Роза и Крест» (во второй редакции).

9 ноября. Новый проект радикальной переработки «Розы и Креста».

14 ноября. Написана статья «Памяти К. В. Бравича».

24 ноября. Читает записку об отношении газеты к искусству на совещании сотрудников газеты «Русская молва».

8 декабря. Начинает заново писать «Розу и Крест».

14 декабря. Закончена статья «Искусство и газета»

20 декабря. Написана статья «Непонимание или нежелание понять?»

Декабрь. Вышли в свет сборники стихов для детей - «Сказки» и «Крутлый год»

1913

19 января. Окончена драма «Роза и Крест»

Конец января. Приступил к подготовке нового издания «Собрания стихотворений» для изд-ва «Сирин».

3 февраля. Драма «Незнакомка» поставлена в Московском литературно-художественном кружке (студия С. В. Халютиной). Блок этого спектакля не видел.

4 апреля. Читает драму «Роза и Крест» в Обществе поэтов.

10 апреля. Закончена подготовка трех книг «Собрания стихотворений» для изд-ва «Сирин». (Издание не было осуществлено.)

27 апреля. Читает драму «Роза и Крест» К. С. Станиславскому и обсуждает с ним проект постановки драмы в Художественном театре.

2 мая. Написаны «Записки Бертрана».

7 июня. «В последний раз приложил руку» к драме «Роза и Крест».

12 июня — 31 июля. Заграничное путешествие: Париж (14 — 24 июня), Бордо, Сен-Жан-де-Люц, Гетари — Сан-Себастьян — Фуентаррабия — Пиренеи (25 июня — 19 июля), Биарриц (19 — 26 июля), Париж (26 — 31 июля).

3 августа. Возвращается в Петербург.

9 августа. Приезжает в Шахматово.

Август. Драма «Роза и Крест» напечатана в первом выпуске альманаха «Сирин».

7 (?) сентября. Возвращается в Петербург.

Октябрь. Написана статья «Пламень».

Впервые в театре Музыкальной драмы видит Л. А. Дельмас в партии Кармен в одноименной опере Ж. Бизе.

2 или 4 декабря. Присутствует на представлении пьесы В. Маяковского «Владимир Маяковский». Под впечатлением спектакля положительно отзываясь о творчестве Маяковского.

9 декабря. Задумывает драму «Нелепый человек».

1914

6 января. Начата поэма «Соловьиный сад».

Февраль — март. Блок вновь смотрит спектакли театра Музыкальной драмы «Кармен», с участием Л. А. Дельмас.

14 февраля. Первое письмо к Л. А. Дельмас.

4 марта. Написано первое стихотворение цикла «Кармен».

13 марта. Вечер Блока в Женском педагогическом институте.

28 марта. Знакомство с Л. А. Дельмас.

31 марта. Закончен стихотворный цикл «Кармен».

7—11 апреля. В Тенишевском зале (Петербург) ежедневно утром и вечером идут представления драм Блока «Незнакомка» и «Балаганчик» (спектакль студии В. Э. Мейерхольда). Блок присутствовал на вечерних спектаклях 7 и 10 апреля.

9 июня. Приезжает в Шахматово.

19 июля. Закончен (вчерне) перевод «Легенды о св. Юлиане Странноприимце» Г. Флобера.

20 июля. Возвращается в Петербург.

Сентябрь — октябрь. Готовит к изданию собрание стихотворений Аполлона Григорьева.

Декабрь. Работа над поэмой «Возмездие».

1915

14 января. Закончена статья «Судьба Аполлона Григорьева».

9 марта. Сергей Есенин приходит к Блоку показать свои стихи; Блок активно содействует появлению стихов Есенина в печати.

Март — май. Готовит новое издание «Стихотворений» (в трех томах) и «Театра» для изд-ва «Мусагет».

25 мая. Написана статья «Роза и Крест».

Май. Вышел в свет сборник «Стихи о России».

21 июня. Закончена «Автобиография» (во второй, расширенной редакции).

1 июля. Приезжает в Шахматово.

10—14 августа. Поездка в Петроград.

6—8 сентября. Поездка в Москву.

29 сентября. Возвращается в Петроград.

14 октября. Закончена поэма «Соловьиный сад».

23 октября. Записан план драмы «Нелепый человек».

24 октября. Вышел в свет I том «Переписки» Г. Флопера под редакцией Блока.

7 ноября. Вышел в свет сборник «Стихотворения Аполлона Григорьева» под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями Блока.

24 ноября. Получает известие о том, что драма «Роза и Крест» назначена к постановке в Художественном театре.

Ноябрь — декабрь. Переводит стихи Аветика Исаакяна, латышского поэта Плудониса и финских поэтов.

25 декабря. В газете «Русское слово» напечатана поэма «Соловьиный сад».

1916

9 или 10 марта. Встречается с В. И. Немировичем-Данченко для предварительного обсуждения плана постановки драмы «Роза и Крест» в Художественном театре.

28 марта — 6 апреля. Поездка в Москву. Восемь собеседований с руководством и труппой Художественного театра (читает и истолковывает драму «Роза и Крест»). Выступает со стихами в Студии Художественного театра (30 марта) и на литературном вечере в пользу раненых.

7 апреля. Возвращается в Петроград.

Апрель. Вышли в свет «Театр» и I том «Стихотворений» в изд-ве «Мусaget».

Май. Интенсивная работа над поэмой «Возмездие».

4 июня. Закончена I глава поэмы «Возмездие».

Июнь. Вышел в свет II том «Стихотворений».

7 июля. Призван в действующую армию и зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза Земств и Городов.

18—22 июля. Последняя поездка в Шахматово.

26 июля. Выезжает в расположение 13-й дружины (ст. Луинец Полесских ж. д., в районе Пинских болот). Живет и работает в усадьбе Парохонск, в деревнях Колбы и Лопатино.

Июль. Вышел в свет III том «Стихотворений».

Конец сентября. Приезжает в Петроград в отпуск.

2 ноября. Возвращается в дружину.

Январь. Пролог и I глава поэмы «Возмездие» напечатаны в журнале «Русская мысль».

10 марта. На заседании инициативной группы избран (заочно) в президиум Временного комитета деятелей искусств.

17 марта. Выезжает из дружины.

19 марта. Возвращается в Петроград.

9 апреля. Уезжает в Крюково (под Москвой).

13—17 апреля. Находится в Москве; присутствует на репетициях драмы «Роза и Крест» в Художественном театре.

18 апреля. Возвращается в Петроград.

25 апреля. Избран членом Литературной комиссии при Александринском театре.

8 мая. Назначен редактором стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для расследования противозаконной деятельности царских министров и сановников.

25 мая. Снова начинает вести дневник.

6 июня. Отказывается от участия в совещании, созванном лидерами кадетской партии в целях привлечения писателей к делу подготовки Учредительного собрания.

16 июня. Присутствует на заседании Первого Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Август. Начало работы над очерком «Последние дни старого режима».

7 сентября. Избран членом Литературно-театральной комиссии при государственных театрах.

19 сентября. Написана статья «Письмо о театре» (обработана 3 апреля 1918 г.).

Начало октября. Принимает участие в работе Комиссии по реорганизации государственных театров.

15 октября. Отказывается от участия в антибольшевистской газете «Час», организованной Б. Савинковым, З. Гиппиус, Д. Мережковским и др.

Начало ноября. Участвует в совещании представителей петроградской литературно-художественной интеллигенции, созванном в Смольном по инициативе ВЦИКа. Участники совещания заявили о своей готовности сотрудничать с Советской властью.

10 ноября. Конец работы в самораспустившейся Чрезвычайной следственной комиссии.

Конец года. Участвует в жюри конкурса на сооружение памятника жертвам революции на Марсовом поле (в составе жюри также А. В. Луначарский и А. М. Горький).

25 декабря. Составляет предварительный план Собрания сочинений в десяти томах.

30 декабря. Начата статья «Интеллигенция и Революция».

1918

1 января. Отвечает на анкету о праве литературного наследования.

7 января. Записан план пьесы об Иисусе Христе.

8 января. Начал писать поэму «Двенадцать».

9 января. Закончена статья «Интеллигенция и Революция»

12 января. Назначен членом правительственной Литературно-художественной комиссии по изданию классиков литературы.

14 января. Отвечает на анкету «Может ли интеллигенция работать с большевиками?»

28 января. Закончена поэма «Двенадцать».

30 января. Написано стихотворение «Скифы».

1 февраля.¹ Статья «Интеллигенция и Революция» напечатана в газете «Знамя труда».

20 февраля. Стихотворение «Скифы» напечатано в газете «Знамя труда».

22 февраля. Первые наброски стихотворения «Русский бред».

3 марта. Поэма «Двенадцать» напечатана в «Знамени труда».

Февраль — март. Разрыв с антисоветски настроенными литераторами (З. Гиппиус, Д. Мережковский, В. Пяст и др.).

12 марта. Написана статья «Искусство и Революция».

Конец марта. Приступил к работе в Репертуарной секции Петроградского Театрального отдела Наркомпроса.

3 апреля. Закончен очерк «Последние дни старого режима».

19 апреля. Закончена (в новой редакции) статья «Дневник женщины, которую никто не любил».

21 апреля. Написана вводная часть очерка «Исповедь язычника».

22 апреля. Начат очерк «Катилина».

1 мая. Написан фельетон «Сограждане».

2 мая. Написан фельетон «Русские дэнди».

13 мая. Ответ на анкету «Что сейчас делать?..»

Публичное исполнение поэмы «Двенадцать» на «литературном утре» в Тенишевском зале (читала поэму Л. Д. Блок).

17 мая. Закончен очерк «Катилина».

19 мая. Выступил с лекцией о Катилине в Школе журнализма.

3 июня. Вышло в свет первое отдельное издание поэмы «Двенадцать» (со стихотворением «Скифы»).

4 июня. Выступает на «Вечере искусств» в Мариинском театре.

¹ С февраля 1918 г. даты — по новому стилю.

5 июня. Закончена статья «О репертуаре коммунальных и государственных театров».

19 июня. Закончен выбор стихов для книги «Избранные стихотворения».

5 июля. Закончено составление нового (4-го) издания I тома «Стихотворений» для изд-ва «Земля».

19 июля. Вышла в свет отдельным изданием поэма «Соловьиный сад».

24 июля. Закончено составление II тома «Стихотворений» для нового издания (в изд-ве «Земля»).

12 августа. Вышло в свет новое издание «Театра» (изд-во «Земля»).

26 августа. Закончено составление III тома «Стихотворений» для нового издания (в изд-ве «Земля»).

28 августа. Проект комментированного издания I тома «Стихотворений».

29 августа. Закончена статья «Размышления о скудости нашего репертуара».

18 сентября. Вышло в свет новое (4-е) издание I тома «Стихотворений».

24 сентября. Приглашен участвовать в работе изд-ва «Всемирная литература», учрежденного А. М. Горьким.

Октябрь. Вышел в свет сборник статей «Россия и интеллигенция».

7 ноября. Участвует в праздновании первой годовщины Октябрьской революции: днем — на улицах, на митинге у могил жертв революции на Марсовом поле; вечером — на первом представлении «Мистерии-Буфф» В. Маяковского.

8 ноября. Написано «Воззвание Репертуарной секции».

Ноябрь. Участвует в учреждении Вольной философской ассоциации.

27 ноября. Вышло в свет художественное издание поэмы «Двенадцать», с иллюстрациями Ю. Анненкова.

Декабрь. Начал редакторскую работу над подготовкой собрания сочинений Г. Гейне для изд-ва «Всемирная литература».

1919

8 января. Закончена переработка драмы «Песня Судьбы».

Январь. Подготовлен сборник гражданской лирики «Ямбы».

29 января. Выступает с докладом в коллегии Театрального отдела

Февраль. Вышло в свет отдельное издание очерка «Катилина».

8 марта. Утвержден членом коллегии экспертов изд-ва «Всемирная литература» и главным редактором отдела немецкой литературы.

25 марта. Выступает в коллегии «Всемирной литературы» с докладом «Гейне в России»; в докладе была затронута тема кризиса старого гуманизма и либерализма.

30 марта. Выступает с приветствием А. М. Горькому на чествовании его (в связи с 50-летием) в изд-ве «Всемирная литература».

Март. Принимает на себя (сообща с К. И. Чуковским) составление «Книги о Максиме Горьком» и обдумывает статью о Горьком.

9 апреля. Выступает в изд-ве «Всемирная литература» с докладом «Крушение гуманизма».

10 апреля. Выступает с докладом «Репертуар рабоче-крестьянского театра» на общегородском совещании представителей культурно-просветительных учреждений и организаций.

17 апреля. Вышло в свет новое (3-е) издание II тома «Стихотворений».

24 апреля. Назначен председателем Управления Большого драматического театра (далее: БДТ).

Весна. Участвует в работе Союза деятелей художественной литературы.

7 мая. Участвует в работе жюри конкурса художественных произведений на тему «Великая русская революция».

Начало мая. Написана статья «Большой драматический театр в будущем сезоне».

19 мая. Выступает в БДТ с речью к актерам.

Май. Разрабатывает планы «Исторических картин» — театральных и кинематографических инсценировок на темы истории мировой культуры (по общему замыслу А. М. Горького).

2 июня. Закончено составление сборника юношеской лирики «За гранью прошлых дней».

10 июня. Вышли в свет драма «Песня Судьбы» (в новой редакции) и 2-е издание сборника статей «Россия и интеллигенция».

12 июля. Написано предисловие к поэме «Возмездие». В этот же день читает предисловие и III главу поэмы в Студии изд-ва «Всемирная литература».

21 июля. Выступает с речью перед актерами БДТ по поводу постановки пьесы Сема Бенели «Рванный плащ».

6 августа. Вышел в свет сборник стихотворений «Ямбы».

26 августа. Назначен членом редакционной коллегии «Исторических картин» при Петроградском Отделе театров и зрелищ.

29 августа. Выступает с докладом об идее и плане серии «Исторические картины».

27 сентября. Закончена статья «О романтизме».

12 октября. Закончена статья «Тайный смысл трагедии „Отелло“».

29 октября. Закончен очерк «Памяти Леонида Андреева».

Октябрь — декабрь. Пишет вступительные речи к спектаклям БДТ и иногда сам читает их перед началом спектакля.

7 ноября. Присутствует на открытии памятника жертвам революции на Марсовом поле.

16 ноября. Выступает с докладом «Крушение гуманизма» в Вольной философской ассоциации.

Ноябрь. Новые планы «Исторических картин».

11 декабря. Назначен членом коллегии Литературного отдела Наркомпроса (Москва).

19 декабря. Выбран членом совета Дома искусств, учрежденного А. М. Горьким.

Декабрь. По почину А. М. Горького составляет план «Библиотеки русских классиков» в 100 томах для изд-ва З. И. Гржебина. Написана статья «О списке русских авторов».

25 декабря. Написана заметка «Герцен и Гейне».

27 декабря. Набросок статьи «О иудаизме у Гейне» (закончена в январе 1921 г.).

29 декабря. Выступает со стихами на открытии Дома искусств.

1920

27 января. Смерть отчима Блока — Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух.

13 февраля. Выступает с речью на собрании труппы БДТ в связи с первой годовщиной работы театра.

Февраль-март. Редактирует «Избранные сочинения» Лермонтова для «Библиотеки русских классиков».

15 марта. Написана статья о Лермонтове (первый вариант, до нас не дошедший).

21 марта. Выступает с речью к актерам БДТ «О Мережковском».

Март — апрель. Написана пьеса «Рамзес» (для серии «Исторические картины»).

1 апреля. Написана «Записка о „Двенадцати“».

16 апреля. Закончено составление нового (5-го) издания I тома «Стихотворений».

18 апреля. Закончена подготовка пятого сборника лирики «Седое утро».

5 мая. Выступает с речью к актерам БДТ по случаю закрытия сезона.

7 мая. Уезжает в Москву, где выступает с чтением стихов в Политехническом музее (9, 12 и 16 мая), во Дворце искусств (14 мая), присутствует на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете (16 мая).

19 мая. Возвращение в Петроград.

15 июня. Набросок статьи «Об искусстве и критике».

21 июня. Вечер Блока в Доме искусств.

27 июня. Избран председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов.

4 июля. Выступает с речью на первом собрании членов Союза поэтов.

5 июля. Второй вечер Блока в Доме искусств.

29 июля. Вечер Блока, устроенный изд-вом «Алконост».

31 июля. Выступает с речью о трагедии Шекспира «Король Лир» перед группой БДТ.

4 августа. Выступает с речью на вечере С. Городецкого и Л. Рейснера, устроенном Союзом поэтов в зале Городской думы.

15 августа. Выступает в Вольной философской ассоциации с речью «Владимир Соловьев и наши дни».

Август. Вышел в свет сборник юношеской лирики «За гранью прошлых дней».

29 сентября. Выступает в Союзе поэтов с юбилейным приветствием М. А. Кузмину.

5 октября. Присутствует и выступает со стихами на открытии Клуба поэтов.

Октябрь. Избран в правление Петроградского отделения Всероссийского союза писателей.

23 октября. Вышел в свет пятый сборник лирики «Седое утро».

15 ноября. Закончен текст речи к актерам БДТ о «Голубой птице» М. Метерлинка.

1921

22 января. Выступает в БДТ с юбилейным приветствием Н. Ф. Монахову.

Январь. Наброски продолжения II главы поэмы «Возмездие».

11 февраля. Выступает с речью «О назначении поэта» на чествовании памяти Пушкина в Доме литераторов. (Повторное выступление — там же, 14 февраля; третье выступление — в Петроградском университете, 16 февраля.)

3 марта. Закончена подготовка сборника «Отроческие стихи». (Книга вышла в свет уже после смерти Блока.)

15 марта. Написано последнее законченное стихотворение — «Как всегда, были смешаны чувства...»

19 марта. Возвращается к наброскам (1907—1909 гг.) рассказа «Ни сны, ни явь» и заканчивает его.

Середина апреля. Первые симптомы предсмертной болезни.

25 апреля. Вечер Блока, устроенный Домом искусств в Большом драматическом театре.

Апрель. Написана статья «Без божества, без вдохновенья...». Набросок статьи о белоэмигрантской печати.

1 мая. Уезжает в Москву, где выступает с чтением стихов в Политехническом музее (3, 5 и 7 мая), в Доме печати (7 мая), в Союзе писателей (9 мая) и в Studio Italiano (7 мая). Знакомство с Б. Пастернаком (7 мая).

11 мая. Возвращается в Петроград.

16–17 мая. Резкое обострение болезни.

Май. Наброски продолжения II и III глав поэмы «Возмездие».

25 мая. Закончил приведение в порядок своего личного архива.

29 мая. Письмо А. М. Горького к А. В. Луначарскому о необходимости вывезти Блока для лечения в Финляндию.

4 июня. Последнее письмо к матери.

7 июня. Вышла в свет отдельным изданием пьеса «Рамзес»

16–17 июня. Новое обострение болезни.

18 июня. Уничтожает некоторые материалы своего архива.

Июнь. Просматривает корректуру книги «Последние дни императорской власти». (Книга вышла в свет уже после смерти Блока.)

28 июня. Вышло в свет новое издание поэмы «Двенадцать» (в изд-ве «Алконост»).

3 июля. Уничтожает некоторые записные книжки. Вносит последнюю запись в дневник.

11 июля. Письмо А. В. Луначарского в ЦК РКП(б) (копия – В. И. Ленину) об угрожающем состоянии здоровья Блока.

12 июля. Политбюро ЦК РКП(б), под председательством В. И. Ленина, рассмотрело вопрос о выезде Блока для лечения в Финляндию и предписало Наркомпроду улучшить его продовольственное снабжение.

Июль. Последние наброски ко II и III главам поэмы «Возмездие».

23 июля. Политбюро ЦК РКП(б) выносит постановление: «Разрешить выезд А. А. Блока за границу».

29 июля. А. М. Горький телеграфирует А. В. Луначарскому о крайне опасном состоянии Блока.

7 августа. В 10 ч. 30 мин. утра А. А. Блок скончался.

10 августа. Похороны Блока на Смоленском кладбище. (27–28 сентября 1944 г. прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.)

Составил *В.Л. ОРЛОВ*

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Пусть светит месяц — ночь темна.
 Пусть жизнь приносит людям счастье, —
 В моей душе любви весна
 Не сменит бурного ненастья.
 Ночь распростерлась надо мной
 И отвечает мертвым взглядом
 На тусклый взор души больной,
 Облитой острым, сладким ядом.
 И тщетно, страсти затая,
 В холодной мгле передрагсветной
 Среди толпы блуждаю я
 С одной лишь думою заветной:
 Пусть светит месяц — ночь темна.
 Пусть жизнь приносит людям счастье, —
 В моей душе любви весна
 Не сменит бурного ненастья.

Январь 1898

2

À la très-chère, à la très-belle...

Baudelaire *

Одной тебе, тебе одной,
 Любви и счастья царице,
 Тебе прекрасной, молодой
 Все жизни лучшие страницы!

* Самой дорогой, самой прекрасной... Бодлер (фр.). — Ред.

Пусть свяжут ливень, ~~ночь~~ 4 ночь темна
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не слышится бурного нечая
Ночь распростирает надо мной
И обволакивает мертвыми валидами
На тусклом взоре души больной,
Облитой острыми, сладкими ядами
И трезво, с тоски затая,
В холодной мгле передразвительной,
Среди толпы блондаю я
Со мной лишь душою заветной
Пусть свяжут ливень, — ночь темна
Пусть жизнь приносит людям счастье, —
В моей душе любви весна
Не слышится бурного нечая

А. Блок

1898, январь

Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.

Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница.

Февраль — март 1898

3

Н. Гуну

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя — вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я — к тебе, мой друг желанный!

Февраль — март 1898

Пора забыться полным счастья сном,
 Довольно нас терзало сладострастье...
 Покой везде. Ты слышишь: за окном
 Нам соловей пророчит счастье?

Теперь одной любви полны сердца,
 Одной любви и неги сладкой.
 Всю ночь хочу я плакать без конца
 С тобой вдвоем, от всех украдкой.

О, плачь, мой друг! Слеза туманит взор,
 И сумрак ночи движется туманно...
 Смотри в окно: уснул безмолвный бор,
 Качая ветвями таинственно и странно.

Хочу я плакать... Плач моей души
 Твоею страстью не прервется...
 В безмолвной, сладостной, таинственной тиши
 Песнь соловьиная несется...

Февраль — март 1898

Пусть рассвет глядит нам в очи,
 Соловей поет ночной,
 Пусть хоть раз во мраке ночи
 Обовью твой стан рукой.

И челнок пойдет, качаясь
 В длинных темных камышах,
 Ты прильнешь ко мне, ласкаясь,
 С жаркой страстью на устах.

Пой любовь, пусть с дивной песней
 Голос льется всё сильнее,
 Ты прекрасней, ты прелестней,
 Чем полночный соловей!..

Май 1898 (3 марта 1921)

Муза в уборе весны постучалась к поэту,
 Сумраком ночи покрыта, шептала неясные речи;
 Благоухали цветов лепестки, занесенные ветром
 К ложу земного царя и посланницы неба;
 С первой денницей взлетев, положила она,
отлетая,
 Желтую розу на темных кудрях человека:
 Пусть разрушается тело — душа пролетит
над пустыней,
 Будешь навеки печален и юн, обрученный
с богиней.

Май 1898 (Апрель 1918).

Полный месяц встал над лугом
 Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
 Бледный, бледный луг цветущий,
 Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
 Жутко выйти на дорогу:
 Непонятная тревога
Под луной царит.
 Хоть и знаешь: утром рано
 Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
 И тогда пройдешь тропинкой,
 Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898

Ловя мгновенья сумрачной печали,
 Мы шли неровной, скользкою стезей.
 Минуты счастья, радости нас ждали,
 Презрели их, отвергли мы с тобой.

Мы разошлись. Свободны жизни наши,
Забыли мы былые времена,
И, думаю, из полной, светлой чаши
Мы счастье пьем, пока не видя дна.

Когда-нибудь, с последней каплей сладкой,
Судьба опять столкнет упрямо нас,
Опять в одну любовь сольет загадкой,
И мы пойдем, ловя печали час.

21 июля 1898

9

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

10

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять — во мраке, в ледяной пустыне...

Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет — выйдет, не обманет,
Только солнце встанет — сердце солнце
встретит!..

Июль 1898. Трубицыно (Май 1918)

11. МОЕЙ МАТЕРИ

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил..
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил

Июль 1898

12

Тоску и грусть, страдания, самый ад.
Всё в красоту она преобразила.

Гамлет

Я шел во тьме к заботам и веселью,
Вверху сверкал незримый мир духов.
За думой вслед лилися трель за трелью
Напевы звонкие пернатых соловьев.
И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея...
Я шел во тьме, и эхо повторяло:
«Зачем дитя Офелия моя?»

2 августа 1898

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...

Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898
Дедово

Ты, может быть, не хочешь угадать,
Как нежно я люблю Тебя, мой гений?
Никто, никто не может так страдать,
Никто из наших робких поколений.

Моя любовь горит огнем порой,
Порой блестит, как звездочка ночная,
Но вечно пламень вечный и живой
Дрожит в душе, на миг не угасая.

О, страсти нет! Но тайные мечты
Для сердца нежного порой бывают сладки,
Когда хочу я быть везде, где Ты,
И целовать Твоей одежды складки.

Мечтаю я, чтоб ни одна душа
Не видела Твоей души нетленной,
И я лишь, смертный, знал, как хороша
Одна она, во всей, во всей вселенной.

21 сентября 1898

Как мучительно думать о счастье былом,
Невозвратном, но ярком когда-то,
Что туманная вечность холодным крылом
Унесла, унесла без возврата.

Это счастье сулил мне изнеженный Лель,
Это счастье сулило мне лето.
О, обманчивый голос! певучая трель!
Ты поешь и не просишь ответа!

Я любил и люблю, не устану любить
Я по-прежнему стану молиться.
Ты, прекрасная, можешь поэта забыть
И своей красотой веселиться.

А когда твои песни польются вдали
Беспокойной, обманчивой клятвой,
Вспомню я, как кричали тогда журавли
Над осенней темнеющей жатвой.

23 сентября 1898 (Начало 1915)

В ночи, когда уснет тревога,
И город скроется во мгле —
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что человеческие слезы,
Когда румянится закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба —
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

Сентябрь (?) 1898 (2 июня 1919)

Душа моя тиха. В натянутых струнах
 Звучит один порыв, здоровый и прекрасный,
 И льется голос мой задумчиво и страстно.
 И звуки гаснут, тонут в небесах...
 Один лишь есть аккорд, взлелеянный ненастьем,
 Его в душе я смутно берегу
 И с грустью думаю: «Ужель я не могу
 Делиться с Вами Вашим счастьем?»
 Вы не измучены душевною грозой,
 Вам не узнать, что в мире есть несчастный,
 Который жизнь отдаст за мимолетный вздох,
 Которому наскучил этот бог,
 И Вы — один лишь бог в мечтании ночи
страстной,
 Всесильный, сладостный, безмерный и живой...

9 октября 1898 (1918)

Жизнь — как море она — всегда исполнена бури.
 Зорко смотри, человек: буря бросает корабль.
 Если спустится мрачная ночь — управляй им
тревожно,
 Якорь спасенья ищи — якорь спасенья найдешь...

Если же ты, человек, не видишь конца этой ночи,
 Если без якоря ты в море блуждаешь глухом,
 Ну, без мысли тогда бросайся в холодное море!
 Пусть потонет корабль — вынесут волны тебя!

30 октября 1898 (Май 1918)

Усталый от дневных блужданий
 Уйду порой от суеты
 Воспомнить язвы тех страданий,
 Встревожить прежние мечты...

Когда б я мог дохнуть ей в душу
 Весенним счастьем в зимний день!

О, нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брезжит нам порою,
Но предназначено — не нам.

30 октября 1898 (Декабрь 1914)

20

Без веры в бога, без участия,
В скитании пошлом гибну я,
О, дай, любовь моя, мне счастья,
Спокойной веры бытия!

Какая боль, какая мука,
Мне в сердце бросили огня!
Поддай спасительную руку,
Спаси от пламени меня!

О, нет! Молить Тебя не стану!
Еще, еще огня бросай,
О, растравляй живую рану
И только слез мне не давай!

Зачем нам плакать? Лучше вечно
Страдать и вечный жар любви
Нести в страдании бесконечном,
Но с страстным трепетом в крови!

3 ноября 1898 (1918)

21

Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг — ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.

Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? —
Там, там, глубоко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!

3 ноября 1898 (24 декабря 1914)

22

Мне снилось, что ты умерла.

Гейне

Мне снилась смерть любимого создания:
Высоко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял,
Толпа теснилась вокруг, и речи сострадания
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел кругом без думы, без участия,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя — безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твоё мученье!
Блажен утративший создание любви!»

10 ноября 1898

23

Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина.
Всё уснуло, да мне-то не спится.
Я хотел бы уснуть, да уж очень темна
Эта ночь, — и луна не сребрится.
Думы всё неотвязно тревожат мой сон.
Вспоминаю я прошлые ночи:
Мрак неясный... По лесу разносится звон...
Как сияют прекрасные очи!
Дальше, дальше... Как холодно! Лед на Неве,
Открываются двери на стужу...
Что такое проснулось в моей голове?

Что за тайна всплывает наружу?..
Нет, не тайна: одна неугасшая страсть...
Но страстям я не стану молиться!
Пред другой на колени готов я упасть!..
Эх, уснул бы... да что-то не спится.

18 ноября 1898

24

Вхожу наверх тропой кремнистой,
Смотрю вперед: там всё молчит,
Лишь далеко источник чистый
О безмятежьи говорит.

Мой дух усталый в даль несется,
Тоска в груди; смотрю назад:
В долинах сквозь каменья рвется
Грозный белый водопад.

Не знаю, что мой дух смутило
И вниз влечет с безлюдных скал...
«Явись, явись мне, образ милый!» —
В смятении диком я взывал...

И Ты явилась: тихой властью
В моей затеплилась груди,
И я зову к Тебе со страстью:
«Не покидай! Не уходи!»

27 ноября 1898

25

Офелия в цветах, в уборе
Из майских роз и нимф речных
В кудрях, с безумием во взоре,
Внимала звукам дум своих.

Я видел: ива молодая
Томила, в озеро клонясь,
А девушка, венки сплетая,
Всё пела, плача и смеясь.

Я видел принца над потоком,
В его глазах была печаль.
В оцепенении глубоком
Он наблюдал речную сталь.

А мимо тихо проплывало
Под ветками плакучих ив
Ее девичье покрывало
В сплетеньи майских роз и нимф.

30 ноября 1898 (24 декабря 1914)

26

Когда я вспоминал о прошлом, о забытом,
Меня опять влекло к утраченным годам,
Я чувствовал себя в земле давно зарытым,
В сырых досках, где воли нет мечтам.
И правда, что мне было в этом мире?
Я жил давно угасшим, прожитым
И, вздохи хладные вверяя хладной лире,
Не мог отдаться веяньям былым...
Но Ты явилась в жарком блеске лета,
Как вестник бури — дольний листьев шум,
И вновь душа любовью согрета,
И мысли черные оставили мой ум.
И я живу, пою, пока поется,
И сладко мне, как в ясной тишине...
Что, если сердце бурно оборвется? —
Я не привык к безоблачной весне.

Ноябрь (?) 1898

27

В болезни сердца мыслю о Тебе:
Ты близ меня проходишь в сновиденьях,
Но я покорен року и судьбе,
Не смея высказать горячие моленья.

О, неужели утро жизни внешней
Когда-нибудь взойдет в душе моей?
Могу ли думать я о радости нездешней
Щедрот Твоих и благости Твоей?

Надежды нет: вокруг и ветер бурный,
И ночь, и гребни волн, и дым небесных туч
Разгонят всё, и образ Твой лазурный
Затмят, как всё, как яркий солнца луч...

Но если туча с молнией и громом
Пройдет, закрыв Тебя от взора моего,
Всё буду я страдать и мыслить о знакомом,
Желанном образе полудня Твоего.

II декабрь 1898

28. ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

13 декабря 1898 (Июль 1916)

29

К. М. С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, — а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,

И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прощанье... *

14 декабря 1898

30

Я думал, что умру сегодня к ночи,
Но, слава богу, нет! Я жив и невредим, —
Недаром надо мной Твои сияли очи,
И крылья простирали стокрылый серафим.
Ты, Щедрая, царила в сердце знойном
Увы, забывшем сладости весны,
И так задумчиво, задумчиво спокойно
Навевала безоблачные сны...
Но лучше умереть во мраке без надежды,
Чем мучиться, любя и не любя,
Пусть вечный сон сомкнет навеки вежды,
Убив мечты, страданье и Тебя!.

18 декабря 1898

31

Путник, ропщи,
Бога ищи,
Бога тебе не найти.
Долог твой путь,
Всё позабуди,
Всё у тебя впереди!
Молодость, прочь!
Черная ночь
Молодость скроет от глаз
Видишь других,
Вечно больных, —
Свет их погас!
Всё впереди,
Смело иди,
Черная двинулась ночь.
Нет, не дойдешь,
Прежде умрешь...
Прочь, безотрадная, прочь—

* Стихи Полонского.

О, не томи,
Сердце уйми,
Сердца страданья не множь!
Друг, негодуй,
Вечно тоскуй,
Бога в могиле найдешь!..

18 декабря 1898

32. НА ВЕЧЕРЕ В ЧЕСТЬ Л. ТОЛСТОГО

В толпе, родной по вдохновенью,
В тумане, наполнявшем зал,
Средь блеска славы, средь волненья
Я роковой минуты ждал...

Но прежним холодом могилы
Дышали мне Твои уста.
Как прежде, гибли жизни силы,
Любовь, надежда и мечта.

И мне хотелось блеском славы
Зажечь любовь в Тебе на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь воздвиг!..

20 декабря 1918 (1915)

33

Мне снилась снова ты, в цветах,
на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта,
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоём благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в руках...

23 декабря 1898

Немало времени прошло уже с тех пор
Ты взглянешь на меня с безвестной тихой думой,
Я всё по-прежнему безжизненный актер
Влачащий муки детские угрюмо.

Ты всё по-прежнему прекрасна и чиста,
Ты всё не видишь, — я сильнее стражду,
О, как мне хочется, чтоб Ты, о, Красота,
Узнала то, чего я страстно жажду!

И как мне хочется поплакать близ Тебя,
Как малому ребенку в колыбели!
Так чисто, так приветливо любя,
Мы слова вымолвить друг другу не успели

Да, я измученный, усталый соловей,
Пресеклись звуки, песня оборвалась,
Но с ясною гармонией Твоей
Моя душа больная не рассталась.

Теперь Тебе и говорить и петь,
Я буду слушать, плакать неутешно,
Ты сердце-то ведь можешь пожалеть?
О, оправдай, когда Ты так безгрешна!

Когда и Ты, одна моя мечта,
Не дашь мне выплакать давнишние страданья,
Я буду знать, что в мире красота
Всегда нема и нет в ней состраданья!

Декабрь 1898 (3 марта 1921)

О, не просите скорбных песен!
К чему томиться и вздыхать?..
Взгляните: майский день чудесен,
И в сердце снова благодать.

А вам томиться — тратить время,
Живите, если жизнь дана,
И песни скорби — только бремя, —
Его не выдержит весна!

1898 (?)

38. ОДИНОЧЕСТВО

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.
Из отпылавшего камина
Неясный мрак вечерний плыл.
И он сидел перед камином,
Он отгорел и отстрадал
И взглядом, некогда орлиным,
Остывший пепел наблюдал.
В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней,
Будя старинные печали
Игрой бесплотною теней.
Один, один, забытый миром,
Безвластный, но еще живой,
Из сумрака былым кумирам
Кивал усталой головой...
Друзей бывалых вереница,
Врагов жестокие черты,
Любивших и любимых лица
Плывут из серой темноты...
Все бросили, забыли всюду,
Не надо мучиться и ждать,
Осталось только пепла груду
Потухшим взглядом наблюдать
Куда неслись его мечтанья?
Пред чем склонялся бедный ум?
Он вспоминал свои метанья,
Будил тревоги прежних дум...
И было сладко быть усталым,
Отрадно так, как никогда,
Что сердце больше не желало
Ни потрясений, ни труда,
Ни лести, ни любви, ни славы,
Ни просветлений, ни утрат...
Воспоминая величаво,
Как тучи, обняли закат,
Нагромождили груды башен,
Воздвигли стены, города,
Где небосклон был желт и страшен,
И грозен в юные года...
Из отпылавшего камина
Неясный сумрак плыл и плыл,

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.

25 января 1899 (24 мая 1918)

39

Окрай небес — звезда омега,
Весь в искрах, Сириус цветной.
Над головой — немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как та холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!

27 января 1899 (1913)

40

В минутном взрыве откровений,
В часы Твоей, моей весны,
Узнал я Твой блестящий гений
И дивных мыслей глубины.
Те благодатные порывы
Свободных дум о божестве
Вздымали чувства переливы
В моем угасшем существе...
Я буду помнить те мгновенья,
Когда душа Твоя с моей
Слились в блаженном упоеньи
Случайно сплетшихся ветвей...

3 февраля 1899 (1910)

41

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!

Ты проснешься, будет ночь и выюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер воет, —
Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всей душой!

8 февраля 1899

42. ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Разлучаясь с девой милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моей слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжело всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899

43

Ночной туман застал меня в дороге.
Сквозь чащу леса глянул лунный лик.
Усталый конь копытом бил в тревоге —
Спокойный днем, он к ночи не привык.
Угрюмый, неподвижный, полусонный
Знакомый лес был страшен для меня,
И я в просвет, луной осеребренный,
Направил шаг храпящего коня.
Туман болотный стелется равниной,
Но церковь серебрится на холме.
Там — за холмом, за рощей, за долиной —
Мой дом родной скрывается во тьме.

Усталый конь быстрее скачет к цели,
В чужом селе мерцают огоньки.
По сторонам дороги заалели
Костры пастушьи, точно маяки.

10 февраля 1899 (Июль 1916)

44

Между страданиями земными
Одна земная благодать:
Живя заботами чужими,
Своих не видеть и не знать.

10 февраля 1899

45

Когда мы любим безотчетно
Черты нам милого лица,
Все недостатки мимолетны,
Его красотам нет конца.

10 февраля 1899

46

О, презирать я вас не в силах,
Я проклинать и мстить готов!
Сегодня всех, когда-то милых,
Из сердца выброшу богов!

Но день пройдет, и в сердце снова
Ворвутся, не боясь угроз,
Слепые призраки бывшего,
Толпы вчера прошедших грез!..

21 февраля 1899

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.
Лермонтов

Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил...
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

23 февраля 1899

48. ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ

(Картина В. Васнецова)

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

49. СИРИН И АЛКОНОСТ

Птицы радости и печали

Густых кудрей откинув волны,
Закинув голову назад,
Бросает Сирин счастья полный,
Блаженств нездешних полный взгляд.

И, затаив в груди дыханье,
Перыстый стан лучам открыв,
Вдыхает всё благоуханье,
Весны неведомой прилив...
И нега мощного усилья
Слезой туманит блеск очей...
Вот, вот, сейчас распустит крылья
И улетит в снопах лучей!

Другая — вся печалью мощной
Истощена, изнурена...
Тоской вседневной и всенощной
Вся грудь высокая полна...
Напев звучит глубоким стоном,
В груди рыданье залегло,
И над ее ветвистым троном
Нависло черное крыло...
Вдали — багровые зарницы,
Небес померкла бирюза...
И с окровавленной ресницы
Катится тяжкая слеза...

25 февраля 1899

50

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

9 марта 1899 (Апрель 1918)

51

Темнеет небо. Туч гряда,
Дождем пролившись, отлетела.
Высоко первая звезда
Зажглась, затеплилась, зардела...

Скажи мне, ночь, когда же вновь
Вернутся радостные муки?
Когда душа поймет любовь,
Свиданья счастье, гнет разлуки?

17 мая 1899

52

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом.
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

18 мая 1899 (1910)

53

Гроза прошла, и ветка белых роз
В окно мне дышит ароматом...
Еще трава полна прозрачных слез,
И гром вдали гремит раскатом.

20 мая 1899 (8 октября 1919)

54

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899 (1910)

55. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Сирени бледные дождем к земле прибиты...
Замолкла песня соловья;
Немолчно говор слышится сердитый
Разлитого ручья.

Природа ждет лучей обетованных:
Цветы поднимут влажный лик,
И вновь в моих садах благоуханных
Раздастся птичий крик.

1 июня 1899 (1916 ?)

56

Когда же смерть? Я всё перестрадал,
Передо мною — мир надзвездный.
Отсюда — юноше, мне Сириус сверкал,
Дрожал и искрился над бездной.

Прими, стоцветная звезда!
Прими меня в свой мир высокий,
Чтоб я дрожал и искрился всегда
Твоею мощью одинокой!

Дай мне твой свет — пустыню озарить,
Спасти от боли, от юдоли!
Дай сладкий яд мне — стражу отравить!
Дай острый луч мне — двери отворить!

4 июня 1899 (Апрель 1918)

57

Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон, проклятый и упорный,
Мне душит грудь.
Так мало лет, так много дум ужасных!
Тяжел недуг...
Спаси меня от призраков неясных,
Безвестный друг!

Мне друг один — в сыром ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья — как в темном океане —
Одна печаль.
Я стар душой. Какой-то жребий черный —
Мой долгий путь.
Тяжелый сон — проклятый и упорный —
Мне душит грудь.

6 июня 1899

58

Там, за далью бесконечной,
Дышит счастье прошлых дней...
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?

Это — звезды светят вечно
Над землею без теней.
В их сиянии бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

8 июля 1899 (1918)

59

Не проливай горючих слез
Над кратковременной могилой.
Пройдут часы видений, грез,
Вернусь опять в объятия милой.
Не сожалею! Твоим страстям
Готов любовью я ответить,
Но я нашел чистейший храм,
Какого в жизни мне не встретить.
Не призывай! Мирская власть
Не в силах дух сковать поэта.
Во мне — неведомая страсть
Живым огнем небес согрета.
Тебя покину. Скоро вновь
Вернусь к тебе еще блаженней
И обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней.

8 июля 1899

Я был влюблен. И лес ночной
Внушал мне страх. И я дичился
Болот, одетых белой мглой,
И конь, пугливо, сторонился.

Так мало лет прошло с тех пор,
А в сердце — пусто и бездольно.
Когда въезжаю в темный бор
Ночной порой, — мне только больно.

18 июня 1899 (1918)

61. НАКАНУНЕ ИВАНОВА ДНЯ...

Накануне Иванова дня
Собираю душистые травы,
И почую, что нежит меня
Ароматом душевной отравы.

Я собрал полевые цветы
И росистые травы ночные
И на сон навеваю мечты,
И проходят они, голубые...
В тех мечтаньях ночных я узнал
Недалекую с милой разлуку,
И как будто во сне целовал
Я горячую нежную руку...
И катились слезы мои,
Дорогая меня обнимала,
Я проснулся в слезах от любви
И почую, как сердце стучало...

С этих пор не заманишь меня
Ароматом душевной отравы,
Не сберу я душистые травы
Накануне Иванова дня...

*24 июня 1899
Иванов день*

Зачем, зачем во мрак небытия
 Меня влекут судьбы удары?
 Ужели всё, и даже жизнь моя —
 Одни мгновенья долгой кары?
 Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет,
 И нечем сердцу веселиться,
 Но всё вперед влечет какой-то свет,
 И будто им могу светиться!
 Пусть призрак он, желанный свет вдали!
 Пускай надежды все напрасны!
 Но там, — далёко суетной земли, —
 Его лучи горят прекрасно!

29 июня 1899 (1910)

И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны.
 Идет гроза, блещут вдали зарницы,
 Чернеет ночь, — а песни старины,
 По-прежнему, — немые небылицы.
 Я знаю — лес ночной далёко вкруг меня
 Простер задумчиво свои немые своды,
 Нигде живой души, ни крова, ни огня, —
 Одна безмолвная природа...
 И что ж? Моя душа тогда лишь гимн поет;
 Мне всё равно — раздвинет ли разбойник
 Кустов вблизи утрюмый черный свод,
 Иль с кладбища поднимется покойник
 Бродить по деревням, нося с собою страх..
 Моя душа вся тает в песнях дальних,
 И я могу тогда прочесть в ночных звездах
 Мою судьбу и повесть дней печальных...

14 июля 1899

Когда кончается тетрадь моих стихов,
 И я их перечту, мне грустно. Сердце давит
 Печаль прошедших дней,
 прошедших слез и снов,

Душа притворствует, лукавит
И говорит: «Вперед! Там счастье! Там покой!»
Но знаю я: ни счастья, ни покоя...
Покой — далек; а счастье — не со мной,
Со мной — лишь дни и холода и зноя;
Порой мне холод душу леденит,
И я молчу; порой же ветер знойный
Мне душу бедную дыханием палит,
И я зову — несчастный, беспокойный...

15 июля 1899

65

Готов ли ты на путь далекий,
Добра певец?
Узрел ли ты в звезде высокой
Красот венец?
Готов ли ты с прощальной песней
Покинуть свет,
Лететь к звезде, что всех прелестней,
На склоне лет?
Готовься в путь! Близка могила, —
Спеши, поэт!
Земля мертва, земля уныла, —
Вдали — рассвет.

18 июля 1899

66

Моей матери

Я — человек и мало богу равен.
В моих стихах ты мощи не найдешь.
Напев их слаб и жизненно бесславен,
Ты новых мыслей в них не обретишь.

Их не согрел ни гений, ни искусство,
Они туманной, долгой чередой
Ведут меня без мысли и без чувства
К земной могиле, бедной и пустой.

О, если б мог я силой гениальной
Прозреть века, приблизить их к добру!

Я не дал миру мысли идеальной,
Ни чувства доброго покорному перу

Блажен поэт, добром проникновенный,
Что миру дал незыблемый завет
И мощью вечной, мощью дерзновенной
Увел толпы в пылающий рассвет!

18 июля 1899 (1918)

67

Εἶθε γενοίμην οὐρανὸς ὡς πολλοῖς
ὄμμασιν εἰς σέ βλέπω.*

Сомкни уста. Твой голос полн
Страстей без имени и слова.
Нарушишь гимн воздушных волн,
Стремящих вверх, к стопам Святого
Пуускай в безмолвных небесах,
Как факел, издали сияет
Огонь огней в твоих очах
И звезды ночи вопрошает.
А я, ничтожный смертный прах,
У ног твоих смятенно буду
Искать в глубоких небесах
Христа, учителя Иуды.

26 июля 1899 (1919)

68. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Закат горел в последний раз.
Светило дня спустилось в тучи,
И их края в прощальный час
Горели пламенем могучим.

А там, в неведомой дали,
Где небо мрачно и злоеце,

* О, если бы я был небом, чтобы смотреть на тебя многими
очами! (греч.). — Ред.

Немые грозы с вихрем шли,
Блестя порой зеницей вещей.

Земля немела и ждала,
Прошло глухое рокотанье,
И по деревьям пронесла
Гроза невольное дрожанье.

Казалось, мир — добыча гроз,
Зеницы вскрылись огневые,
И ветер ночи к нам донес
Впервые — слезы грозовые.

31 июля 1899 (8 октября 1919)

69

Сомненья нет: мои печали,
Моя тоска о прошлых днях
Душе покой глубокий дали,
Отняв крыла широкий взмах.
Моим страстям, моим забвеньям,
Быть может, близится конец,
Но буду вечно с упоеньем
Ловить счастливых дней венец.
Влачась по пажитям и долам,
Не в силах смятых крыл поднять,
Внимать божественным глаголам,
Глаголы бога повторять.
И, может быть, придет мгновенье,
Когда крыла широкий взмах
Вернет бывшее вдохновенье —
Мою тоску о прошлых днях.

1 августа 1899

70. ЧЕРНАЯ ДЕВА

Северное преданье

В дальних северных туманах
Есть утрюмая скала.
На безбрежных океанах
Чудный лик свой вознесла.

Тех утесов очертанье
Бедный северный народ,
По глубокому преданью,
Черной Девой зовет.

В час, когда средь океана
Нет спасенья, всё во мгле, —
Вдруг пловец из-за тумана
Видит *Деву* на скале...

Он молитву ей возносит...
Если *Дева* смягчена,
То корабль к земле приносит
Ей послушная волна...

4 августа 1899 (Июль 1912)

71

Дышит утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,
Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся бог...
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись,
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

5 августа 1899

72

Тяжелый занавес упал.
Толпа пронзительно кричала,
А я, униженный, молчал —
Затем, что ты рукоплескала.

И этот вычурный актер
Послал тебе привет неожиданный,

И бросил дерзкий, жадный взор
К твоим плечам благоуханным!

Но нет! довольно! Боже мой!
Устал я ревностью терзаться!
Накинь личину! Смейся! Пой!
Ты, сердце, можешь разорваться!

9 августа 1899. Трубицыно (1910)

73. НАКАНУНЕ XX ВЕКА

Влачим мы дни свои уныло,
Волнений далеки чужих;
От нас сокрыто, нам не мило,
Что вечно радует других...
Влачим мы дни свои без веры,
Судьба устала нас карать...
И наша жизнь тяжка без меры,
И тяжело будет умирать...
Так век, умчавшись беспощадно,
Встречая новый строй веков,
Бросает им загадкой хладной
Живых, безумных мертвецов...

11 августа 1899

74

Глухая полночь. Цепененье
На душу сонную легло.
Напрасно жажду вдохновенья —
Не бьется мертвое крыло.

Кругом глубокий мрак. Я плачу,
Зову мои родные сны,
Слагаю песни наудачу,
Но песни бледны и больны.

О, в эти тяжкие мгновенья
Я вижу, что мне жизнь сулит,
Что крыл грядущее биенье —
Печаль, не песни породит.

20 августа 1899

К. М. С

Помнишь ли город тревожный,
 Синюю дымку вдали?
 Этой дорогою ложной
 Молча с тобою мы шли...
 Шли мы — луна поднималась
 Выше из темных оград,
 Ложной дорога казалась —
 Я не вернулся назад.
 Наша любовь обманулась,
 Или стезя увлекла —
 Только во мне шевельнулась
 Синяя города мгла...
 Помнишь ли город тревожный,
 Синюю дымку вдали?
 Этой дорогою ложной
 Мы безрассудно пошли...

23 августа 1899

Город спит, окутан мглою,
 Чуть мерцают фонари...
 Там далёко, за Невою,
 Вижу отблески зари.
 В этом дальнем отраженьи,
 В этих отблесках огня
 Притаилось пробужденье
 Дней тоскливых для меня.

23 августа 1899

77. КОШМАР

Я проснулся внезапно в ночной тишине,
 И душа испугалась молчания ночи.
 Я увидел на темной стене
 Чьи-то скорбные очи.

Без конца на пустой и безмолвной стене
Эти полные скорби и ужаса очи
Всё мерещатся мне в тишине
Леденеющей ночи.

24 августа 1899 (1910)

78

Вы, бедные, нагие несчастливцы.

Лир

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождем,
И ветер воеет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь —
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

24 августа 1899

79. ГОЛОС

Чей-то обманчивый голос поет,
Кто пробудился от сна и зовет?

Где-то в далеких знакомых краях
Гаснут и тают лучи в облаках.

Ночь наступает, но кто-то спешит,
К ночи в объятья зовет и манит...

Кто же ты, ночью поешь и не спишь?
Чей же ты, голос, обман мне сулишь?

9 сентября 1899 (Апрель 1918)

80. НЕВЕДОМОМУ БОГУ

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны?..

О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда несчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..

Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»

22 сентября 1899 (1910)

81

Ты не научишь меня проклинать,
Сколько ни трать свои силы!
Сердце по-прежнему будет рыдать
У одинокой могилы...

О, не грусти: бесполезен твой труд.
Сколько ни бейся ревниво:
Сонмы веков поколенья сотрут, —
Сердце останется живо! Ё

Бездна — душа моя; сердце твое
Скроется в этой пустыне...
К вольному миру стремленье мое...
Мир близ тебя лишь, богиня!

1 октября 1899

82

Не легли еще тени вечерние,
А луна уж блеснит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце — везде...

Суеверье рождает желанья,
И в туманном и чистом *везде*
Чует сердце блаженство свиданья,
Бледный месяц блесит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любит, —
Я дыханье мое затаил, —
В этом блеске великое чувствуется,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...

5 октября 1899 (1910)

83. SERVUS – REGINAE *

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

14 октября 1899 (1909)

84. ПЕСНЯ ЗА СТЕНОЙ

О, наконец! Былой тревоге
Отдаться мыслью и душой!
Вздыхать у милой на пороге
И слушать песню за стеной...
Но в этой песне одинокой,
Что звонко плачет за стеной...

* Слуга — царице (лат.). — Ред.

Один мучительный, глубокий
Тоскливый призрак молодой...
О, кто ужасному поверит
И кто услышит стон живой,
Когда душа внимает, верит, —
А песня смолкла за стеной!..

9 ноября 1899

85

Когда докучливые стоны
Моей души услышишь ты,
Храни стыдливости законы
В благоуханьи красоты.
Не забывай, что беспощадно,
За каждый жалости порыв,
Тебе оплатят мстью жадной,
Твое прошедшее забыв...
Ты недостойна оправданья,
Когда за глупую мечту,
За миг короткий состраданья
Приносишь в жертву красоту.

10 ноября 1899 (1918)

86. МОЕЙ МАТЕРИ

Спустилась мгла, туманами увята.
Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда.
Объемлет сирый дух бессилие труда,
Тоскующий покой, какая-то утрата.

Как уследишь ты, чем душа больна,
И, милый друг, чем уврачуешь раны?
Ни ты, ни я сквозь зимние туманы
Не можем зреть, зачем тоска сильна.

И нашим ли умам поверить, что когда-то
За чей-то грех на нас наложен гнет?
И сам покой тосклив, и нас к земле гнетет
Бессильный труд, безвестная утрата?

22 ноября 1899

Ты много жил. Негодование
В своей душе взлелеял ты.
Теперь отдайся на прощанье
Бессмертью чистой красоты.

Увенчан трепетом любимым,
Отдай источник сил твоих
Иным богам неумолимым
Для новых сеяний живых.

А сам, уверенно бесстрастный,
Направь к могиле верной путь,
И — негодующий напрасно —
Умри, воскресни и забудь.

23 ноября 1899

Пока спокойною стопою
Иду, и мыслю, и пою,
Смеюсь над жалкою толпою
И вздохов ей не отдаю.

Пока душа еще согрета,
И рок велит в себе беречь
И дар незыблемый поэта,
И сцены выпретенную речь...

28 ноября 1899 (1910)

89. DOLOR ANTE LUCEM*

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!

Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,

* Предрассветная тоска (лат.). — Ред.

А наутро встречаюсь с землею опять,
Чтобы зло проклинять, о добре тосковать!..

Боже, боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грез,
О тебе тоскованье без отдыха нес?..

3 декабря 1899

90

Как всякий год, ночной порою,
Под осень, в блеске красоты,
Моя звезда владеет мною, —
Так ныне мне восходишь Ты.

13 декабря 1899

91

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра — нет,
Готов и Смерти покориться
Младой поэт.

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен, —
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять — тревога, опять — стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!

25 декабря 1899 (18 января 1919)

92

Как сон молитвенно-бесстрастный,
На душу грешную сошла;
И веют чистым и прекрасным
Ее прозрачные крыла.

Но грех, принявший отражение,
В среде самих прозрачных крыл
Какой-то призрак искушенья
Греховным помыслам открыл.

25 декабря 1899

93

Когда с безжалостным страданьем
В окно глядит утрюмый день,
В душе проходит тоскованьем
Прошедших дней молодая тень.

Душа болит бесплодной думой,
И давит, душит мыслей гнет:
Назавтра новый день утрюмый
Еще безрадостней придет.

26 декабря 1899

94-95. ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

1

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

2

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней, —

Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волненья
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

5 января 1900

Я умирал. Ты расцветала.
И вдруг, взглянув на смертный лик,
В чертах угасших угадала,
Что эта смерть — бессильный крик...

Смири же позднюю тревогу;
И я под осень дней моих,
Как лист, упавший на дорогу,
Смешаюсь с прахом остальных...

27 января 1900 (1910)

97

Приветный Лель, не жду рассвета,
Но вижу дивный блеск вдали;
Скажи мне, Лель, не солнце ль это
За краем мертвенной земли?
Зачем же, Лель, ты будишь рано
Нас, не готовых в сонный час
Принять богиню, из тумана
Зарю несущую для нас?
Еще не время солнцу верить;
Нам, бедным жителям миров,
Не оценить и не измерить
Его божественных даров.
Оно взойдет, потоком света
Нас, полусонных, ослепит,
И лишь бессмертный дух поэта
К нему в объятья отлетит...

29 января 1900

98

В те дни, когда душа трепещет
Избытком жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, далекая, чертог.

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
К твоим чертогам труден путь.

Оттуда светит луч холодный,
Сияет купол золотой,
Доступный лишь душе свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослепишь сверканьем
Отвыкший от видений взгляд,
И уязвленная страданьем
Душа воротится назад

И будет жить, и будет видеть
Тебя, сквозящую вдали,
Чтоб только злее ненавидеть
Пути постылые земли.

7 февраля 1900 (21 мая 1918)

99

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...

Кто поймет, измерит оком,
Что за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...

17 февраля 1900 (1910)

100

Восходишь ты, что строгий день
Перед задумчивой природой.
В твоих чертах ложится тень
Лесной неволи и свободы.

Твой день и ясен и велик,
И озарен каким-то светом,
Но в этом свете каждый миг
Идут виденья — без ответа.

Никто не тронет твой покой
И не нарушит строгой тени.
И ты сольешься со звездой
В пути к обители видений.

25 февраля 1900

Лениво и тяжело плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижимом томлении лес.

Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!

Лениво и тяжело плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня — мой спутник и друг.

27 февраля 1900

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слезы мешают с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоем?
Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской
В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!

28 февраля 1900 (1918)

О, не тебя люблю глубоко,
 Не о тебе — моя тоска!
 Мне мнится — вечер недалеко,
 Мне кажется, что ночь близка..

Укроет мрачной пеленою
 Всё то, что я боготворил...
 О, день, исполненный тобою!
 Нет, нет! Я не тебя любил!

9 марта 1900 (10 апреля 1918)

Ночь теплая одела острова.
 Взошла луна. Весна вернулась.
 Печаль светла. Душа моя жива.
 И вечная холодная Нева
 У ног сурово колыхнулась.

Ты, счастье! Ты, радость прежних лет
 Весна моей мечты далекой!
 За годом год... Всё резче темный след,
 И там, где мне сиял когда-то свет,
 Всё гуще мрак... Во мраке — одиноко —

Иду — иду — душа опять жива,
 Опять весна одела острова.

11 марта 1900 (12 мая 1918)

Утро брезжит. День грозит ненастьем
 Вечер будет холоден, но ясен.
 Будет время надышаться счастьем,
 Чуть всё, чем божий мир прекрасен.

Одного не даст душе природа,
 И у бога нет довольно власти,
 Чтоб душа почуяла свободу
 От прошедшей, вечно сущей страсти.

12 марта 1900

Разверзлось утреннее око,
 Сиянье льется без конца.
 Мой дух летит туда, к Востоку,
 Навстречу помыслам творца.
 Когда я день молитвой встречу
 На светлой утренней черте,—
 Новорожденному навстречу
 Пойду в духовной чистоте.
 И после странствия земного
 В лучах вечернего огня
 Душе легко вернуться снова
 К молитве завтрашнего дня.

14 марта 1900

Я шел во тьме дождливой ночи
 И в старом доме, у окна,
 Узнал задумчивые очи
 Моей тоски. — В слезах, одна
 Она смотрела в даль сырую...
 Я любовался без конца,
 Как будто молодость былую
 Узнал в чертах ее лица.
 Она взглянула. Сердце сжалось,
 Огонь погас — и рассвело.
 Сырое утро застучалось
 В ее забытое стекло.

15 марта 1900

Сегодня в ночь одной тропею
 Тенями грустными прошли
 Определенные судьбою
 Для разных полюсов земли.

И разошлись в часы рассвета,
 И каждый молча сохранял

Другому чуждого завета
Отвека розный идеал...

В тенях сплетенные случайно
С листьями чуждые листы —
Всё за лучом стремятся тайно
Принять привычные черты.

19 марта 1900 (1915)

109

В ночи, исполненной грозою,
В середине тучи громовой,
Исполнен мрачной красотой,
Витает образ грозовой.

То — ослепленная зарницей,
Внемля раскатам громовым,
Юнона правит колесницей
Перед Юпитером самим.

20 марта 1900 (11 июля 1919)

110

Поэт в изгнании и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнании
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

31 марта 1900 (1918)

Мы все уйдем за грань могил,
 Но счастье, краткое быть может,
 Того, кто больше всех любил,
 В земном скитании потревожит.

Любить и ближних и Христа —
 Для бедных смертных — труд суровый.
 Любовь понятна и проста
 Душе неведомо здоровой.

У нас не хватит здравых сил
 К борьбе со злом, повсюду сущим,
 И все уйдем за грань могил
 Без счастья в прошлом и в грядущем.

1 апреля 1900 (1918)

Хоть всё по-прежнему *певец*
 Далеких жизни песен странных
 Несет лирический венец
 В стихах безвестных и туманных, —
 Но к цели близится *поэт*,
 Стремится, истиной влекомый,
 И вдруг провидит новый свет
 За далью, прежде незнакомой...

5 апреля 1900 (1918)

Напрасно, дева, ты бежала,
 Моей пытливости страшась.
 Моя мечта дорисовала
 Тебя, волнуясь и смеясь.

И я узнал твои приметы
 По искрам тайного огня
 В твоих глазах, где бродят светы
 Жестокого и злого дня.

Ты ныне блещешь красотою,
Ты древним молишься богам,
Но беззаконною тропою
Идешь к несчастным берегам.

6 апреля 1900 (2 января 1916)

114

До новых бурь, до новых молний
Раскройся в пышной красоте
Всё безответней, всё безмолвней
В необъяснимой чистоте.

Но в дуновеньи бури новом
Укрась надеждой скучный путь,
Что в этом хаосе громовом
Могу в глаза твои взглянуть.

14 апреля 1900

115

Хожу по камням старых плит,
Душа опять полна терзаний...
Блаженный дом! — Ты не закрыт
Для горечи воспоминаний!

Здесь — бедной розы лепестки
На камне плакали, алея...
Там — зажигала огоньки
В ночь уходящая аллея...

И ветер налетал, крутя
Пушинки легкие снежинок,
А город грохотал, шутя
Над святостью своею, инок...

Где святость та? — У звезд спроси,
Светящих, как тогда светили...
А если звезды изменили —
Один сквозь ночь свой крест неси.

14 апреля 1900 (2 января 1916)

В фантазии рождаются порою
 Немые сны.
 Они горят меж солнцем и Тобою
 В лучах весны.

О, если б мне владеть их голосами!
 Они б могли
 И наяву восстать перед сынами
 Моей земли!

Но звук один — они свое значенье
 Утратят вмиг.
 И зазвучит в земном воображеньи
 Земной язык.

22 апреля 1900 (24 января 1915)

Мы не торопимся заране
 Огни ненужные зажечь,
 Уже милее прежних встреч —
 В вечернем встретиться тумане.

И пусть докучливая мать
 Не будет наших разговоров
 Дозором поздним нарушать.
 Уйдем от материнских взоров,

И пусть прервется речи нить.
 Так сладко в час очарованья
 Твои волненья и молчанья
 И тайные мечты следить.

29 апреля 1900 (1918)

К ногам презренного кумира
 Слагать божественные сны
 И прославлять обитель мира
 В чаду убийства и войны,

Вперяясь в сумрак ночи холодной,
В нем прозревать огонь и свет, —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью поэт!

Весна 1900 (Декабрь 1914)

119

Теряет берег очертанья.
Плыви, челнок!
Плыви вперед без содроганья —
Мой сон глубок.
Его покоя не нарушит
Громада волн,
Когда со стоном вниз обрушит
На утлый челн.
В тумане чистом и глубоком,
Челнок, плыви.
Всё о бессмертии в сне далеком
Мечты мои.

1 мая 1900

120

Есть много песен в светлых тайниках
Ее души невинной и приветной.
И грусти признак есть в его чертах,
Старинной грусти и заветной.

Им бог один — прозрачная печаль.
Единый бог — залог слиянья.
И, может быть, вдвоем — еще туманней даль
И обаятельней незнанье.

3 мая 1900 (Февраль 1914)

121

Бежим, бежим, дитя свободы,
К родной стране!
Я верен голосу природы,
Будь верен мне!

Здесь недоступны неба своды
Сквозь дым и прах!
Бежим, бежим, дитя природы,
Простор — в полях!

Бегут... Уж стогны миновали,
Кругом — поля.
По всей необозримой дали
Дрожит земля.
Бегут навстречу солнца, мая,
Свободных дней...
И приняла земля родная
Своих детей...

И приняла, и обласкала,
И обняла,
И в вешних далях им качала
Колокола...
И, поманив их невозможным,
Вновь предала
Дням быстротечным, дням тревожным
Злым дням — без срока, без числа...

7 мая 1900 (12 мая 1918)

122

Звезда полночная скатилась
И не оставила следа...
Окно бесшумно растворилось...
Прости, крылатая мечта!
Ты здесь еще, но ты растаешь.
К моим сомненьям на пути,
Пока ты ночь в себя вдыхаешь,
Я буду всё твердить: прости...
Я буду верить: не растает
До утра нежный облик твой:
То некий ангел расстилат
Ночные перлы предо мной.

16 мая 1900

Пусть я покину этот град...
 Тоска невольная сжимает
 Мне сердце. Я б остаться рад.
 Что будет *там*, душа не знает...
 Там — новый натиск бурь и бед,
 Моя тоска — тому залогом.
 В глубокой мгле грядущих лет
 Каким предамся я дорогам?

Здесь — в свете дня, во тьме ночной
 Душа боролась, погибала,
 Опять воспрянув, свой покой
 Вернуть не в силах, упала
 В тревоги жизни городской
 И, дна достигнув, поднимала
 Свой нежный цвет над черной мглой —
 Так — без конца, так — без начала...

Или бушующая кровь
 Рождала новую любовь?

Иль в муке и тревоге тайной
 И в сочетаньях строгих числ
 Таился тот — необычайный,
 Тот радостный, великий смысл?

Да, да! Моей исконной мукой
 Клянусь, пожар иной любви
 Горел, горит в моей крови!
 Моя тоска — тому порукой!

16 мая 1900 (12 мая 1918)

Прошедших дней немеркнувшим сияньем
 Душа, как прежде, вся озарена.
 Но осень ранняя, задумчиво грустна,
 Овеяла меня тоскующим дыханьем.
 Близка разлука. Ночь темна.
 А всё звучит вдали, как в те молодые дни

*Мои грехи в твоих святых молитвах,
Офелия, о нимфа, помяни.
И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаньем дальным и прекрасным.*

28 мая 1900

125

Не призывай и не сули
Душе бывшего вдохновенья.
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звездах — немая тишина —
Обитель страха и молчанья.

Я знаю твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен твой язык,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Не жди бывшего обаянья,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

1 июня 1900

126. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Под величавые раскаты
Далеких, медленных громов
Встает трава, грозой примята,
И стебли гибкие цветов.

Последний ветер в содроганье
Приводит влажные листья,
Под ярким солнечным сияньем
Блестят зеленые кусты.

Всеохранительная сила
В своем неведомом пути
Природу чудно вдохновила
Вернуться к жизни и цвести.

3 июня 1900 (1915)

127

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвенную мне.

Ум полон томного бессилья,
Душа летит, летит...
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

3 июня 1900 (Февраль 1914)

128

Уже бледнеет день прощальный.
Ты эту ночь мне подари.
Услышишь мой рассказ печальный,
Внимай ему и жди зари.

Заря в твои заглянет очи.
И ты поймешь в ее огне,
Что в эти дни, что в эти ночи
В твоей душе открылось мне.

9 июня 1900 (24 января 1915)

129

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вокруг меня лесных деревьев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,

И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

10 июня 1900

130

В ночь молчаливую чудесен
Мне предстоит твой светлый лик.
Очарованья старых песен
Объемлют душу в этот миг.

Своей дорогой голубою
Проходишь медленнее ты,
И отдыхают над тобою
Две неподвижные звезды.

13 июня 1900 (Февраль 1914)

131

Облит последними лучами,
Чудесно вечерет день.
Идет с вечерними тенями
На душу пламенная тень.

Кто вознесет ее из тени,
Пока огонь горит в крови,
В твои тоскующие сени,
На чистый жертвенник любви?

17 июня 1900 (Февраль 1914)

132

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, господь, успокоенье
И очищенье от забот.

Дыханием живящей бури
Дохни в удушливой глуши,
На вечеряющей лазури,
Для вечеряющей души.

18 июня 1900 (Февраль 1914)

133

Была пора — в твоих глазах
Огни безумные сверкали:
Ты обрела в моих словах
Свои заветные печали.

Теперь их смысл тобой забыт.
Слова воскреснут в час победный,
Затем, что тайный яд разлит
В их колыбели заповедной.

20 июня 1900

134

Пророк земли — венец творенья,
Подобный молниям и громам,
Свои земные откровенья
Грядущим отдавал векам.

Толпы последних поколений,
Быть может, знать обречены,
О чем не ведал старый гений
Суровой Английской страны.

Но мы, — их предки и потомки, —
Сиянья их ничтожный след,
Земли ненужные обломки
На тайной грани лучших лет.

21 июня 1900

135

В часы безмолвия ночного
Тревоги отлетают прочь.
Забудь события дня пустого
И погрузись в родную ночь.

Молись, чтоб осень озарила,
Как ту весну, твоя звезда.
Тоскуй свободно над могилой
Весны, прошедшей без следа.

24 июня 1900 (Февраль 1914)

136

Смеялись бедные невежды,
Похитил я, молодой певец,
У безнадежности — надежды,
У бесконечности — конец.

Мне самому и дик и странен
Тот свет, который я зажег,
Я сам своей стрелою ранен,
Сам перед новым изнемог.

Идите мимо — погибаю,
Глумитесь над моей тоской.
Мой мир переживет, я знаю,
Меня и страшный смех людской.

25 июня 1900 (10 апреля 1918)

137

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:
Они сломают твой чертог,
Погасят жертвенник заветный.

Все, духом сильные, — одни
Толпы нестройной убегают,
Одни на холмах жгут огни,
Завесы мрака разрывают.

25 июня 1900

138

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.

Пусть одинок, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный.
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной.

26 июня 1900 (Февраль 1914)

139

Погибло всё. Палящее светило
По-прежнему вершит годов круговорот
Под хólмами тоскливая могила
О прежнем бытии прекрасном вопиет.
И черной ночью белый призрак ждет
Других теней безмолвно и уныло.

Ты обретишь, белеющая тень,
Толпы других, утративших былое.
Минует ночь, проснется долгий день —
Опять взойдет в своем палящем зное
Светило дня, светило огневое,
И будет жечь тоскующую сень.

2 июля 1900

140

К чему бесцельно охранять
Свои былые вдохновенья?
Уже на всем — годов печать,
Седых времен прикосновенье.

Стихай, заветная печаль,
Проснулся день, дохнул страданьем
Годов седеющая даль
Покрыта мраком и молчаньем.

И дале в сердце уходи
Ты, безнадежное стремленье,
Не отравляй и не буди
Меня, былое вдохновенье!

4 июля 1900 (24 января 1915)

Они расстались без печали,
 Забыты были счастья дни;
 Но неутешно тосковали
 И снова встретились они.

Над ними плакал призрак юный
 Уже увядшей красоты;
 И эти жалобные струны
 Будили старые мечты.

Но были новые свиданья
 Так безмятежно холодны;
 Их не согрел огонь желанья,
 Ни говор плачущей струны.

Меж ними тайны не лежали,
 Всё было пусто и мертво;
 Они в скитаньи угасали
 И хоронили божество.

10 июля 1900 (Февраль 1914)

Новый блеск излило небо
 На небесные поля.
 Мраком древнего Эреба
 Преисполнена земля.

Вознесясь стезею бледной
 В золотое *без конца*,
 Стану, сын покорно-бедный,
 В осиянности творца.

Если тайный грешный помысл
 В душу скорбную слетит,
 Лучезарный бога промысл
 Утолит и осенит.

Вознесусь душой нетленной
 На неведомых крылах.
 Сердцем чистые блаженны —
 Узрят бога в небесах.

25 июля 1900 (24 января 1915)

То отголосок юных дней
 В душе проснулся, замирая,
 И в блеске утренних лучей,
 Казалось, ночь была немая.

То сон предутренний сошел,
 И дух, на грани пробужденья,
 Воспрянул, вскрикнул и обрел
 Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
 Бессмертных мыслей вне сомнений.
 И он умчался, пробудив
 Толпы забытых откровений.

То бесконечность пронесла
 Над падшим духом ураганы.
 То Вечно-Юная прошла
 В неозаренные туманы.

29 июля 1900 (1918)

Последний пурпур догорал,
 Последний ветер вздохнул глубоко,
 Разверзлись тучи, месяц встал,
 Звучала песня издалёка.

Все упования юных лет
 Восстали ярче и чудесней,
 Но скорбью наполнилась в ответ
 Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
 И над зловещею зарницей
 Взлетели к югу журавли
 Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900

Не утоленная кровавыми струями,
 Безмолвствует земля.
 Иду вперед поспешными шагами,
 Ищу от жертв свободные поля.

Но, как в темнице узник заключенный,
 Ищу напрасно: кровь и мрак!
 Лишь там, в черте зари окровавленной —
 Таинственный, еще невнятный знак.

14 августа 1900 (13 января 1915)

Порою вновь к твоим ногам
 Меня влечет души смирение.
 Я с благодарностью отдам
 Избыток властного презренья.

Не доверяйся страстным снам:
 Пройдет короткое мгновенье —
 Я с новой силою воздам
 И власть и должное презренье.

18 августа 1900 (Февраль 1914)

147. "АГРАФА ДОГМАТА"

Я видел мрак дневной и свет ночной.
 Я видел ужас вечного сомненья.
 И господа с растерзанной душой
 В дыму безверья и смятенья.

То был рассвет великого рожденья,
 Когда миров нечисленный хаос
 Исчезнул в бесконечности мученья. —
 И всё таинственно роптало и несло.

* Неписанные догматы (греч.). — Ред.

Тяжелый огонь окутал мирозданье,
И гром остановил стремящие созданья.
Немая грань внедрилась до конца.

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горной высоте — без страха и усилья —
Мерцающих идей ему взыграли крылья

22 августа 1900

148

Revertitur in terram suam
unde erat,
Et spiritus redit ad Deum,
qui dedit illum.
Amen. *

В седую древность я ушел, мудрец.
Эллада холодна. Безмолвствует певец.
Эллада умерла, стяжав златой венец
И мудрости, и силы, и свободы.

Ту мудрость я передаю уму.
Ту силу я провижу и пойму.
Но жизнь души свободной не уйму —
Затем, что я — певец природы.

В холодном мраке эллинских могил
Я ум блуждающий напрасно укрепил.
Но пролил в сердце жар глубокий.
И первый зов души мне будет приговор
Седеющих веков меня покинет взор,
И в мир вернусь один — для песни одинокой

27 августа 1900

149. СМЕРТЬ

Прислушайся к земле в родных полях:
Тебя овеет чуждыми странами,
Но вместе родственный обнимет некий страх
Ты ощутишь шаги, следящие за нами.

* Вернется в землю свою, которою был, и дух отдаст богу
который даровал его. Аминь (лат.). — Ред.

О, друг мой, не беги родной своей земли,
Смотри: я жду таинственной прищипцы
И каждый час могу следящую вдали,
Но близкую всегда, принять в мои темницы.

13 сентября 1900

150

Под вечер лет с немым вниманьем
В былое смутно погружен,
Я буду жить воспоминаньем,
Лелея жизни прошлой сон.
И вновь мне будет близко время,
Когда, в предчувствии беды,
Ума живительное семя
Взрослило смелые плоды.
На молодых весенних грезех
Подстережет меня недуг,
Для опочившего на розах
Замкнется жизни светлый круг.

18 сентября 1900 (18 ноября 1920)

151. АМЕТИСТ

К. М. С.

Порою в воздухе, согретом
Воспоминаньем и тобой,
Необычайно хладным светом
Горит прозрачный камень твой.

Гаси, крылатое мгновенье,
Холодный блеск его лучей,
Чтоб он воспринял отраженье
Ее ласкающих очей.

19 сентября 1900

Твой образ чудится невольно
Среди знакомых пошлых лиц.
Порой легко, порою больно
Перед Тобой не падать ниц.

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,
Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Ты не жила в моем волненьи,
Но в том родном для нас краю —
И в одиноком поклоненьи
Познал я истинность Твою.

22 сентября 1900

Ночь грозой бушевала, и молний огни
Озаряли гряды отдаленных холмов;
Только утром я поднял безжизненный труп
И зарыл под холмами, у края земли.

День прошел молчалив и таинственно свеж
Вечеру подошла непроглядная тьма,
И у края земли, над холмами вдали
Я услышал безжизненный голос тоски.

Я пытался разбить заколдованный круг,
Перейти за черту оглушающей тьмы,
Но наутро я сам задохнулся вдали,
Беспокойно простертый у края земли.

24 сентября 1900 (1908?)

Курятся алтари, дымят паникадила
Детей земли.
Богиня жизни, тайное светило —
Вдали.

Поют торжественно; победно славословят
Немую твердь.
И дланями пустынный воздух ловят,
Приемля смерть.
Неуловимая, она не между нами
И вне земли.
А мы, зовущие победными словами, —
В пыли.

29 сентября 1900 (1910)

155

Напрасно я боролся с богом.
Он — громоносный чудодей —
Над здешним, над земным чертогом
Воздвиг чертог еще страшней.

И средь кощунственных хулений,
Застигнут ясностью Зари,
Я пал, сраженный, на колени,
Иные славя алтари...

И вопреки хулам и стонам,
Во храме, где свершалось зло,
Над пламенеющим амвоном
Христово сердце расцвело.

4 октября 1900 (13 февраля 1914)

156

Ты была у окна,
И чиста и нежна,
Ты царила над шумной толпой.
Я стоял позабыт
И толпою сокрыт
В поклоненьи любви пред тобой.

Мне казалось тогда,
Что теперь и всегда
Ты без мысли смотрела вперед.

А внизу, у окна,
Как морская волна,
Пред тобой колыбался народ.

Поклоненьем горда,
Ты казалась всегда
Одинокой и властной мечтой.
И никто не слышал,
Как твой голос звучал, —
Ты в молчаньи владела толпой.

Я стоял позабыт
И толпою сокрыт.
Ты без мысли смотрела вперед,
И чиста, и нежна;
А внизу, у окна,
Вкруг меня волновался народ.

12 октября 1900 (1908)

157

Поклонник эллинов — я лиру забывал,
Когда мой путь ты словом преграждала
Я пред тобой о счастье воздыхал,
И ты презрительно молчала.

И я горел душой, а ты была темна.
И я, в страданьи безответном,
Я мнил: когда-нибудь единая струна
На зов откликнется приветно.

Но ты в молчании прошла передо мной
И, как тогда, одним напоминаньем
Ты рвешь теперь и мучаешь порой
Мои эллинские призванья.

12 октября 1900

158. АРТИСТКЕ

Позволь и мне сгорать душою,
Мгновенье жизнь торжествовать
И одинокою мечтою
В твоём бессмертии ликовать.

Ты несравненна, ты — богиня,
Твои веселье и печаль —
Моя заветная святыня,
Моя пророческая даль.

Позволь же мне сгорать душою
И пламенеть огнем мечты,
Чтоб вечно мыслить пред собою
Твои небесные черты.

15 октября 1900 (27 января 1916)

159

Я знаю, смерть близка. И ты
Уже меня не прѣзришь ныне.
Ты снизойдешь из чистоты
К моей тоскующей кончине.

Но мне любовь твоя темна,
Твои признанья необычны.
Найдешь ли в сердце имена
Словам и ласкам непривычным?

Что, если ты найдешь слова,
И буду в позднем умиленьи
Я, умирающий едва,
Взывать о новом воскресеньи?

15 октября 1900

160

Пора вернуться к прежней битве,
Воскресни дух, а плоть усни!
Сменим стояньем на молитве
Все эти счастливые дни!

Но сохраним в душе глубоко
Все эти радостные дни:
И ласки девы черноокой,
И рампы светлые огни!

22 октября 1900

161

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

1 ноября 1900 (1910)

162

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в господний дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед Единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверьи идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,

Но чую — силы страстных дней
Дохнули раненому в битве,
Вновь разлились в душе моей.
Мне непонятно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир...
Назад! Язычица младая
Зовет на дружественный пир!

3 ноября 1900 (1918)

163

Не отравляй души своей
Всегда угрюмым отрицаньем.
Видения былых скорбей
Буди, буди — воспоминаьем!

Придет на смену этих дней
Суровый день и вечер сонный,
И будет легче и светлей,
Воспомянем окрыленный.

Когда настанет черный день,
Зови, зови успокоенье,
Буди прошедшей скорби тень, —
Она приносит исцеленье!

5 ноября 1900 (13 февраля 1914)

164

В те целомудренные годы
Я понял тайный жизни смысл,
Поклонник твой, дитя свободы,
Как ты, далекий строгих числ.

Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю в грядущие печали
И числю, числю без тебя?

Что ж! Пусть прошедшему забвенье —
Не в настоящем жизни смысл!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятых числ!

15 ноября 1900

165

Мой монастырь, где я томлюсь безбожно, —
Под зноем разума расплавленный гранит.
Мне душно. Мне темно под этим зноем ложным.
Я уйду в другой палящий скит...

Там будет зной, но зной земли всегдашний.
Кровавый шар расплавит мозг дотла,
И я сойду с ума спокойней и бесстрашней,
Чем здесь, где плоть и кровь изнемогла.

Где новый скит? Где монастырь мой новый?
Не в небесах, где гробовая тьма,
А на земле — и пошлый и здоровый,
Где всё найду, когда сойду с ума!..

17 ноября 1900

166

Там жили все мои надежды,
Там мне пылал огонь земной,
Но душу осенил покой, —
Смежились дремлющие вежды.

Где грозовые тучи шли,
Слеза последняя иссохла.
Душа смирилась и заглохла
В убогом рубище земли.

А прежде — небом ночи звездной
Она росла, стремилась вдаль,
И та заветная печаль
Плыла, казалось, лунной бездной.

22 ноября 1900 (1913)

Ищу спасенья.
 Мои огни горят на высях гор —
 Всю область ночи озарили.
 Но ярче всех — во мне духовный взор
 И Ты вдали... Но Ты ли?
 Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор
 Меня клянут людские поколения.
 Я для Тебя в горах зажег костер,
 Но Ты — виденье.
 Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
 Уходит ночь. Бежит сомненье.
 Там сходишь Ты с далеких светлых гор
 Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
 В Тебе — спасенье!

25 ноября 1900 (1907)

Медленно, тяжело и верно
 В черную ночь уходя,
 Полный надежды безмерной,
 Слово молитвы твердя,
 Знаю — молитва поможет
 Ясной надежде всегда,
 Тяжкая верность заложит
 Медленный камень труда.
 Медленно, тяжело и верно
 Мерю ночные пути:
 Полному веры безмерной
 К утру возможно дойти.

5 декабря 1900

Завтра с первым лучом
 Восходящего в небе светила
 Встанет в сердце моем
 Необъятная сила.
 Дух всколеблет эфир
 И вселенной немое забвенье,
 Придвигается мир
 Моего обновленья.
 Воскурю я кадило,
 Опояшусь мечом
 Завтра с первым лучом
 Восходящего в небе светила.

6 декабря 1900 (24 января 1915)

Была и страсть, но ум холодный
 Ее себе поработил,
 И, проклинаящий бесплодно,
 В могильном мраке я бродил.

И час настал. Она далёко.
 И в сновиденьях красоты
 Меня не трогаешь глубоко,
 Меня не посещаешь ты.

О, я стремлюсь к борьбе с собою,
 К бесплодной, может быть, борьбе...
 Когда-то полная тобою
 Душа тоскует — о тебе!

9 декабря 1900 (1908)

171 – 174. ПОЭМА ФИЛОСОФСКАЯ

ПЕРВЫЕ ТРИ ПОСЫЛКИ

Ты еси Петр, и на сем камени
созижду церковь мою.

Еванг. Матфея, XVI. 18

Introibo ad altare Dei.
Ad Deum, qui laetificat
juventutem meam.*

Мне сердце светом озарил
Ты, мой задумчивый учитель,
Ты темный разум просветил,
Эллады мощный вдохновитель.
А ты, певец родной зимы,
Меня ведешь из вечной тьмы.

I

Здесь на земле единокельны
И дух и плоть путем одним
Бегут, в стремленьи нераздельны,
И бог — одно начало им.

Он сотворил одно общенье,
И к нам донесся звездный слух,
Что в вечном жизненном теченьи
И с духом плоть, и с плотью дух.

И от рожденья — силой бога
Они, исчислены в одно,
Бегут до смертного порога —
Вселенной тайное звено.

9 декабря 1900

II

Вечный дух — властитель вышний тела —
Божеству подвластен, как оно.
Их союз до смертного предела —
Власти тайное зерно.

* Войду в алтарь бога. К богу, который веселит юность мою (лат.). — Ред.

Вечен дух — и преходящим телом
Правит, сам подвластный божеству:
Власть в общении стала их уделом,
В ней — стремление к естеству.

Их союз — к природной духа власти,
К подчиненью тела — их союз.
И бегут в едино сплоченные части
Силой вышних, тайных уз.

10 декабря 1900

III

Дух человеческий властен земное покинуть жилище,
Тело не властно идти против велений души.
Сила души — властелин и могучий даятель закона,
Сила телесная вмиг точно исполнит закон.

Так-то объемлемый дух его же обнявшему телу
Властно законы дает, тело наполнив собой.
Тело же точно и вмиг души исполняет законы,
В жизненной связи с душой, вечно подвластно душе

10 декабря 1900

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭМЫ

Ты, о Афина бессмертная
С неумирающим Эросом!
Бог бесконечного творчества
С вечно творящей богинею!
О, золотые родители
Всевдохновенных детей!

Ты, без болезни рожденное,
Ты, вдохновенно-духовное,
Мудро-любовное детище,
Умо-сердечное — ты!

Эроса мудро-блаженного,
Мудрой Афины божественной,

В вечном общении недремлющих,
Ты — золотое дитя!

11 февраля 1901

175. Е. А. БАРАТЫНСКОМУ

Так мгновенные создания
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Баратынский

Тебе, поэт, в вечерней тишине
Мои мечты, волненья и досуги.
Близь Музы, ветреной подруги,
Попировать недолго, видно, мне.

Придет пора — она меня покинет,
Настанет час тревожной суеты,
И прихоть легкая задумчивой мечты
В моей груди увянет и застынет.

16 декабря 1900

176. ПОСЛЕ БИТВЫ

Я возвращусь стопой тяжелой,
Паду средь храма я в мольбе,
Но обновленный и веселый
Навстречу выйду я к тебе.

Взнеся хвалу к немому своду,
Освобожденный, обновлюсь.
Из покаянья на свободу
К тебе приду и преклонюсь.

И, просветленные духовно,
Полны телесной чистоты,
Постигнем мы союз любовный
Добра, мечта и красоты.

16 декабря 1900 (13 января 1915)

Не нарушай гармонии моей —
В ней всё светло и всё духовно.
Когда и ты душой ответишь ей,
С тобой мы связаны любовно.

Но если ты погасишь свет,
Смутишь на миг затишье моря,
Тогда — прощай. Любви меж нами нет —
Одно сухое, горестное горе.

18 декабря 1900 (1918)

178. ДВЕ ЛЮБВИ

Любви и светлой, и туманной
Равно изведаны пути.
Они равно душе желанны,
Но как согласие в них найти?

Несъединимы, несогласны,
Они равны в добре и зле,
Но первый — безмятежно-ясный,
Второй — в смятении и во мгле.

Ты огласи их славой равной,
И равной тайной согласи,
И, раб лукавый, своенравный,
Обоим жертвы приноси!

Но трепещи грядущей кары,
Страшись грозящего перста:
Твои блаженства и пожары —
Всё — прах, всё — тлен, всё — суета!

19 декабря 1900 (14 февраля 1916)

В полночь глухую рожденная
Спутником бледным земли,

В ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.

Шел я на север безлиственный,
Шел я в морозной пыли,
Слышал твой голос таинственный,
Ты серебрилась вдали.

В полночь глухую рожденная,
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.

Эллины, боги бессонные,
Встаньте в морозной пыли!
Солнцем своим опьяненные,
Солнце разлейте вдали!

Эллины, эллины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комом холодной земли!

24 декабря 1900

180

К. М. С.

Ты не обманешь, призрак бледный
Давно испытанных страстей.
Твой вид нестройный, образ бедный
Не поразит души моей.
Я знаю дальнее былое,
Но в близком будущем не жду
Волнений страсти. Молодое —
Оно прошло, — я не найду
В твоем усталом, но зовущем,
Ненужном призраке — огня.
Ты только замыслом гнетущим
Еще измучаешь меня.

25 декабря 1900 (Декабрь 1908)

Нет ни слезы, ни дерзновенья.
 Всё тот же путь — прямой стрелы
 Где ваши гордые стремленья,
 Когда-то мощные орлы?

Ужель и сила покидает,
 И мудрость гасит светоч свой?
 Ужель без песни умирает
 Душа, сраженная тоской?

25 декабря 1900

182. ВАЛКИРИЯ

(На мотив из Вагнера)

Хижина Гундинга

З и г м у н д

(за дверями)

Одинокый, одичалый,
 Зверь с косматой головой,
 Я стучусь рукой усталой —
 Двери хижины открой!
 Носят северные волны
 От зари и до зари —
 Носят вместе наши челны.
 Я изранен! Отвори!

З и г е л и н д а

Кто ты, гость, ночной порою
 Призывающий в тиши?
 Черный Гундинг не со мною..
 Голос друга... Клич души!

З и г м у н д

Я в ночном бою с врагами
 Меч разбил и бросил щит!
 В темном доле, под скалами
 Конь измученный лежит.
 Я, в ночном бою усталый,
 Сбросил щит с могучих плеч

Черный меч разбил о скалы!
«Вельзе! Вельзе! Где твой меч!»

(Светится меч в стволе дерева)

Зигелинда

Вместе с кликами твоими
Загораются огни!
Ты, зовущий Вельзе имя,
Милый путник, отдохни!

(Отворяет двери)

Декабрь 1900 (1908)

183. 31 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне — одно:
Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем — крутом молчанье,
Мой кубок пуст,
И смерти раннее призванье
Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде — в ночь,

31 декабря 1900

184

Когда я одинок и погружен в молчанье,
 Когда чужая речь давно мне не слышна,
 Я чувствую в груди немое трепетанье,
 И близким прошлым полнится она.

Когда я одинок, и голоса чужие
 Не слышны, не нужны, и чужды, и темны,
 Я чувствую в себе призвания былые,
 И прошлого изгибы мне видны.

Не нужно мне грядущих, настоящих —
 Всех пошлых сил, истраченных в «борьбе»
 Я полн заветов дней моих давящих,
 Подобных прошлой, может быть, судьбе

4 января 1901 (1918)

185

Я никогда не понимал
 Искусства музыки священной,
 А ныне слух мой различал
 В ней чей-то голос сокровенный.

Я полюбил в ней ту мечту
 И те души моей волненья,
 Что всю былую красоту
 Волной приносят из забвенья.

Под звуки прошлое встает
И близким кажется и ясным:
То для меня мечта поет,
То веет таинством прекрасным.

17 января 1901

186

Ты — думы вечной, вдохновенной
Суровый блеск в вечерней мгле
С твоей улыбкой сокровенной
На незапятнанном челе!

Ты — откровение и тайна,
В вечерний час тебя мне жаль,
О, подаривший мне случайно
Живую радость и печаль...

Первоначальных лет счастливых
Остывший жар, потухший свет,
Ты всё еще на темных нивах
Огнистый оставляешь след.

20 января 1901 (1908)

187

Благоуханных дней течение
Сменяют тяжкие года,
Но этих прошлых дней значенье
Неизгладимо никогда...

Пускай зима снега покоит
На омертвелых лепестках, —
Мечта пророчески откроет
И в зимний день — цветистый прах.

22 января 1901 (1908)

Часто в мысли гармония спит
И не льется словесной волною.
И молчанье бесцельно таит
Непонятный упрек над собою.

Только чувствовать, верить, узрев,
Но сказать, — не услышишь ответа..
Точно песня, весь мир облетев,
Возвратилась, ничем не согрета.

23 января 1901

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней молодые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне..
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

25 января 1901

Ветер принес издалёка
Песни весенней намок,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны

Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 января 1901 (1907)

191

Над синевой просторной дали
Сквозили строгие черты.
Лик безмятежный обрамляли
Речные белые цветы.

Навек безмолвна и спокойна,
Она без мысли шла вперед,
И раболепно, и нестройно
Пред ней волнами шел народ.

Я, увлечен толпой народной
На обожанье красоты,
Смотрел, отвлека несвободный,
В ее спокойные черты.

30 января 1901 (16 марта 1918)

192

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в снеговой пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...

Разве воскреснуть возможно?
Разве бывшее — не прах?
Нет, из господнего дома
Полный бессмертия дух
Вышел родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...
Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

193

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, — и внемлет крикам,
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умищенная, в тиши,
Неустанущим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Так — белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

194

Я сходил в стремнины горные,
Видел доли и леса.
Над мечтой моей упорною
Загорались небеса.

Ночи шли путями звездными,
Ярким солнцем дни текли
Над горами и над безднами,
Где томился я в пыли.

Где сходил в стремнины горные,
Где в долинах и лесах
Воскрешал мечтой упорною
Давней жизни мертвый прах...

7 февраля 1901 (1908)

195

Мой путь страстями затемнен,
Но райских снов в полнощном бдении
Исполнен дух, — и светлый сон
Мне близок каждое мгновенье.

Живите, сны, в душе моей,
В душе безумной и порочной,
Живите, сны, под гнетом дней
И расцветайте в час урочный!

В суровый час, когда вокруг
Другие сны толпою властной
Обстанут вокруг, смыкая круг,
Объемля душу мглою страстной!

Плывите, райских снов четы,
И силой бога всемогущей
Развейте адские мечты
Души, к погибели идущей.

11 февраля 1901 (3 января 1916)

196

Ныне, полный блаженства,
Перед божьим чертогом
Жду прекрасного ангела
С благовестным мечом.

Ныне сжался, о боже,
Над блаженным рабом!
Вышли ангела, боже,
С нежно-белым крылом!

Боже! Боже!
О, поверь моей молитве,
В ней душа моя горит!
Извлеки из жалкой битвы
Истомленного раба!

15 февраля 1901

197

Я понял смысл твоих стремлений —
Тебе я заслоняю путь.
Огонь нездешних вожелений
Вздывает девственную грудь.
Моей ли жалкой, слабой речи
Бороться с пламенем твоим
На рубеже неизвестной встречи
С началом близким и чужим!
Я понял всё, и отхожу я.
Благословен грядущий день.
Ты, в алом сумраке ликуя,
Ночную миновала тень.
Но риза девственная зрима,
Мой день с тобою проведен...
Пусть душа неисцелима —
Благословен прошедший сон.

26 февраля 1901

198

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные крути.
Я слышал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

Близко ты, или далече
Затерялась в вышине?

Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

199

Так — одинокой, легкой тенью
Перед душою, полной зла,
Свои благие исцеленья
Она однажды пронесла.

7 марта 1901

200

Сбылось пророчество мое:
Перед грядущею могилой
Еще однажды тайной силой
Зажглось святилище Твое.

И весь исполнен торжества,
Я упоен великой тайной
И твердо знаю — не случайно
Сбывались вещи слова.

7 марта 1901 (1910)

201. МОЕЙ МАТЕРИ

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больной душе мятежной,
Но ясней миры.
Это бог лазурный, нежный
Шлет свои дары.

8 марта 1901

202

Пять изгибов сокровенных
Добрых линий на земле.
К ним причастные во мгле
Пять стенаний вдохновенных.
Вы, рожденные вдали,
Мне, смятенному, причастны
Краем дальним и прекрасным
Переполненной земли.
Пять изгибов вдохновенных,
Семь и десять по краям,
Восемь, девять, средний храм —
Пять стенаний сокровенных,
Но ужасней — средний храм —
Меж десяткой и девяткой,
С черной, выпренной загадкой,
С воскуреньями богам.

10 марта 1901

203

Отзвучала гармония дня —
Замирают последние песни...
Ты, душа, порождение огня,
В наступающем мраке воскресни.

На границе печалей дневных,
На границе вечерних веселий,
Загорайся огнем новоселий
По краям облаков грозových.

19(?) марта 1901

Я не даром боялся открыть
В непогодную полночь окно.
Как и встарь, привелось отравить,
Что надеждою было полно.

Буду прежнею думой болеть
В непогодной полуночной мгле,
Но молитвенным миром гореть
И таиться на этой земле.

В непрестанной молитве моей,
Под враждующей силой твоей,
Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей.

1 апреля 1901

О. М. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледноликий
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, слышав бога,
Дочь блаженной стороны
Из родимого чертога
Гонит призрачные сны,
И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

23 апреля 1901

Навстречу вешнему расцвету
Зазеленели острова.

Одна лишь песня недопета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремлении запоздала,
В парении смутном замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла...

И вот — в завистливом смущении —
Глядит — растаяли снега,
И рек нестройное течение
Свои находит берега.

25 апреля 1901

207

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидеть.

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, бывшие стоны
Не услышишь — я потух.

Самый огонь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

27 апреля 1901

*Поле за Старой Деревней
(1908)*

Так — разошлись в часы рассвета.
А. Б.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны.
Страны холодные, немые,
И без любви, и без весны.

Там — далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там — мать сына не узнает,
Потухнут страстные сердца...
Там безнадежно утасает
Мое скитанье — без конца...

И вдруг, в преддверьи заточенья,
Послышу дальние шаги...
Ты — одиноко — в отдалении,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

В передзакатные часы
Среди деревьев вековых
Люблю неверные красы
Твоих очей и слов твоих.

Прощай, идет ночная тень,
Ночь коротка, как вешний сон,
Но знаю — завтра новый день,
И новый для тебя закон.

Не бред, не призрак ты лесной,
Но старина не знала фей
С такой неверностью очей,
С душой изменчивой такой!

5 мая 1901 (20 февраля 1915)

Он уходил, а там глубоко
 Уже вещал ему закат
 К земле, оставленной далеко,
 Его таинственный возврат.

8 мая 1901

Ты ли это прозвучала
 Над темнеющей рекой?
 Или вправду отвечала
 Мне на крик береговой?

13 мая 1901

Всё бытие и сущее согласно
 В великой, непрестанной тишине.
 Смотри туда участно, безучастно, —
 Мне всё равно — вселенная во мне.
 Я чувствую, и верую, и знаю,
 Сочувствием провидца не прельстишь.
 Я сам в себе с избытком заключаю
 Все те огни, какими ты горишь.
 Но больше нет ни слабости, ни силы,
 Прошедшее, грядущее — во мне.
 Всё бытие и сущее застыло
 В великой, неизменной тишине.
 Я здесь в конце, исполненный прозренья,
 Я перешел граничную черту.
 Я только жду условного виденья,
 Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

Кто-то шепчет и смеется
 Сквозь лазоревый туман.
 Только мне в тиши взгрустнется —
 Снова смех из милых стран!

Снова шепот — и в шептании
Чья-то ласка, как во сне,
В чем-то женственном дыхании,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901 (1910)

214

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполнение тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?..

22 мая 1901

215

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранныкам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелую туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица — спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901

Они звучат, они ликуют,
 Не уставая никогда,
 Они победу торжествуют,
 Они блаженны навсегда.
 Кто уследит в окрестном звоне,
 Кто ощутит хоть краткий миг
 Мой бесконечный в тайном лоне,
 Мой гармонический язык?
 Пусть всем чужда моя свобода,
 Пусть всем я чужд в саду моем —
 Звенит и буйствует природа,
 Я — соучастник ей во всем!

30 мая 1901 (13 февраля 1914)

Одиноким, к тебе прихожу,
 Околдован огнями любви.
 Ты гадаешь. — Меня не зови. —
 Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
 Я спасался одной ворожкой,
 И опять ворожу над тобой,
 Но неясен и смутен ответ.

Ворожкой полоненные дни
 Я лелею года, — не зови...
 Только скоро ль погаснут огни
 Заколдованной темной любви?

1 июня 1901

И тяжкий сон житейского сознания
 Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
 Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появление,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозрение,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901

219

И поздно, и темно. Покину без желаний
Бунтующий весельем божий дом.
Окончу светлый путь, не буду ждать свиданий,
Как шел туда, — и выйду, незнаком.

Последний вздох, и тайный, и бездонный,
Слова последние, последний ясный взгляд —
И кружный мрак, мечтою озаренный,
А светлых лет — не возвратить назад.

Еще в иную тьму, уже без старой силы
Безгласно отхожу, покинув ясный берег,
И не видать его — быть может, до могилы,
А может быть, не встретиться вовек.

6 июня 1901

220

И я, неверный, тосковал,
И в поэтическом стремлении
И я без нужды покидал
Свои родимые селенья.

Но внятен сердцу был язык,
Неслышный уху — в отдалении,
И в запоздалом умилении
Я возвратился — и постиг.

9 июня 1901

221

...и поздно желать,
Всё минуло: и счастье, и горе.

Вл. Солсбеев

Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много,
Ты лазурью сильна,
Мне — другая и жизнь, и другая дорога,
И душе — не до сна.

Верь — несчастней моих молодых поклонений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

222

Молитву тайную твори —
Уже приблизились лучи
Последней для тебя зари, —
Готовься, мысли и молчи.
Готовый, мыслящий, немой,
Взгляни навверх в последний раз,
Не хочет бог, чтоб ты угас,
Не встретив здесь Любви былой.
Как в первый, так в последний раз
Проникнешь ты в Ее чертог,
Постигнешь ты — так хочет бог —
Ее необычайный глаз.

10 июня 1901

За туманом, за лесами
Загорится — пропадет,
Еду влажными полями —
Снова издали мелькнет.

Так блудящими огнями
Поздней ночью, за рекой,
Над печальными лугами
Мы встречаемся с Тобой.

Но и ночью нет ответа,
Ты уйдешь в речной камыш,
Унося источник света,
Снова издали манишь.

14 июня 1901 (1908)

В бездействии младом, в передрагветной лени
Душа парила ввысь, и там Звезду нашла.
Туманен вечер был, ложились мягко тени.
Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темные ступени
Вступила Ты, и, Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой в передрагветной лени
На звездные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений
И юность робкая с мечтами без числа.
И близится рассвет. И убегают тени.
И, Ясная, Ты с солнцем потекла.

19 июня 1901

Какому богу служишь ты?
Родны ль тебе в твоём паренье
Передрагветное волнение,
Передзакатные мечты?

Иль ты, сливаясь со звездой,
Сама богиня — и с богами
Гордишься равной красотой, —
И равнодушными очами
Глядишь с нездешней высоты
На пламенеющие тени
Земных молитв и поклонений
Тебе — царица чистоты?

20 июня 1901

226

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

22 июня 1901 (1908)

227

С. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный дол — ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел — она одна росла.
И только лик бессмертного светила —
Что день — смотрел на девственный расцвет,
И, влажный знак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайный след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах..
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеяна снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течет в ряду иных светил.

26 июня 1901

Я помню час глухой, бессонной ночи,
 Прошли года, а память всё сильна.
 Царила тьма, но не смежились очи,
 И мыслил ум, и сердцу — не до сна.

Вдруг издали донесся в заточенье
 Из тишины грядущих полуснов
 Неясный звук невнятного моления,
 Неведомый, бескрылый, страшный зов

То был ли стон души безбожно-дикой,
 И уж тогда не встретились сердца?
 Ты мне знаком, наперсник мой двуликий,
 Мой милый друг, враждебный до конца.

27 июня 1901

С. Боблово

Тебя в страны чужие звали,
 Ты собиралась в дальний путь.
 Мы безнадежно провожали,
 И многим привелось вздохнуть.

Зима подкралась незаметно,
 И с первым снегом со двора
 Ты унесла весь пыл заветный,
 Которым жили мы вчера.

Прощай, мы смотрим на дорогу,
 А выюга заметает след.
 Мы возвратимся понемногу
 К безбожной лени прежних лет,

И над мистической загадкой
 Уже не будем колдовать,
 И поздней ночью, встав украдкой,
 При бледном месяце мечтать.

28 июня 1901 (1910)

Внемля зову жизни смутной,
 Тайно плещущей во мне,
 Мысли ложной и минутной
 Не отдамся и во сне.
 Жду волны — волны попутной
 К лучезарной глубине.

Чуть слежу, склонив колени,
 Взором кроток, сердцем тих,
 Уплывающие тени
 Суетливых дел мирских
 Средь видений, сновидений,
 Голосов миров иных.

3 июля 1901 (1908)

Прозрачные, неведомые тени
 К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
 В объятия лазурных сновидений,
 Невнятных нам, — Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
 Моря, поля, и горы, и леса,
 Перекликаются в свободной выси птицы,
 Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
 Узрев на миг бессмертные черты,
 Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
 Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
 Не наградишь улыбкою его,
 Когда вослед взирает, несвободный,
 Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901 (13 февраля 1914)

Я жду призыва, ищу ответа,
 Немеет небо, земля в молчаньи,
 За желтой нивой — далёко где-то —
 На миг проснулось мое воззвание.

Из отголосков далекой речи,
 С ночного неба, с полей дремотных,
 Всё мнятся тайны грядущей встречи,
 Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый,
 Всё ярче небо, молчанье глуше...
 Ночную тайну разрушит слово...
 Помилуй, боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
 Далеким эхом мое воззвание.
 Всё жду призыва, ищу ответа,
 Но странно длится земли молчанье...

7 июля 1901

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
 Над берегом Невы и за чертой столицы?
 Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
 С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песнью без конца растаяла в снегах
 И раннюю весну созвучно повторила.
 Ты шла звездой мне, но шла в дневных лучах
 И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет
 И вдруг исчез — в далекие туманы.
 Я направляю взор в таинственные страны, —

Тебя не вижу я, и долго бога нет.
 Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый,
 Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый.

8 июля 1901 (1913)

Вечереющий день, догорая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастая,
Неотступная Тайна моя.

Неужели и страстная дума,
Бесконечно земная волна,
Затерявшись средь здешнего шума,
Не исчерпает жизни до дна?

Неужели в холодные сферы
С неразгаданной тайной земли
Отошли и печали без меры,
И любовные сны отошли?

Умирают мои угнетенья,
Утоляются горести дня,
Только Ты одинокою тенью
Посети на закате меня.

11 июля 1901 (1913)

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди — морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака — и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неутомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари — неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

Входите все. Во внутренних покоях
 Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
 Старинных книг на древних аналоях
 Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна бога,
 И этим древностям истления нет.
 Вы, гордые, что создали так много,
 Внушитель ваш и зодчий — здешний свет

Напрасно вы исторгнули безбожно
 Крикливые хуленья на творца.
 Вы все, рабы свободы невозможной,
 Смутитесь здесь пред тайной без конца.

14 июля 1901 (1910)

237

Ты прошла голубыми путями,
 За тобою клубится туман.
 Вечереющий сумрак над нами
 Обратился в желанный обман.
 Над твоей голубою дорогой
 Протянулась зловещая мгла.
 Но с глубокою верою в бога
 Мне и темная церковь светла.

16 июля 1901

238

Не жди последнего ответа,
 Его в сей жизни не найти.
 Но ясно чует слух поэта
 Далекий гул в своем пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
 Он жадно внемлет, чутко ждет,
 И донеслось уже до слуха:
 Цветет, блаженствует, растет...

Всё ближе — чаянье сильнее,
Но, ах! — волненья не снести...
И вещей падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом — семья в чаду молений,
И над кладбищем — мерный звон...
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он!

19 июля 1901 (13 февраля 1914)

239

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь.
Моря души — просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветешь.
А песни звук — докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной — туманы позади.
Объемли сны, какими я оваян,
Пойми сама, что будет впереди.

25 июля 1901

240

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и беспокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день великий скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг, — грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути, и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто здесь вздыхает обо мне.

27 июля 1901 (13 февраля 1914)

241

Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и камней гряда,
В них горишь алмазом ты.

А сама — за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек!

30 июля 1901. Фабрика
(1915)

242

Нас старость грустная настигнет без труда,
Мы немощны теперь, и нет у нас желанья.
С тех пор, как умерла подруга, — никогда
Не полнится душа тревогой ожидания.
Та жизнь прошла для нас, чудес и бед полна,
Оставив по себе одни воспоминанья.
Печальная, наш мир покинула она,
И в этой пустоте всё памятна весна,
Где каждый вздох хранит ее существованье.

5 августа 1901

243. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Разверзаются туманы,
Буревестник на волне,
Пролетают ураганы
В бесконечной вышине.

В светлый день Преображенья
Дух безумца поражен:
Из неволи, из смятенья
Голос Твой услышал он.

Ныне скорбный, ныне бедный,
В лоне Вечного Отца,
Близ Тебя, в лазури бледной
Жаждет нового конца...

Лишь одна страна в тумане
(Буревестник на волне) —
Беспокойное желанье
Вместе с богом — в вышине.

6 августа 1901 (Февраль 1914)

244

Ты далека, как прежде, так и ныне,
Мне не найти родные берега.
Моя печаль чужда твоей святине,
И радостью душа не дорога.

Суровый хлад — твоя святая сила:
Безбожный жар нейдет святым местам.
Пускай любви — забвенье и могила,
Ты над могилой — лучезарный храм.

*11 августа 1901. Дедово
(1913)*

245

Стою на царственном пути.
Глухая ночь, кругом огни, —
Неясно теплятся они,
А к утру надо всё найти.

Ступлю вперед — навстречу мрак,
Ступлю назад — слепая мгла.
А там — одна черта светла,
И на черте — условный знак.

Но труден путь — шумит вода,
Чернеет лес, молчат поля...
Обетованная земля —
Недостижимая звезда...

Звезда — условный знак в пути,
Но смутно теплятся огни,
А за чертой — иные дни,
И к утру, к утру — всё найти!

15 августа 1901 (1908)

246

Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?

Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

247

Наступает пора небывалая.
В освященные ризы одет,

Вознесу я хвалы запоздалые, —
Не раздастся ли свыше ответ.

Пламя алое в сумраке носится,
Потухают желанья в крови.
Вижу — к вышнему небу возносится
Безначальная дума Любви.

17 августа 1901 (Февраль 1914)

248

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму, —
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

249

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поет — не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.

Всё равно — мне певца не понять...
От себя ли скрывать
Роковую потерю?

24 августа 1901

250

Крутом далекая равнина,
Да толпы обгорелых пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелются над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет утрюмая тоска.

Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет — до поры.

И всё, что будет, всё, что было, —
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.

26 августа 1901. Исаево
(24 июля 1908)

251

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожкой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень рековой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.

Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит зачатие между нами,
Но, в постоянстве недвижим;
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

252

Когда-то долгие печали
Связали нас.
Тогда мы вместе день встречали
В лазурный час.
И вечер гас. Хладели руки,
Среди огней
Мы шли под меркнущие звуки
Печальных дней.
Теперь — за ту младую муку
Я жизнь отдам...
О, если б вновь живую руку
Прижать к губам!

Лето 1901 (Февраль 1916)

253

Синие горы вдали —
Память горячего дня.
В теплой дорожной пыли —
Призрак бегущий коня.

Церковь в лесистой глуши —
Только листья шелестят.
Стоны ли бедной души
Успокоенья хотят?..

*2 сентября 1901
Поляна в Прасолове
(1918)*

Нет конца лесным тропинкам.
 Только встретить до звезды
 Чуть заметные следы...
 Внемлет слух лесным былинкам.

Всюду ясная молва
 Об утраченных и близких...
 По верхушкам елок низких
 Перелетные слова...

Не замечу ль по былинкам
 Потаенного следа...
 Вот она — зажглась звезда!
 Нет конца лесным тропинкам.

*2 сентября 1901. Церковный лес
 (1908)*

Внемлю голосу свободы,
 Гулу утренней земли.
 Там — вдали — морские воды
 Схоронили корабли.

Но душа не сожалеет,
 Все сомненья далеки:
 На востоке пламенеют
 Новой воли маяки!

Снова жду, надежды полный:
 Солнце, светлый лик яви!
 Пламенеющие волны
 Расступились для любви!

4 сентября 1901 (Весна 1907)

Глушь родного леса,
 Желтые листы.
 Яркая завеса
 Поздней красоты.

Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи —
Память всё жива.

5 сентября 1901 (1909?)

257

Мчит меня мертвая сила,
Мчит по стальному пути.
Небо уныньем затмило,
В сердце — твой голос: «Прости»

Да, и в разлуке чиста ты
И непорочно свята.
Вон огневого заката
Ясная гаснет черта.

Нет безнадежного горя!
Сердце — под гнетом труда,
А на небесном просторе —
Ты — золотая звезда.

6 сентября 1901. Почтовый поезд
Между Клином и Тверью.
(20 февраля 1915)

258. ОЖИДАНИЕ

Дни текут молчаливо,
Непонятные дни.
Жду речного разлива,
Притаившись в тени.

В отдаленные страны,
В сероватую высь,
Все бывлые обманы
Без следа унесли.

Но наутро чудесней
Вновь предстанут они:
Вслед таинственной песне
Светозарные дни.

9 сентября 1901 (13 января 1915)

Смерть и время царят на земле —
Ты владыками их не зови.

Вл. Соловьев

Знаю, бедная, тяжкое бремя
Ты отвеса устала нести.
Ропщешь ты на бездушное время, —
Я с открытой душою в пути.

Здесь бушуют неверные бури,
Злые сны пролетают, звеня.
Над тобою — всевластность лазури,
Нет в тебе — лучезарного дня.

Но у тайны немого виденья
Расцветешь, обновленьем горя.
Все мечты мимолетного тленья
Молодая развеет заря.

16 сентября 1901

260. ПОСВЯЩЕНИЕ

Встали надежды пророка —
Близки лазурные дни.
Пусть лучезарность востока
Скрыта в неясной тени.

Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет.
Мне — мировая разгадка
Этот безбрежный поэт.

Здесь — голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.
Всё голубое — за Вами
И лучезарное — к Вам.

18 сентября 1901

Смотри — я отступаю в тень,
А ты по-прежнему в сомненьи
И всё боишься встретить день,
Не чуя ночи приближенья.

Не жди ты вдохновенных слов —
Я, запоздалый на границе,
Спокойно жду последних снов,
Забытых здесь, в земной темнице

Могу ли я хранить мечты
И верить в здешние виденья,
Когда единственная ты
Не веришь смертным песнопеньям

Но предо мной кружится мгла,
Не чую мимолетной боли,
И ты безоблачно светла,
Но лишь в бессмертии, — не в юдоли

20 сентября 1901

Пройдет зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмы

21 сентября 1901

Грустно и тихо у берега сонного
 Лодка плывет — ты дремли.
 Я расскажу про мечты, озаренные
 Прежнею лаской земли.
 Только остались у берега сонного
 Утлые в лодке мечты.
 В этих мечтах — навсегда отдаленная,
 Ты, лучезарная, ты...

Осень 1901

Встану я в утро туманное,
 Солнце ударит в лицо.
 Ты ли, подруга желанная,
 Всклонишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
 Ветром пахнуло в окно!
 Песни такие веселые
 Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
 Солнце и ветер в лицо!
 С ними подруга желанная
 Всклонишь ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

Ранний час. В пути незрима
 Разгорается мечта.
 Плещут крылья серафима,
 Высь прозрачна, даль чиста.

Из лазурного чертога
 Время тайне снизойти.
 Белый, белый ангел бога
 Сеет розы на пути.

Жду в пленительном волнении —
Тайна плачущей жены
Разомкнет златые звенья,
Вскроет крылий белизны.

4 октября 1901

266

Ты уходишь от земной юдоли,
Сердца лучшего любовь тебе несут.
Страшных снов не жди от новой воли, —
Хоры ангелов, не смертных, припадут.

Припадут и снимут власяницы —
Символ здешних непомерных бед.
Я, в тоске, покину на границе
Твой нездешний, твой небесный след.

Покидай бессилье мирозданья,
Твой покой теперь ненарушим.
Предо мною — грань богопознания,
Неизбежный сумрак, черный дым.

6 октября 1901

267

Ходит месяц по волне,
Ходит солнце в синей зыби,
Но в неведомом изгибе
Оба зримы не вполне.

Странно бледны лики их,
Отраженья их дробимы.
Ты равно ль с другой палима,
Или пламень твой затих

И неверным отраженьем
На волнах моей мечты
Бродишь мертвым сновиденьем
Отдаленной красоты?

7 октября 1901

Снова ближе вечерние тени,
 Ясный день догорает вдали.
 Снова сонмы нездешних видений
 Всколыхнулись — плывут — подошли

Что же ты на великую встречу
 Не вскрываешь свои глубины?
 Или чуешь иного предтечу
 Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завижу,
 Поднимусь и, не глядя, лечу.
 Ты ж и в сумраке, милая, ближе
 К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

Я бремя похитил, как тать,
 Несчастье разбил я на части,
 Но, боже! как тяжело внимать
 Чужой нарастающей страсти!

Волна, забегая вперед,
 У ног разобьется нещадно
 И жадно меня обдаёт,
 Бессильного, пеною холодной.

Не знаю — за дальней чертой
 Живет ли лазурное счастье...
 Теперь я внимаю чужой
 И всё нарастающей страсти.

14 октября 1901 (1918)

Хранила я среди младых созвучий
 Задумчивый и нежный образ дня.
 Вот дунул вихрь, поднялся прах летучий
 И солнца нет, и сумрак вокруг меня

Но в келье — май, и я живу, незрима
Одна, в цветах, и жду другой весны
Идите прочь — я чую серафима,
Мне чужды здесь земные ваши сны

Идите прочь, скитальцы, дети, боги!
Я расцвету еще в последний день,
Мои мечты — священные чертоги,
Моя любовь — немеющая тень.

17 октября 1901

271

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.

Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.

17 октября 1901 (1908)

272

Ловлю я тонкий прах надежды,
Ты замедляешь быстрый шаг,
Но через сомкнутые вежды
Горят слова: «Не друг, а враг».

Лишь отпылать — и правда ближе
Или — забвенные мечты
Проходят медленно, — и ниже
Пылаю я, и выше — ты.

Тогда, в спасительном забвении,
Улыбка бродит по лицу.
На завтра — в новом угнетении
Тоска по брачному венцу.

2 ноября 1901 (13 февраля 1914)

273

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесьи, идут облака,
Через туман озаренные.

С ними — знакомое, слышу, вослед...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни ответ,
Вместе ли оба почудятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901

274

Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке,
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вот они — тихие, светлые, скорые —
Мчатся ко мне издали.

6 ноября 1901

Восходя на первые ступени,
 Я смотрел на линии земли.
 Меркли дни — порывы иступлений
 Гасли, гасли в розовой дали.
 Но томим еще желаньем горя,
 Плакал дух, — а в звездной глубине
 Расступалось огненное море,
 Чей-то сон шептался обо мне...

8 ноября 1901 (1910)

Один порыв — безвластный и плакучий.
 Одна мечта — чрезмерностью слаба, —
 И снова он — до боли жгучий,
 Бессильный сон раба.

Но ты вкуси волшебство бед вседневных
 И сон другой — проклятый сон веков.
 В горниле старостей душевных
 Цветет восторг богов.

17 ноября 1901

Я ли пишу, или ты из могилы
 Выслала юность свою, —
 Прежними розами призрак мне милый
 Я, как тогда, обовью.

Если умру — перелетные птицы
 Призрак развеют, шутя.
 Скажешь и ты, разбирая страницы:
 «Божье то было дитя».

21 ноября 1901

Жду я холодного дня,
 Сумерек серых я жду.
 Замерло сердце, звеня:
 Ты говорила: «Приду, —

Жди на распутьи — вдали
 Людных и ярких дорог,
 Чтобы с величием земли
 Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру,
 Как твое сердце, звеня,
 Двери тебе отопру
 В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

Ты страстно ждешь. Тебя зовут, —
 Но голоса мне не знакомы,
 Очаг остыл, — тебе приют —
 Родная степь Лишь в ней ты — дома.

Там — вечереющая даль,
 Туманы, призраки, виденья,
 Мне — беспокойство и печаль,
 Гебе — покой и примиренье.

О, жалок я перед тобой!
 Всё обнимаю, всем владею,
 Хочу владеть тобой одной,
 Но не могу и не умею!

22 ноября 1901 (Февраль 1914)

Будет день и свершится великое,
 Чую в будущем подвиг души.

Ты — другая, немая, безлика,
Притаилась, колдуешь в тиши.

Но, во что обратишься — не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,

А уж Там веселятся победою
Над единой и страшной душой.

23 ноября 1901

281

Я долго ждал — ты вышла поздно,
Но в ожидании ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор, и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень,
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, — и сердце занялось.

Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

282

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.

Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

283. ВОРОЖБА

Я могуч и велик ворожною,
Но тебя уследить — не могу.
Полечу ли в эфир за тобою —
Ты цветешь на земном берегу.
Опускаюсь в цветущие степи —
Ты уходишь в вечерний закат,
И меня оковавшие цепи
На земле одиноко бренчат.

Но моя ворожба не напрасна:
Пусть печально и страшно «вчера»,
Но сегодня — и тайно и страстно
Заалело полнеба с утра.
Я провижу у дальнего края
Разгоревшейся тучи — тебя.
Ты глядишь, улыбаясь и зная,
Ты придешь, трепеща и любя.

5 декабря 1901 (Декабрь 1915)

284

Недосказанной речи тревогу
Хороню до свиданья в ночи.
Окна терема — все на дорогу,
Вижу слабое пламя свечи.

Ждать ли поздней условленной встречи?
Знаю — юная сердцем в пути, —
Ароматом неведомой встречи
Сердце хочет дрожать и цвести.

В эту ночь благовонные росы,
Словно влажные страсти слова,
Тяжко лягут на мягкие косы —
Утром будет гореть голова...

Но нескáзанной речи тревогу
До свиданья в ночи — не уйму.
Слабый пламень глядит на дорогу,
Яркий пламень дрожит в терему.

6 декабря 1901

285

Тёмно в комнатах и душно —
Выйди ночью — ночью звездной,
Полюбуйся равнодушно,
Как сердца горят над бездной.

Их костры далеко зримы,
Озаряя мрак окрестный.
Их мечты неутолимы,
Непомерны, неизвестны...

О, зачем в ночном сиянии
Не взлетят они над бездной,
Никогда своих желаний
Не сольют в стране надзвездной?

11 декабря 1901

286

Все двери заперты, и отданы ключи
Тюремщиком твоей безжалостной царнице
Петербург

Мне битва сердце веселит,
Я чую свежесть ратной неги,
Но жаром вражеских ланит
Повержен в запоздалом беге.

А всё милее новый плен.
Смотрю я в сумрак непробудный,
Но в долгий холод здешних стен
Порою страж нисходит чудный.

Он окрылит и унесет,
И озарит, и отуманит,

И сладко речь его течет,
Но каждым звуком — сердце ранит

В нем — тайна юности лежит,
И медленным и сладким ядом
Он тихо узника поит,
Заворожив бездонным взглядом.

15 декабря 1901

237

Неотвязный стоит на дороге,
Белый — смотрит в морозную ночь.
Я — навстречу в глубокой тревоге,
Он, шатаясь, сторонится прочь.

Не осилить морозного чуда...
Рядом с ним вырастает вдали,
Там, где камней вздымается груда,
Голубая царица земли.

И царица — в мольбе и тревоге,
Обрученная с холодом зим...
Он — без жизни стоит на дороге,
Я — навстречу, бессмертьем томим.

Но напрасны бессмертные силы —
И царице свободы не жаль...
Торжествуя победу могилы,
Белый — смотрит в морозную даль.

16 декабря 1901

288

Смотри приветно и легко
В глаза суровые разврата:
В них — бесконечно далеко —
Горит душа и ждет возврата
В жилище прежних благ и бед,
В миры молитвенных созвучий,
Где всем таинственный ответ
Дает Безвестный и Могучий,

Кому покорны мы, жрецы,
И те, кто проще, суеверней:
Те — бедняки — из наших терний
Себе плетушие венцы.

16 декабря 1901 (1918?)

289

Молчи, как встарь, скрывая свет, —
Я ранних тайн не жду.
На мой вопрос — один ответ:
Ищи свою звезду.

Не жду я ранних тайн, поверь,
Они не мне взойдут.
Передо мной закрыта дверь
В таинственный приют.

Передо мной — суровый жар
Душевных слез и бед,
И на душе моей пожар —
Один, один ответ.

Молчи, как встарь, — я услежу
Восход моей звезды,
Но сердцу, сердцу укажу
Я поздних тайн следы.

Но первых тайн твоей весны
Другим приснится свет.
Сольются наши две волны
В горниле поздних бед.

18 декабря 1901

290

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду — внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,

Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла,
За ладьей — огневые струи —
Беспокойные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.
В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню — отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

291

Сумрак дня несет печаль.
Тусклых улиц очерк сонный,
Город, смутно озаренный,
Смотрит в розовую даль.

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют ангелы вдали.

Близок пламенный рассвет,
Мертвецу заглянет в очи
Утро после долгой ночи...
Но бежит мелькнувший свет,

И испуганные лики
Скрыли ангелы в крылах:
Видят — мертвый и безликий
Вырастает в их лучах.

24 декабря 1901

292. ПРИ ПОСЫЛКЕ РОЗ

Смотрел отвеча бог лукавый
На эти душные цветы.
Их вековечною отравой
Дыши и упивайся ты.

С их страстной, с их истомной ленью
В младые сумерки твои
И пламенной и лстивой тенью
Войдут мечтания мои.

Неотвратимы и могучи,
И без свиданий, и без встреч,
Они тебя из душевной тучи
Живою молнией будут жечь.

24 декабря 1901 (Декабрь 1915)

293

Старый год уносит сны
Безмятежного расцвета.
На заре другой весны
Нет желанного ответа.

Новый год пришел в ночи
И раскинул покрывало.
Чьи-то крадутся лучи,
Что-то в сердце зазвучало.

Старый год уходит прочь.
Я невнятною мольбою,
Злая дева, за тобою
Вышлю северную ночь

Отуманю страстью сны
Безмятежного расцвета,
Первый день твоей весны
Будет пламенное лето...

25 декабря 1901

Ты совершил над нею подвиг трудный,
 Но, бедный друг! о, различил ли ты
 Ее наряд, и праздничный и чудный,
 И странные весенние цветы?..

Я ждал тебя. А тень твоя мелькала
 Вдали, в полях, где проходил и я,
 Где и она когда-то отдыхала,
 Где ты вздыхал о тайнах бытия...

И знал ли ты, что я восторжествую?
 Исчезнешь ты, свершив, но не любя?
 Что я мечту безумно-молодую
 Найду в цветах кровавых без тебя?

Мне ни тебя, ни дел твоих не надо,
 Ты мне смешон, ты жалок мне, старик!
 Твой подвиг — мой, — и мне твоя награда
 Безумный смех и сумасшедший крик!

27 декабря 1901

Черты знакомых лиц,
 Знакомые огни
 Уходят от меня.
 Мне памятны одни
 Те, бедные мои,
 Задумчивые дни,
 Когда ты, притаясь,
 Ждала меня в тени,
 И путь бежал, вясь,
 И были мы одни...

Таков он был тогда —
 Мой сумрачный рассвет,
 Начало всех блаженств,
 Всех небывалых бед.
 Когда же мне блеснет
 Тот — настоящий свет?
 Когда же мне сверкнет

Тот — пламенный рассвет?
Когда ж он пропоет
Тот — радостный ответ?

28 декабря 1901 (Май 1918)

296

Мы, два старца, бредем одинокие,
Сырая простерлась мгла.
Перед нами — окна далекие,
Голубая даль светла.

Но откуда в сумрак таинственный
Смотрит, смотрит свет голубой?
Мы дрожим мечтою единственной,
О, невнятное! пред тобой.

О, откуда, откуда мгlistые
Заалели тучи, горя,
И нити бегут золотистые,
И сумрак румянит заря?..

Мы, два старца, в сумрак таинственный
Бредем, — а в окнах свет.
И дрожим мечтою единственной,
Искушенные мудростью бед.

29 декабря 1901 (1915?)

297. НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОД

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.

Скрипнет снег — сердца займутся —
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше — улица темна.
Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные — помеха,

Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полуночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...
Скрипнет снег — в морозной дали
Тихий крадущийся свет.
Чьи-то санки пробежали...
«Ваше имя?» Смех в ответ...
Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо...
И смеющийся и нежный
Закрывает мне лицо...

Лежат холодные туманы,
Бледнея, крадется луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена...

31 декабря 1901

Я шел — и вслед за мною шли
 Какие-то неистовые люди.
 Их волосы вставали под луной,
 И в ужасе, с растерзанной душой
 Зубами скрежетали, били в груди,
 И разносился скрежет их вдали.

Я шел — и вслед за мной влеклись
 Усталые, задумчивые люди.
 Они забыли ужас роковой.
 Вдыхали тихо аромат ночной
 Их впалые измученные груди,
 И руки их безжизненно сплелись.

Передо мною шел огнистый столп.
 И я считал шаги несметных толп.
 И скрежет их, и шорох их ленивый
 Я созерцал, безбрежный и счастливый.

1 января 1902

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
 Высок и внятен колокольный зов.
 Озарены церковные ступени,
 Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
 Одетый страшной святостью веков,
 И, может быть, цветок весны уронишь
 Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

4 января 1902

300

Сгущался мрак церковного порога
В дни свадеб, в дни рождений, похорон;
А там — вилась широкая дорога,
И путник шел, закатом озарен.

Там не было конца свободной дали,
Но здесь, в тени, не виделось ни зги;
И каждый раз прохожего встречали
Из сумрака ответные шаги.

Церковный свод давал размерным звоном
Всем путникам напутственный ответ,
И в глубине, над сумрачным амвоном,
Остерегающий струился свет.

И, проходя в смеющиеся дали,
Здесь путник ждал, задумчив и смущен,
Чтоб меркнул свет, чтоб звуки замирали
И дале шел, закатом озарен.

4 января 1902 (Декабрь 1911)

301

Высоко с темнотой сливается стена,
Там — светлое окно и светлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лестница темна,
И бродит по углам знакомое дрожанье.

В дверях дрожащий свет, и сумерки вокруг
И суeta и шум на улице безмерней.
Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг,
Последняя мечта моей души вечерней.

11 января 1902

Туман скрывает берег отдаленный.
 Ладья бежит — заметней и смелей.
 Кто на руле — прекрасный и влюбленный —
 Тебе поет и гладит шелк кудрей?

Смотрю я вдаль без воли и без плена,
 Мой берег пуст, но ясно вижу я —
 Поет и блещет розовая пена,
 В лучах зари бегущая ладья.

И внятен крик тоскующий и страстный,
 И даль нема, и взор еще немей.
 И на руле — влюбленный и прекрасный
 Тебе поет и гладит шелк кудрей.

12 января 1902

Там, в полусумраке собора,
 В лампадном свете образа.
 Живая ночь заглянет скоро
 В твои бессонные глаза.

В речах о мудрости небесной
 Земные чуются струи.
 Там, в сводах — сумрак неизвестный,
 Здесь — холод каменной скамьи.

Глубокий жар случайной встречи
 Дохнул с церковной высоты
 На эти дремлющие свечи,
 На образа и на цветы.

И вдохновительно молчанье,
 И скрыты помыслы твои,
 И смутно чувствуется познание
 И дрожь голубки и змеи.

14 января 1902

Из царства сна выходит безнадежность —
 Как птица серая — туман.
 В явь ото сна умчит меня безбрежность,
 Как ураган.

Здесь — все года, все боли, все тревоги,
 Как птицы черные в полях.
 Там нет предела голубой дороге —
 Один размах.

Из царства сна звящей крикну птицей,
 Орлом — в туман.
 А вы — за мной, нестройной вереницей,
 Туда — в обман!

17 января 1902

Озарен таинственной улыбкой,
 Проводил он дни земли.
 Шел на берег — и на глади зыбкой
 Льдистый призрак виделся вдали.

Открывались красные ворота
 На другом, на другом берегу.
 И там — прекрасное что-то,
 Казалось, пело в лугу.

Озарен таинственной улыбкой,
 Последние проводил он дни —
 Не в дневной надежде зыбкой,
 Не в ночной приветной тени.

17 января 1902

Но прощай, о, прощай, человеческий род!
 Ты в тумане свои переходишь моря —
 Через Красное море туман поползет,

Я покинул туман, предо мною — Заря!
Я смотрю ей в глаза, о, народ, о, народ,
Думы нет, мысли нет, только льдина плывет,
Голубая, холодная, — прочь от земли!
Озаренная солнцем смеется вдали!

17 января 1902

307

Мы преклонились у завета,
Молчаньем храма смущены.
В лучах божественного света
Улыбка вспомнилась Жены.

Единодушны и безмолвны,
В одних лучах, в одних стенах,
Постигли солнечные волны
Вверху — на темных куполах.

И с этой ветхой позолоты,
Из этой страшной глубины
На праздник мой спустился Кто-то
С улыбкой ласковой Жены.

18 января 1902 Исаакиевский собор
(Лето 1904)

308. НА МОГИЛЕ ДРУГА

Удалены от мира на кладбище,
Мы вновь с тобой, негаданный мертвец.
Ты перешел в последнее жилище,
Я всё в пыли, но вижу свой конец.

Там, в синеве, мы встретим наши зори,
Все наши сны продлятся наяву.
Я за тобой, поверь, мой милый, вскоре
За тем же сном в безбрежность уплыву

22 января 1902 1910)

Я укрыт до времени в приделе,
 Но растут великие крыла.
 Час придет — исчезнет мысль о теле,
 Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
 Так прозрачна, как твоя мечта.
 Ты услышишь сладостные речи,
 Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели, —
 Загорелся мой тяжелый щит.
 Пусть же ныне в роковом приделе,
 Одиноким, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
 Вознесу живое сердце вновь.
 Ты услышишь сладостные речи,
 Ты ответишь на мою любовь.

Час придет — в холодные мятели
 Даль весны заглянет, весела.
 Я укрыт до времени в приделе.
 Но растут всемогущие крыла.

29 января 1902 (1918)

Целый день — суета у могил.
 В синеватом кадильном дыму
 Неизвестный уныло бродил,
 Но открылся — лишь мне одному.

Не впервые встречаюсь я с ним.
 Он — безликий и странный пришлец.
 Задрожали бы все перед ним,
 Мне же — радостен бледный мертвец.

Мглистый призрак стоял предо мной
 В синеватом куреньи кадил.
 Он владеет моею душой.
 Он за мною тогда приходил.

Январь 1902 (1918)

Война горит неукротимо,
 Но ты задумайся на миг, —
 И голубое станет зримо,
 И в голубом — Печальный Лик.

Лишь загляни смиренным оком
 В непреходящую лазурь, —
 Там — в тихом, в голубом, в широком —
 Лазурный дым — не рокот бурь.

Старик-пастух стада покинет,
 Лазурный догоняя дым.
 Тяжелый щит боец отринет,
 Гонясь без устали за ним.

Вот — равные, идут на воле,
 На них — одной мечты наряд,
 Ведь там, в широком божьем поле,
 Нет ни щитов, ни битв, ни стад.

Январь 1902 (25 декабря 1914)

Вдали мигнул огонь вечерний —
 Там расступились облака.
 И вновь, как прежде, между терний
 Моя дорога нелегка.

Мы разошлись, вкусивши оба
 Предчувствий неги и земли.
 А сердце празднует до гроба
 Зарю, мигнувшую вдали.

Так мимолетно перед нами
 Перепорхнула жизнь — и жаль:
 Всё мнится — зорь вечерних пламя
 В последний раз открыло даль.

Январь 1902 (10 января 1916)

...И были при последнем издыханьи.
 Болезнь пришла и заразила всех.
 В последний раз в прерывистом дыханьи
 Боролись жизнь, любовь и смертный грех
 Он, озарен улыбкой всепознания,
 Нашел удушливый голубоватый смех.

Январь 1902

В пути — глубокий мрак, и страшны высоты
 Миндаль уже цветет, кузнечик тяжелеет,
 И каперса осыпались цветы.
 Но здешней суеты душа не сожалеет.

Свершай свои круги, о, чадо смертных чад,
 Но вечно жди суда у беспощадной двери.
 Придет урочный час — и стражи задрожат,
 И смолкнут жернова, и смолкнут пеня дочери

Январь 1902

Уходит день. В пыли дорожной
 Горят последние лучи.
 Их красный отблеск непреложно
 СлилсЯ с огнем моей свечи.

И ночь моя другой навстречу
 Плывет, медлительно ясна.
 Пусть красный отблеск не замечу, —
 Придет наверное она.

И всё, что было невозможно
 В тревоге дня иль поутру,
 Свершится здесь, в пыли дорожной,
 В лучах закатных, ввечеру.

1 февраля 1902

Сны раздумий небывалых
 Стерегут мой день.
 Вот видений запоздалых
 Пламенная тень.

Все лучи моей свободы
 Заалели *там*.
 Здесь снега и непогоды
 Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
 Буду ль верить им?
 Но Владычицей вселенной,
 Красотой неизреченной,
 Я, случайный, бедный, тленный,
 Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
 Стерегут в тиши...
 Ждать ли пламенных безумий
 Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме
 Не открыв лица,
 Встретить брачными дарами
 Вестников конца?

3 февраля 1902 (Лето 1914)

На весенний праздник света
 Я зову родную тень.
 Приходи, не жди рассвета,
 Приноси с собою день!

Новый день — не тот, что бьется
 С ветром в окна по весне!
 Пусть без умолку смеется
 Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зримые потери
С легким сердцем понесем...

3 февраля 1902

318

Ты была светла до странности
И улыбкой — не проста.
Я в лучах твоей туманности
Понял юного Христа.
Проглянул сквозь тучи прежние
Яркий отблеск неземной.
Нас колышет безмятежнее
Изумрудною волной.
Я твоей любовной ласкою
Озарен — и вижу сны.
Но, поверь, считаю сказкою
Небывалый знак весны.

8 февраля 1902 (1910)

319

Не поймут бескорбные люди
Этих масок, смехов в окне!
Ищу на распутьи безлюдий,
Веселий — не надо мне!

О, странно сладки напевы...
Они кажутся так ясны!
А здесь уже бледные девы
Уготовали путь весны.

Они знают, что мне неведомо,
Но поет теперь лишь одна...
Я за нею — горящим следом —
Всю ночь, всю ночь — у окна!

10 февраля 1902

Или устал ты до времени,
 Просишь забвенья могил,
 Сын утомленного племени,
 Чуждый воинственных сил?

Ищешь ты кротости, благи,
 Где ж молодые огни?
 Вот и задумчивой старости
 К нам придвигаются дни.

Негде укрыться от времени —
 Будет и нам череда...
 Бедный из бедного племени!
 Ты не любил никогда!

11 февраля 1902 (1918)

Для солнца возврата нет

«Снегурочка» Островского

Сны безотчетны, ярки краски,
 Я не жалею бледных звезд.
 Смотри, как солнечные ласки
 В лазури нежат строгий крест.

Так — этим ласкам близ заката
 Он отдается, как и мы,
 Затем, что *Солнцу нет возврата*
 Из надвигающейся тьмы.

Оно зайдет, и, замирая,
 Утихнем мы, погаснет крест, —
 И вновь очнемся, отступая
 В спокойный холод бледных звезд.

12 февраля 1902

Мы живем в старинной келье
 У разлива вод.
 Здесь весной кипит веселье,
 И река поет.

Но в предвестие веселий,
 В день весенних бурь
 К нам прольется в двери келий
 Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
 Долгожданных лет,
 Мы помчимся к бездорожью
 В несказанный свет.

18 февраля 1902 (1915)

Ты — божий день. Мои мечты —
 Орлы, кричащие в лазури.
 Под гневом светлой красоты
 Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
 Они летят в паденьи диком...
 Но и в паденьи — нет конца
 Хвалам, и клёкоту, и крикам!

21 февраля 1902 (1910)

И Дух и Невеста говорят прииди

Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
 Вижу зори вдали.
 Жду вселенского света
 От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
 Отшатнулось, дрожа.

Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

325

Кто-то с богом шепчется
У святой иконы.
Тайна жизни теплится,
Благовестны звоны.
Непорочность просится
В двери духа божья.
Сердце переносится
В дали бездорожья.
Здесь — смиренномудрия
Я кладу обеты.
В ризах целомудрия,
О, святая! где ты?
Испытаний силою
Истомленный — жду я
Ласковую, милую,
Вечно молодую.

27 февраля 1902

326

Мы всё простим — и не нарушим
Покоя девственниц весны,
Огонь божественный потушим,
Прогоним ласковые сны.

Нет меры нашему познанию,
Вещественный не вечен храм

Когда мы воздвигали зданье,
Его паденье снилось нам.

И каждый раз, входя под своды,
Молясь и плача, знали мы:
Здесь пронесутся непогоды,
Снега улягутся зимы.

Февраль 1902

327

Целый день передо мною,
Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Так, сливаясь с милой, дальней,
Проводил я день весенний
И вечерней светлой тени
Шел навстречу, беспечальный.

Дней блаженных сновиденье —
Шла Ты чистою стезею.
О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Февраль 1902 (1907)

328. У ДВЕРЕЙ

Я один шепчу заклатья,
Двери глухо заперты.
Смутно чуются объятья,
В голове — Твои цветы.

Неизведанные шумы
За дверями чужды мне,
И пленительные думы —
Наяву, а не во сне.

Наяву шепчу заклатья, —
Наяву со мною Ты.

Долгожданные объятья —
Не обманы, не мечты.

Февраль 1902 (1916)

329

Всю зиму мы плакали, бедные
Весна отворила двери.
Мы вышли — грустные, бледные,
На сердце — боль и потери.

И шли навстречу томлению,
Полны предчувствий нестройных.
И было нам дуновение
Весенних струй беспокойных.

В порыве ветра летучего —
Мечта иль воспоминание
Чего-то смутного, чего-то жгучего
Не этой весны дыхание.

Февраль 1902 (Январь 1916)

330

Там сумерки невнятно трепетали,
Таинственно сменяя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижали
Заполонил упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинул взоры
На этот смутно отходящий день?
Там, в глубинах, — мечты и мысли скоры,
Здесь, на земле, — как сон, и свет и тень

Но я пойму и всё мечтой объеблю,
Отброшу сны, убижу наяву,
Кто тронул здесь одну со мною землю,
За ним в вечерний сумрак уплыву.

Февраль 1902 (1912)

Мы странствовали с Ним по городам.
Из окон люди сонные смотрели.
Я шел вперед; а позади — Он Сам,
Всёпроникающий и близкий к цели.

Боялся я моих невольных сил,
Он направлял мой шаг замороженный.
Порой прохожий близко проходил
И тайно вздрагивал, смущенный...

Нас видели по черным городам,
И, сонные, доверчиво смотрели:
Я шел вперед; но позади — Он Сам,
Подобный мне. Но — близкий к цели.

Февраль 1902 (1912)

Успокоительны, и чудны,
И странной тайной повиты
Для нашей жизни многотрудной
Его великие мечты.

Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет,
И все суровые загадки
Находят дерзостный ответ —

В одном луче, туман разбившем,
В одной надежде золотой,
В горячем сердце — победившем
И хлад, и сумрак гробовой.

6 марта 1902

Гадай и жди. Среди полночи
В твоём окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.

И мимо, задувая свечи,
Как некий Дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.

15 марта 1902

334

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.

Остановясь на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжки были небеса.

И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали — зубчатые вершины
День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

16 марта 1902 (1913)

335

Ты не пленишь. Не жди меня,
Я не вернусь туда,
Откуда в утро злого дня
Ушла моя звезда.

Я для другой храню лучи
Моих великих сил.
Ты не пленишь меня в ночи.
Тебя я не любил.

Я за звездой — тебе чужой,
Я холоден с тобой.
В земле родной огонь живой
Храню я для другой.

16 марта 1902

336

Мы шли заветною тропой
Сегодня ночью в светлом сне,
Ты в покрывало голубое
Закуталась, клонясь ко мне.

И, наяву не знавший ласки,
Всегда томившийся от ран,
В неизреченной, сонной сказке
Я обнимал твой милый стан.

Как бесконечны были складки
Твоей одежды голубой...
И в сердце больше нет загадки:
Да, Ты и наяву — со мной.

22 марта 1902 (20 февраля 1915)

337

Травы спят красивые,
Полные росы.
В небе — тайно лживые
Лунные красы.

Этих трав дыхания
Нам обманный сон.
Я в твои мечтания
Страстно погружен.

Верится и чудится:
Мы — в согласном сне.
Всё, что хочешь, сбудется —
Наклонись ко мне.

Обними — и встретимся,
Спрячемся в траве,
А потом засветимся
В лунной синеве.

22 марта 1902

338

Мой вечер близок и безволен.
Чуть вечереют небеса, —
Несутся звуки с колоколен,
Крылатых слышу голоса.

Ты — ласковым и тонким жалом
Мои пытаешь глубины,
Слежу прозрением усталым
За вестью чуждой мне весны.

Меж нас — случайное волненье
Случайно сладостный обман —
Меня обрек на поклоненье,
Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдалении
Замрут печально голоса,
Когда окутанные тенью
Мои погаснут небеса.

27 марта 1902 (Лето 1904)

339

Ты — злая колдунья. Мой вечер в огне —
Багрянец и злато горят.
Ты светишься денно и ночью во мне,
Но твой презираю наряд.

Я царь еще в жизни, — твоих багрянниц
Не страшен ни звон мне, ни свет.
Воспряну в отчизне, поверженный ниц,
Исторгну последний ответ!

30 марта 1902

На темном пороге тайком
 Святые шепчу имена.
 Я знаю: мы в храме вдвоем,
 Ты думаешь: здесь ты одна...

Я слушаю вздохи твои
 В каком-то несбыточном сне...
 Слова о какой-то любви...
 И, боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
 И плачущий голос затих...
 И снова шепчу имена
 Безумно забытых святых.

Всё призрак — всё горе — всё ложь!
 Дрожу, и молюсь, и шепчу...
 О, если крылами взмахнешь,
 С тобой навсегда улечу!..

Март 1902 (1910)

Я медленно сходил с ума
 У двери той, которой жажду.
 Весенний день сменяла тьма
 И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
 И стоны заглушал угрюмо.
 Уже двоилась, шевелясь,
 Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
 Моей души, уже безумной,
 И залила мою весну
 Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
 Хладело сердце над могилой.

Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902 (Февраль 1914)

342

Я жалок в глубоком бессильи,
Но Ты всё ясней и прелестней.
Там бьются лазурные крылья,
Трепещет знакомая песня.

В порыве безумном и сладком,
В пустыне горящего гнева,
Доверюсь бездонным загадкам
Очей Твоих, Светлая Дева!

Пусть не избегну неволи,
Пусть безнадежна утрата, —
Ты здесь, в неисходной юдоли,
Безгневно взглянула когда-то!

Март 1902 (1916)

343

Испытанный, стою на грани.
Земных свершений жизни жду.
Они взметнутся в урагане,
В экстазе, в страсти и в бреду.

Испытанный, последних терний
Я жду перед вечерней мглой.
Но засветить огонь вечерний
В моей ли власти молодой?

Март 1902

344

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,

Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.

Что сожалеть в дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

Март 1902

345

Ищи разгадку ожиданий
В снегах зимы, в цветах весны,
В часы разлук, в часы свиданий
Изведай сердца глубины...

В томленьях страстного недуга,
В полях ожесточенных битв,
В тиши некошенного луга
Не забывай своих молитв.

Март 1902 (Январь 1916)

346

Кто-то вздохнул у могилы,
Пламя лампадки плывет.
Слышится голос унылый —
Старый священник идет.
Шепчет он тихие речи,
Всё имена, имена...
Тают и теплятся свечи,
И тишина, тишина...
Кто же вздохнул у могилы,
Чья облегчается грудь?
Скорбную душу помилуй,
Господи! Дай отдохнуть.

Март 1902

Кто плачет здесь? На мирные ступени
 Входят все — в открытые врата.
 Там — в глубине — Мария ждет молений,
 Обновлена рождением Христа.

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
 Войди и ты, печальная жена.
 Твой милый пал, но весть в кровавом поле,
 Весть о Любви — по-прежнему ясна.

Здесь места нет победе жалких тлений,
 Здесь всё — Любовь. В открытые врата
 Входят все. Мария ждет молений,
 Обновлена рождением Христа.

Март 1902

Ловлю дрожащие, хладающие руки;
 Бледнеют в сумраке знакомые черты!..
 Моя ты, вся моя — до завтрашней разлуки,
 Мне всё равно — со мной до утра ты.
 Последние слова, изнемогая,
 Ты шепчешь без конца, в неизреченном сне.
 И тусклая свеча, бессильно догорая,
 Нас погружает в мрак, — и ты со мной,
во мне..

Прошли года, и ты — моя, я знаю,
 Ловлю блаженный миг, смотрю в твои черты,
 И жаркие слова невнятно повторяю..
 До завтра ты — моя... со мной до утра ты..

Март 1902

У окна не ветер бродит,
 Задувается свеча.
 Кто-то близкий тихо входит,
 Встал — и льшит у плеча.

Обернусь и испугаюсь...
И смотрю вперед — в окно:
Вот, шатаюсь, извиваясь,
Потянулся на гумно...

Не туман — красивый, белый,
Непонятный, как во сне...
Он — таинственное дело
Нашептать пришел ко мне...

Март 1902

350

Ты, отчаянье жизни моей,
Без цветов предо мной и без слез!
В полусумраке дней и ночей
Безответный и страшный вопрос!

Ты, тревога рассветных минут,
Непонятный, торжественный гул,
Где невнятные звуки растут,
Где Незримый Хранитель вздохнул!

Вас лелея, зову я теперь:
Укажите мне, скоро ль рассвет?
Вот уж дрогнула темная дверь,
Набежал исчезающий свет.

1 апреля 1902 (Февраль 1914)

351

Утомленный, я терял надежды,
Подходила темная тоска.
Забелели чистые одежды,
Задрожала тихая рука.

«Ты ли здесь? Долина потонула
В безысходном, в непробудном сне..
Ты сошла, коснулась и вздохнула, —
День свободы завтра мне?» —

«Я сошла, с тобой до утра буду,
На рассвете твой покину сон,
Без следа исчезну, всё забуду, —
Ты проснешься, вновь освобожден».

1 апреля 1902

352

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шепотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блекнут ланиты у дев златокудрых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

4 апреля 1902

353

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд,
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и люблюсь, и жду
Переливчатых красок и слов
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по сердцу белая ложь...
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь.

5 апреля 1902

354

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с неизменным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятении бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

355

В сумерки девушку стройную
В рощу уводит луна.
Смотрит на рощу спокойную,
Бродит, тоскует она.

Стройного юноши пение
В сумерки слышно в лугах.
В звуках — печаль и томление,
Милая — в грустных словах.
В сумерки белый поднимется,
Рошу, луга окружит,
Милая с милым обнимется,
Песня в лугах замолчит.

10 апреля 1902 (Декабрь 1915)

356

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой довременный скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он — распутье сторожит.

Его докучливые крики —
То близко, то издалика —
И страх, и стыд, и ужас дикий,
И обнаженная тоска.

И на распутьи — пленник жалкий —
Я спотыкаюсь, я кричу...
Он манит белою русалкой,
Он теплит издали свечу...

И, весь измучен, в исступлении,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На безысходное мученье,
На безысходную любовь.

13 апреля 1902 (1908?)

357

Мы отошли и стали у кормила,
Где мимо шли сребристые струи.
И наблюдали вздутое ветрило,
И вечер дня, и линии твои.

Теряясь в мгле, ты ветром управляла,
Бесстрашная, на водной быстрине.

Ты, как заря, невнятно догорала
В его душе — и пела обо мне.

И каждый звук — короткий и протяжный —
Я измерял, блаженный, у руля.
А он смотрел, задумчивый и важный,
Как вдалеке туманилась земля...

13 апреля 1902

358

Завтра в сумерки встретимся мы.
Ты протянешь приветливо руки.
Но на памяти — с прежней зимы
Непонятно тоскливые звуки.
Ты, я знаю, запомнила дни
Заблуждений моих и тревог.
И когда мы с тобою одни
И безмолвен соседний порог,
Начинают незримо летать
Одинокие искры твои,
Начинаю тебя узнавать
Под напевами близкой любви,
И на миг ты по-прежнему — ты,
Легкой дрожью даешь вспоминать
О блаженстве протекшей зимы,
Отдаленной, но верной мечты,
Под напевом мороза и тьмы
Начинаешь дрожать и роптать,
И, как прежде, мгновенную речь
Я стараюсь во тьме подстеречь...

13 апреля 1902

359

Я тишиною очарован
Здесь — на дорожном полотне.
К тебе я мысленно прикован
В моей певучей тишине.

Там ворон каркает высоко,
И вдруг — в лазури потонул.

Из бледноватого далёка
Железный возникает гул.

Вчера твое я слышал слово,
С тобой расстался лишь вчера,
Но тишина мне шепчет снова
Не так нам встретиться пора.

Вдали от суетных селений,
Среди зеленой тишины
Обрести утраченные сны
Иных, несбыточных волнений

18 апреля 1902

На полотне Финл. жел. дороги

(Декабрь 1915)

360

Я — тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснеют сны.
Перед Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какие цели
Таишь в глубинах Роз Твоих,
Какие ангелы слетели,
Кто у преддверия затих...
В Тебе таятся в ожиданьи
Великий свет и злая тьма —
Разгадка всякого познания
И бред великого ума.

26 апреля 1902 (1915)

361

Ты — молитва лазурная,
Ты — пустынная тишь,
В это небо безбурное
Молчаливо глядишь.

Здесь — пустыня безгранная,
Я замолк, и приник,
И вдыхаю, желанная,
Твой певучий родник.

Мне и мнится и верится
В бездыханной тиши:
В этой жизни измерится
Гнев пустынной души.

27 апреля 1902 (1908)

362

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез.
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес...
Ты забудешь меня, как простила.

Апрель 1902 (Лето 1904)

363

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, — и снова тьма бродила.

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикреплён болтом
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице — при свете лампы желтом.

Там наверху окно смотрело вниз,
Завешанное неподвижной шторой,
И, словно лоб наморщенный, карниз
Гримасу придавал стене — и взоры...

Там, в сумерках, дрожал в окошках свет,
И было пенье, музыка и танцы.
А с улицы — ни слов, ни звуков нет, —
И только стекло выступали глянца.

По лестнице над сумрачным двором
Мелькала тень, и лампа чуть светила.
Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

1 мая 1902

364

Я и мир — снега, ручьи,
Солнце, песни, звезды, птицы,
Смутных мыслей вереницы —
Все подвластны, все — Твои!

Нам не страшен вечный плен,
Незаметна узость стен,
И от грани и до грани
Нам довольно содроганий,
Нам довольно перемен!

Возлюбить, возненавидеть
Мирозданья скрытый смысл,
Чёт и нечет мертвых числ, —
И вверху — Тебя увидеть!

10 мая 1902 (1918)

365

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, стараний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

13 мая 1902

366

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе
Могла исчерпать и избыть
Всё мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

28 мая 1902 (Декабрь 1911)

367

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

368

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь,
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь, тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, —
Иду, — и песни не те...

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Май 1902

369

Проходят сны и женственные тени,
В зеленый пруд смотрю я, не дыша.
Туда сойдут вечерние ступени,
Забытый сон воспризднует душа.

Безводный сон мгновенней и короче,
Мой сон продлит зеленая вода.
Настанет ночь — и влажно вскрыешь очи
И ты на дне заглохшего пруда.

Они проходят, женственные тени —
Безмирные и сладостные сны.
К ним возведу забытые ступени,
Воспраздную желаний глубины.

Май 1902
Ботанический сад

370

Поздно. В окошко закрытое
Горькая мудрость стучит.
Всё ликование забытое
Перелетело в зенит.

Поздно. Меня не обманешь ты.
Смейся же, светлая тень!
В небе купаться устанешь ты —
Вечером сменится день.

Сменится мертвенной скукою —
Краски поблекнут твои...
Мудрость моя близорукая!
Темные годы мои!

Май 1902

371

Сплетались времена, сплетались страны.
Мы из Венеции на север шли.
Мы видели дождливые туманы,
Оторвались, — и к Лидо подошли.

Но берег пуст, и даль оделась в сети
И долгого и тонкого дождя.
Мы подождем. Мы будем только дети,
В живой игре на север уходя.

Так началось времен изображение.
Игра веков! О, как ты дорога!
Бесчисленные развернулись звенья,
Летели брызги, искры, жемчуга.

Но кто прошел? кто заглянул в туманы?
Игру, мечту — кто видел издали?..
Сплетались времена, сплетались страны,
Мы, не свершив, на север отошли.

2 июня 1902

372

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брезжит бледная заря, —
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег — белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

11 июня 1902

373

Ушли в туман мечтания,
Забылись все слова.
Вся в розовом сиянии
Воскресла синева.

214

Умчались тучи грозные,
И пролились дожди.
Великое, бесслезное!..
Надейся, верь и жди.

30 июня 1902

374

Вот снова пошатнулись дали,
Бегут, синеющие, в высь.
Открыли всё, что закрывали,
И, засмеявшись, вновь слились...

Пускай же долго без просвета
Клубятся тяжело облака.
Ты неизбежна, Дева Света,
Душа — предчувствием легка.

Она займется в час вечерний,
В прохладном таинстве струи,
И скроет свой восторг безмерный
В одежды белые Твои.

Июнь 1902 (1913)

375

Хоронил я тебя, и, тоскуя,
Я растил на могиле цветы,
Но в лазури, звеня и ликуя,
Трепетала, блаженная, ты.
И к родимой земле я клонился,
И уйти за тобою хотел,
Но, когда я рыдал и молился,
Звонкий смех твой ко мне долетел.
Похоронные слезы напрасны —
Ты трепещешь, смеешься, жива!
И растут на могиле прекрасной
Не цветы — огневые слова!

Июнь 1902 (18 ноября 1925)

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожке,
Твои черты, философ и ваятель,
Изобразу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображение,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!..»

Июнь 1902

Золотокудрый ангел дня
В ночную фею обратится,
Но и она уйдет, звеня,
Как мимолетный сон приснится.

Предел наш — синяя лазурь
И лоно матери земное.
В них тишина — предвестье бурь,
И бури — вестницы покоя.

Пока ты жив, — один закон
Младенцу, мудрецу и деве.
Зачем же, смертный, ты смущен
Преступным сном о божьем гнев?

Лето 1902 (1910)

Пробивалась певучим потоком,
 Уходила в немую лазурь,
 Исчезала в просторе глубоком
 Отдаленным мечтанием бурь.
 Мы, забыты в стране одичалой,
 Жили бедные, чуждые слез,
 Трепетали, молились на скалы,
 Не видали сгорающих роз.
 Вдруг примчалась на север угрюмый,
 В небывалой предстала красе,
 Назвала себя смертною думой,
 Солнце, месяц и звезды в косе.
 Отошли облака и тревоги,
 Всё житейское — в сладостной мгле,
 Побежали святые дороги,
 Словно небо вернулось к земле.
 И на нашей земле одичалой
 Мы постигли старания роз.
 Злые думы и гордые скалы —
 Всё растаяло в пламени слез.

1 июля 1902

379. НА СМЕРТЬ ДЕДА

(1 июля 1902 г.)

Мы вместе ждали смерти или сна.
 Томительные проходили миги.
 Вдруг ветерком пахнуло от окна,
 Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шел — уже, как лунь, седой —
 Походкой бодрою, с веселыми глазами,
 Смеялся нам, и всё манил рукой,
 И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был, — и стар и млад —
 Узнали в нем того, кто перед нами,
 И, обернувшись с трепетом назад,
 Застали прах с закрытыми глазами...

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидеть веселье.
Пришел наш час — запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

2 июля 1902

380

Не бойся умереть в пути.
Не бойся ни вражды, ни дружбы.
Внимай словам церковной службы,
Чтоб грани страха перейти.

Она сама к тебе сойдет.
Уже не будешь в рабстве тленном
Манить смеющийся восход
В обличьи бедном и смиренном.

Она и ты — один закон,
Одно веленье Высшей Воли.
Ты не навеки обречен
Отчаянной и смертной боли.

5 июля 1902 (1915)

381

Имеющий невесту есть жених,
а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется,
слыша голос жениха.

От Иоанна II, 29

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моление
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

7 июля 1902

382

Говорили короткие речи,
К ночи ждали странных вестей.
Никто не вышел навстречу.
Я стоял один у дверей.

Подходили многие к дому,
Крича и плача навзрыд.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнал
Сумасшедший бред о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить.

Так стоял один — без тревоги.
Смотрел на горы вдали.
А там — на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

15 июля 1902

Сбежал с горы и замер в чаще.
 Кругом мелькают фонари...
 Как бьется сердце — злей и чаще.
 Меня проищут до зари.

Огонь болотный им неведом.
 Мои глаза — глаза совы.
 Пускай бегут за мною следом
 Среди запутанной травы.

Мое болото их затянет,
 Сомкнется мутное кольцо,
 И, опрокинувшись, заглянет
 Мой белый призрак им в лицо

21 июля 1902

Зову тебя в дыму пожара,
 В тревоге, в страсти и в пути.
 Ты — чудодейственная кара,
 К земле грозящая сойти.

Но в этом сумраке бездумном,
 В отдохновительные дни —
 Я полон мыслью о бесшумном,
 И сердце прячется в тени.

О, пробуди на подвиг ратный,
 Тревогой бранной напои!
 Восторг живой и благодатный —
 Бряцанья звонкие твои!

В суровом дуновении брани
 Воспряну, вскрикну и пойму
 Мечты, плывущие в тумане,
 Черты, сквозящие в дыму!

26 июля 1902 (1918)

Как сон, уходит летний день,
И летний вечер только снится.
За ленью дальних деревень
Моя задумчивость таится.

Дышу и мыслю и терплю.
Кровавый запад так чудесен...
Я этот час, как сон, люблю,
И силы нет страшиться песен.

Я в этот час перед тобой
Во прахе горестной душою.
Мне жутко с песней громовой
Под этой тучей грозовою.

27 июля 1902

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленую, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листьям —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

31 июля 1902

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,

Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Июль 1902

388

Инок шел и нес святые знаки.
На пути, в желтеющих полях,
Разгорелись огненные маки,
Отразились в пасмурных очах.

Он узнал, о чем душа сгорала,
Заглянул в бледнеющую высь.
Там приснилось, ветром нашептало
«Отрок, в небо поднимись.

Милый, милый, вечные надежды
Мы лелеем посреди небес...»
Он покинул темные одежды,
Загорелся, воспарил, исчез.

А за ним — росли восстаний знаки,
Красной вестью вечного огня
Разгорались дерзостные маки,
Побеждало солнце Дня.

1 августа 1902

389

За темной далью городской
Терялся белый лед.
Я подружился с темнотой,
Замедлил быстрый ход.

Ревело с черной высоты
И приносило снег.
Навстречу мне из темноты
Поднялся человек.

Лицо скрывая от меня,
Он быстро шел вперед —
Туда, где не было огня
И где кончался лед.

Он обернулся — встретил я
Один горящий глаз.
Потом сомкнулась полынья —
Его огонь погас.

Слилось морозное кольцо
В спокойный струйный бег.
Зарделось нежное лицо,
Вдохнул холодный снег.

И я не знал, когда и где
Явился и исчез —
Как опрокинулся в воде
Лазурный сон небес.

4 августа 1902

390

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною —
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

Он — мечом деревянным
Начертал письма.
Восхищенная странным,
Потуплялась Она.

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

6 августа 1902

391. БОЕЦ

Я облачился перед битвой
В доспехи черного слуги.
Вам не спасти себя молитвой,
Остервенелые враги!

Клинок мой дьяволом отточен.
Вам на погибель, вам на зло!
Залог побед за мной упрочен
Неотвратимо и светло.

Ты не спасешь себя молитвой
Дрожи, скрывайся и беги!
Я облачился перед битвой
В доспехи черного слуги.

13 августа 1902 (24 января 1916)

392

Всё, чем дышал я,
Чем ты жила,
Вчера умчал я
В пустыню зла.

Там насажу я
Мои цветы.
В гробу вздохну я —
Услышишь ты

О темной дали
Великих лет,
Когда мы знали
Вечерний свет

14 августа 1902 (1908)

Тебе, Тебе, с иного света,
 Мой Друг, мой Ангел, мой Закон!
 Прости безумного поэта,
 К тебе не возвратится он.

Я был безумен и печален,
 Я искушал свою судьбу,
 Я золотистым сном ужален
 И чаю таинства в гробу.

Ты просияла мне из ночи,
 Из бедной жизни увела,
 Ты долу опустила очи,
 Мою Ты музу приняла.

В гробу я слышу голос птичий,
 Весна близка, земля сыра.
 Мне золотой косы девичьей
 Понятна томная игра.

14 августа 1902 (1908)

Моя душа в смятении страха
 На страже смерти заждалась,
 Как молодая Андромаха
 В печальный пеплум облеклась.

Увы, не встанет Гектор новый,
 Сражен Ахиллом у стены,
 И долговечные оковы
 Жене печальной суждены.

Вот он ведет ее из брани —
 Всесокрушающий Ахилл,
 И далеко, в горящем стане,
 Сраженья затихает пыл.

15 августа 1902

Прости. Я холодность заметил
 Равно — в тревоге и в тиши.
 О, если бы хоть миг был светел
 Бесцельный май твоей души!

О, если б знала ты величье
 Неслыханное бытия!
 О, если б пало безразличье,
 Мы знали б счастье — ты и я!

Но это счастье невозможно,
 Как невозможны все мечты,
 Которые порою ложно
 Моей душе внушаешь ты.

26 августа 1902 (Февраль 1914)

Пытался сердцем отдохнуть я —
 Ужель не сбросить этих снов!
 Но кто-то ждал на перепутьи
 Моих последних, страшных слов...

Он ждет еще. Редют тени,
 Яснее, ближе сон конца.
 Он спрятав голову в колени
 И не покажет мне лица.

Но в день последний, в час бездонный,
 Нарушив всяческий закон,
 Он встанет, призрак беззаконный,
 Зеркальной гладью отражен.

И в этот час в пустые сени
 Войдет подобие лица,
 И будет в зеркале без тени
 Изображенье Пришлеца.

27 августа 1902

Золотистою долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Таает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.

29 августа 1902

Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты вспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.

Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...

Август 1902 (1915)

В чужбину по гудящей стали
Лечу, опомнившись едва,
И, веря обещаньям дали,
Твержу вчерашние слова.

Теперь я знаю: где-то в мире,
За далью каменных дорог,
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу бог.

И нам недолго любоваться
На эти, здешние пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут новые миры.

Август 1902 (Февраль 1914)

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, наполнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услышал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далёко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Но здесь, и дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...

И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

6 сентября 1902 -

401

Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
В моей душе открылись письма.
Я их таю — в селеньях, на распустьях...
И крадусь я, как тень, у лунных стен.
Меняются, темнеют, глохнут стены.
Мне сладостно от всяких перемен,
Мне каждый день рождает перемены.
О, как я жив, как бьет ключами кровь!
Я здесь родной с подземными ключами!
Мгновенья тайн! Ты, вечная любовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!
Растет, растет великая стена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях...
Я вас открыл, святые письма.
Я вас храню с улыбкой на распустьях.

6 сентября 1902 (1910)

402

Давно хожу я под окнами,
Но видел ее лишь раз.
Я в небе слежу за волокнами
И думаю: день погас.

Давно я думу печальную
Всю отдал за милый сон.
Но песню шепчу прощальную
И думаю: где же он?

Она окно занавесила —
Не смотрит ли милый глаз?
Но сердцу, сердцу не весело:
Я видел ее лишь раз.

Погасло небо осеннее
И розовый небосклон.
А я считаю мгновения
И думаю: где же сон?

7 сентября 1902

403

Смолкали и говор, и шутки,
Входили, главы обнажив.
Был воздух туманный и жуткий,
В углу раздавался призыв...

Призыв к неизвестной надежде,
За ним — тишина, тишина...
Там женщина в черной одежде
Читала, крестясь, письма.

А люди, не зная святыни,
Искали на бледном лице
Тоски об утраченном сыне,
Печали о раннем конце...

Она же, собравшись в дорогу,
Узнала, что жив ее сын,
Что где-то он тянется к богу,
Что где-то он плачет один...

И только последняя тягость
Осталась — сойти в его тьму,
Поведать великую радость,
Чтоб стало полегче ему...

11 сентября 1902 (24 мая 1918)

404

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.

230

Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,
Билось по-прежнему сердце,
Не изменялась душа.

Всё отошло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

15 сентября 1992 (1997)

405

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну — и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1992

406

Как старинной легенды слова,
Твоя тяжкая прелесть чиста.
Побелела, поблекла трава —
Всё жива еще сила листа.

Как трава, изменяя цвета,
Затаилась — а всё не мертва,
Так — сегодня и завтра не та —
Ты меняешь убор — и жива.

Но иная проснется весна,
Напряжется иная струна, —
И уйдешь Ты, умрешь, как трава,
Как старинной легенды слова.

22 сентября 1902 (Декабрь 1915)

407

Мы — чернецы, бредущие во мгле,
Куда ведет нас факел знания
И старый жрец с морщиной на челе,
Изобличающей страданья.

Молчим, точа незнаемый гранит,
Кругом — лишь каменные звуки.
Он свысока рассеянно глядит
И направляет наши руки.

Мы дрогнем. Прозвенит, упав, кирка —
Взглянуть в глаза не всякий смеет...
Лишь старый жрец — улыбкой свысока
На нас блеснет — и страх рассеет.

24 сентября 1902 (Апрель 1918)

408. ЭККЛЕСИАСТ

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдненным солнцем залитая;
Идешь — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот — кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Всё диким страхом смятено.
Стопнулись в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

409

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалика
Следил за ней, на всё готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она — и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали жолтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее серебристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

27 сентября 1902

410

Они говорили о ранней весне,
О белых, синих снегах.
А там — горела звезда в вышине,
Горели две жизни в мечтах.

И смутно помня прошедший день,
Приветствуя сонную мглу,
Они чуяли храм — и холод ступень,
И его золотую иглу.

Но сказкой веяла синяя даль, —
За сказкой — утренний свет.
И брезжило утро — и тихо печаль
Обнимала последний ответ.

И день всходил — величав и строг. —
Она заглянула в высь...
В суровой мгле холодел порог
И золото мертвых риз.

1 февраля — 28 сентября 1902 (1915)

411

Когда я вышел — были зори,
Белело утро впереди.
Я думал: забелеет вскоре
Забытое в моей груди.
О, час коварный, миг случайный!
Я сердцем слаб во тьме ночной,
И этой исповедью тайной
В слезах излился пред тобой...
И вышел в снах — и в отдалении
Пошла покинутая там,

И я поверил на мгновенье
Встающим в сумраке домам.
Смотрел на ласковые зори,
Мечтал про утро впереди
И думал: забелеет вскоре
Давно забытое в груди...

17 апреля — 28 сентября 1902

412

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятении старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искарота
Улыбку видели гонцы.

19 апреля — 28 сентября 1902 (1907 ?)

413. СТАРИК

А. С. Ф.

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то — там — нас было двое,
Но то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...

Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было, или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пусть другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

414. СЛУЧАЙНОМУ

Ты мне явился, темнокудрый,
Ты просиял мне и потух.
Всё, что сказал ты, было мудро,
Но ты бедней, чем тот пастух.

Он говорил со мной о счастье,
На незнакомом языке,
Он пел о буре, о ненасти
И помнил битвы вдалеке.

Его слова казались песней.
Восторг и бури полюбя,
Он показался мне чудесней
И увлекательней тебя.

И я, задумчиво играя
Его богатством у костра,
Сегодня томно забываю
Тебя, сиявшего вчера.

30 сентября 1902 (13 ноября 1915)

415

Стремленья сердца непомерны,
Но на вершинах — маяки.

Они испытаны и верны,
И бесконечно далеки.
Там стерегут мое паденье
Веселых ангелов четы.
Там лучезарным сновиденьем
В лазури строгой блещешь Ты.
Призвал ли я Тебя из праха,
Иль Ты Сама ко мне сошла,
Но, неизведанного страха,
Душа, вкусивши, замерла...

15 – 30 сентября 1902 (1908 ?)

416

Передо мной – моя дорога,
Хранитель вьется в высоте:
То – ангел, ропщущий на бога
В неизъяснимой чистоте.

К нему не долетают стоны,
Ему до неба – взмах крыла,
Но тайновиденья законы
Еще земля превозмогла.

Он, белокрылый, звонко бьется,
Я отразил его мятеж:
Высоко песня раздается, –
Здесь – вздохи те же, звуки те ж.

И я тянусь, подобный стеблю,
В голубоватый сумрак дня,
И тайно вздохами колеблю
Траву, обнявшую меня.

30 сентября 1902

417

Всё, что в море покоит волну,
Всколыхнет ее в бурные дни.
Я и ныне дремлю и усну –
До заката меня не мани...

О, я знаю, что солнце падет
За вершину прибрежной скалы!
Всё в единую тайну сольет
Тишина окружающей мглы!

Если знал я твои имена, —
Для меня они в ночь отошли...
Я с Тобой, золотая жена,
Облеченная в сумрак земли.

Сентябрь 1902

418

Все они загораются здесь.
Там — туманы и мертвенный дым, —
Безначальная хмурая весь,
С ней роднюся я духом моим.
Но огни еще всё горячи,
Всё томлюсь в огневой полосе...
Только дума рождает ключи,
Холодеющий сон о красе...
Ах, и дума уйдет и замрет,
Будет прежняя сила кипеть,
Только милая сердцу вздохнет,
Только бросит мне зов — улететь.
Полетим в беззаконную весь,
В вышине, воздыхая, замрем...
Только ужас рождается здесь.
Там — лишь нежная память о нем.

Сентябрь 1902

419

Я ждал под окнами в тени,
Готовый гибнуть и смеяться.
Они ушли туда — одни —
Любить, мечтать и целоваться.

Рука сжимала тонкий нож.
В лохмотьях, нищий, был я жалок.

Мечтал про счастье и про ложь,
Про белых, девственных русалок.

И, дрогнув, пробежала тень,
Спешил рассеянный прохожий.
Там смутно нарождался день,
С прошедшим схожий и несхожий.

И вот они — вдвоем — одни...
Он шепчет, жмет, целует руки...
И замер я в моей тени,
Раздавлен тайной серой скуки.

Сентябрь 1902

420

При жолтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.

Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...

Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...

Сентябрь 1902

421

О легендах, о сказках, о тайнах.
Был один Всепобедный Христос.
На пустынях, на думах случайных
Начертался и вихри пронес.

Мы терзались, стирались веками,
Закаляли железом сердца,
Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И пред ним распростертыя долу
Замираем на тонкой черте:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной железом мечте.

Сентябрь 1902

422

Он входил простой и скудный,
Не дыша, молчал и гас.
Неотступный, изумрудный
На него смеялся глаз.

Или тайно изумленный
На него смотрел в тиши.
Он молчал, замороженный
Сладкой близостью души.

Но всегда, считая миги,
Знал — изменится она.
На страницах тайной книги
Видел те же письма.

Странен был, простой и скудный
Молчаливый нелюдим.
И внимательный, и чудный
Тайный глаз следил за ним.

Сентябрь 1902

423

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре — в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит — пристальный — один,

Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там — в углу — под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

424

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За желто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у побережий.

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос...

10 октября 1902 (Лето 1904)

425

Ушел он, скрылся в ночи,
Никто не знает, куда.
На столе остались ключи,
В столе — указание следа.

И кто же думал тогда,
Что он не придет домой?

Стихла ночная езда —
Он был обручен с Женой.

На белом холодном снегу
Он сердце свое убил.
А думал, что с Ней в лугу
Средь белых лилий ходил.

Вот брезжит утренний свет,
Но дома его всё нет.
Невеста напрасно ждет,
Он был, но он не придет.

12 октября 1902 (1916)

426

...О легендах, о сказках, о мигах:
Я искал до скончания дней
В запыленных, зачитанных книгах
Сокровенную сказку о Ней.

Об отчаяньи муки напрасной:
Я стою у последних ворот
И не знаю — в очах у Прекрасной
Сокровенный огонь, или лед.

О последнем, о светлом, о зыбком:
Не открою, и дрогну, и жду:
Верю тихим осенним улыбкам,
Золотистому солнцу на льду.

17 октября 1902 (1907)

427 — 428. RELIGIO *

1

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

* Благочестие (лат.). — Ред.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, Хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

2

Безмолвный призрак в терему,
Я — черный раб проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронutom алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет служенья Непостижной.

18 октября 1902

429

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

430

Ты свята, но я Тебе не верю,
И давно всё знаю наперед:
Будет день, и распахнутся двери,
Вереница белая пройдет.

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц...
Буду я звать к Тебе: «Осанна!»,
Сумасшедший, распростертый ниц.

И тогда, поднявшись выше тлена,
Ты откроешь Лучезарный Лик.
И, свободный от земного плена,
Я пролью всю жизнь в последний крик.

29 октября 1902

431

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда — величавей и краше,
Без сомнений и дум приму
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

432

Блаженный, забытый в пустыне,
Ищу небывалых распятий.
Молюсь небывалой богине —
Владыке исчезнувших ратей.

Ищу тишины и безлюдий,
Питаюсь одною отравой.
Истерзанный, с язвой кровавой,
Когда-нибудь выйду к вам, люди!

Октябрь 1902 (20 февраля 1915)

433

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чужак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

434

Они живут под серой тучей.
Я им чужда и не нужна.
Они не вспомнят тех созвучий,
Которым я научена.

Я всё молчу и всё тоскую.
Слова их бледны и темны.
Я вспоминаю голубую
Лазурь родимой стороны.

Как странно им на все вопросы
Встречать молчанье и вопрос!
Но им приятно гладить косы
Моих распущенных волос.

Их удивленье не обидно,
Но в предвечерние часы
Мне иногда бывает стыдно
Моей распущенной косы.

Октябрь 1902

435

Мысли мои утопают в бессилии.
Душно, светло, безотрадно и весело.
Ты, прозвеневшая в странном обилии,
Душу мою торжеством занавесила.

Нет Тебе имени, Неизреченная,
Ты — моя тайна, до времени скрытая,
Солнце мое, в торжество облеченное,
Чаша блаженная и ядовитая!

Октябрь 1902

Разгораются тайные знаки
 На глухой, непробудной стене.
 Золотые и красные маки
 Надо мной тяготеют во сне.

Укрываюсь в ночные пещеры
 И не помню суровых чудес.
 На заре — голубые химеры
 Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
 Закрываю от страха глаза,
 На листах холодеющей книги —
 Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
 Черный сон тяготеет в груди.
 Мой конец предначертанный близок,
 И война, и пожар — впереди.

Октябрь 1902

Мне страшно с Тобой встречаться.
 Страшнее Тебя не встречать.
 Я стал всему удивляться,
 На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
 Не пойму — живут, или спят.
 Прильнув к церковной ступени,
 Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
 Но я не помню имен.
 В ушах раздаются звуки
 Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
 Покрыло и самый храм.
 Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
 Тебя здесь нет. Ты — там.

5 ноября 1902

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись...»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

439. 7-8 НОЯБРЯ 1902 ГОДА

Осанна! Тыходишь в терем!
Ты — Голос, Ты — Слава Царицы!
Поем, вопием и верим,
Но нас гнетут багряницы!
Мы слепы от слез кровавых,
Оглушенные криками тлений.

.
Но ты в небывалых славах
Принесла нам вздохи курений!

8 ноября 1902 (Апрель 1918)

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, — хранил огонь лампад.

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил.

И в Оный День — один участник Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902

441. СФИНКС

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Задрожали слова оскорбленных богинь
И готовы слететь с языка...

Преломилась излучиной гневная бровь,
Зарываются когти в песке...
Я услышу забытое слово *Любовь*
На забытом, живом языке...

Но готовые врыться в сыпучий песок
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной — только тайный намек —
Нераскрытой мечты торжество.

8 ноября 1902 (Апрель 1918)

442

Загляжусь ли я в ночь на метелицу,
Загорюсь — и погаснуть невмочь.
Что в очах Твоих, красная девица,
Нашептала мне синяя ночь.

Нашепталась мне сказка косматая,
Нагадал заколдованный луг
Про тебя сновиденья крылатые,
Про тебя, неугаданный друг.

Я завьюсь снеговой паутиною,
Поцелуй, что долгие сны.

Чую сердце твое лебединое,
Слышу жаркое сердце весны.

Нагадала Большая Медведица,
Да колдунья, морозная дочь,
Что в очах твоих, красная девица,
На челе твоём, синяя ночь.

12 ноября 1902

443

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

444

Ушел я в белую страну,
Минуя берег возмущенный.
Теперь их голос отдаленный
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

Им нет числа. В своих гробах
Они замкнулись неприступно.
Я знаю: больше чем преступно
Будить сомненье в их сердцах.

Я кинул их на берегу.
Они ужасней опьяненных.
И в глубинах невозмущенных
Мой белый светоч берегу.

16 ноября 1902 (1907)

445

Несбыточное грезится опять.
Фет

Еще бледные зори на небе,
Далеко запевае петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.
И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902 (1918)

446. ЖРЕЦ

Там — в синевах — была звезда.
Я шел на башню — ждать светила.
И в синий мрак, в огнях стыда,
На башню девушка входила.
Внизу белели города
И дол вздыхающего Нила.

И ночь текла — влажней мечты,
Вся убеленная от счастья.

Мы жгли во славу чистоты,
Во славу непорочной страсти
Костры надзвездной красоты
И целомудренные страсти.

И я, недвижно бледнолиц,
Когда заря едва бледнела,
Сносил в покровах багряниц
Ее нетронутое тело.
И древний Нил, слуга цариц,
Свершал таинственное дело.

17 ноября 1902

447

Я надел разноцветные перья,
Закалил мои крылья — и жду.
Надо мной, подо мной — недоверье,
Расплывается сумрак — я жду.

Вот сидят, погружаясь в дремоту,
Птицы, спутники прежних годов.
Всё забыли, не верят полету
И не видят, на что я готов.

Эти бедные, сонные птицы —
Не взлетят они стайей с утра,
Не заметят мерцанья денницы,
Не поймут восклицанья: «Пора!»

Но сверкнут мои белые крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученные снами бессилья,
Засыпая на долгие дни.

21 ноября 1902

448. ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное...
Он ушел печальной дорогой,
А я забыла вчерашнее —
забыла вчерашнее.

Вчера это было — давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
Я не искала плакучей ивы —
плакучей ивы.

Ах, давно ли! Со мною, со мною
Говорили — и меня целовали...
И не помню, не помню — скрою,
О чем берега шептали —
берега шептали.

Я видела в каждой былинке
Дорогое лицо его страшное...
Он ушел по той же тропинке,
Куда уходило вчерашнее —
уходило вчерашнее...

Я одна приютилась в поле,
И не стало больше печали.
Вчера это было — давно ли?
Со мной говорили, и меня целовали —
меня целовали.

23 ноября 1902 (Лето 1904)

449

Мы проснулись в полном забвении —
в полном забвении.
Не услышали ничего. Не увидели никого.
Больше не было слуха и зрения —
слуха и зрения...

Колыхались, качались прекрасные —
венчались прекрасные
Над зыбью Дня Твоего...
Мы были страстные и бесстрастные —
страстные и бесстрастные.

Увидали в дали несвязанной —
в дали нерассказанной
Пересвет Луча Твоего.
Нам было сказано. И в даль указано.
Всё было сказано. Всё рассказано.

23 ноября 1902 (1907)

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне. —
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.

Зима пройдет — в певучей вьюге
Уже звенит издалика.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

30 ноября 1902

Золотит моя страстная осень
Твои думы и кудри твои.
Ты одна меж задумчивых сосен —
И поешь о вечерней любви.

Погружаясь в раздумья лесные,
Ты училась меня целовать.
Эти ласки и песни ночные —
Только ночь — загорятся опять.

Я страстнее и дольше пробуду
В упоенных объятьях твоих
И зарей светозарному чуду
Загорюсь на вершинах лесных.

Ноябрь 1902

452. ГОЛОС

Жарки зимние туманы —
Свод небесный весь в крови.
Я иду в иные страны
Тайнодейственной любви.

Ты — во сне. Моих объятий
Не дарю тебе в ночи.
Я — царица звездных ратей,
Не тебе — мои лучи.

Ты обманут неизвестным:
За священные мечты
Невозможно бестелесным
Открывать свои черты.

Углубись еще бесстрастней
В сумрак духа своего:
Ты поймешь, что я прекрасней
Привиденья твоего.

3 декабря 1902 (1918)

453

Я буду факел мой блюсти
У входа в душный сад.
Ты будешь цвет и лист плести
Высоко вдоль оград.

Цветок — звезда в слезах росы
Сбежит ко мне с высот.
Я буду страж его красы —
Безмолвный звездочет.

Но в страстный час стена низка,
Запретный цвет любим.
По следу первого цветка
Откроешь путь другим.

Ручей цветистый потечет —
И нет числа звездам.
И я забуду строгий счет
Влекущимся цветам.

4 декабря 1902

Мы всюду. Мы нигде. Идем,
И зимний ветер нам навстречу.
В церквах и в сумерки и днем
Поет и задувает свечи.

И часто кажется — вдали,
У темных стен, у поворота,
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит Кто-то.

На ветер зимний я гляжу:
Боюсь понять и углубиться.
Бледнею. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю всё. Но мы — вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что Кто-то задувает свечи.

5 декабря 1902

Андрею Белому

Я смотрел на слепое людское строение,
Под крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услышал приближение
И думал о том, что было давно.

Занавески шевелились и падали.
Поднимались от невидимой руки.
На лестнице тени прядали.
И осторожные начинались звонки.

Еще никто не вошел на лестницу,
А уж слышали счет ступень.
И везде проснулись, кричали, поджидая
вестницу,
И седые головы наклонялись в тень.

Думали: за утром наступит день.

Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что никому не дано.

И понял, что будет темно.

5 декабря 1902

456

Любопытство напрасно глазело
Из щелей развратных притонов.
Окно наверху потемнело —
Не слышно ни вздохов, ни стонов.

Недовольные, сытые люди,
Завидуйте верхнему счастью!
Вы внизу — безвластные судьи,
Без желаний, без слез, без страсти.

Мы прошли желанья и слезы,
Наши страсти открыли тайны.
И мы с высоты, как грозы,
Опалили и вас — случайно...

13 декабря 1902 (1903)

457

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась богородице кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.
А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпала Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему — под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко —
Царевна-Невеста, что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые да красные заставки.

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

14 декабря 1902

Вот она — в налетевшей волне
Распылалась последнею мезью,
В камышах пробежала на дне
Догорающей красною везью.

Но напрасен манящий наряд;
Полюбуйся на светлые латы:
На корме неподвижно стоят
Обращенные грудью к закату.

Ты не видишь спокойных твердынь,
Нам не страшны твои непогоды.
Догорающий факел закинь
В безмятежные, синие воды.

24 декабря 1902

459

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слышал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего, —
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усилии,
Как будто поняв зловеший намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу
И звонко сказал, пронизывая мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал, —
И те, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902

Покраснели и гаснут ступени.
 Ты сказала сама: «Приду».
 У входа в сумрак молений
 Я открыл мое сердце. — Жду.

Что скажу я тебе — не знаю.
 Может быть, от счастья умру.
 Но огнем вечерним сгорая,
 Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
 Неожиданно сны сбылись.
 Ты идешь. Над храмом, над нами —
 Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902

На обряд я спешил погребальный,
 Ускоряя таинственный бег.
 Сбил с дороги не ветер печальный —
 Закрутил меня розовый снег.

Притаился я в тихой долине —
 Расступилась морозная мгла.
 Вот и церковь видна на равнине —
 Золотятся ее купола...

Никогда не устану молиться,
 Никогда не устану желать, —
 Только б к милым годам возвратиться
 И младенческий сон увидеть!

Декабрь 1902

Я искал голубую дорогу
 И кричал, оглушенный людьми,

Подходя к золотому порогу,
Затихал пред Твоими дверьми.

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Декабрь 1902

463

Мы отошли — и тяжело поднимали
Веселый флаг в ночные небеса,
Пока внизу боролись и кричали
Нестройные людские голоса.

И вот — заря последнего сознания, —
Они кричат в неслыханной борьбе,
Шатается испытанное зданье,
Но обо мне — воздушный сон в Тебе.

Декабрь 1902

464

Она ждала и билась в смертной муке.
Уже маня, как зов издалека,
Туманные протягивались руки,
И к ним влеклась неверная рука.

И вдруг дохнул весенний ветер сонный,
Задул свечу, настала тишина,
И голос важный, голос благосклонный
Запел вверху, как тонкая струна.

Декабрь 1902

465

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Раздышались цветы — и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, старая, взошла на крыльцо.

11 сентября — декабрь 1902

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
 Не звенела тяжелая дверь;
 Всё забылось — забылось давно,
 И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
 Выносили серебряный гроб...
 И старуха, за ручку держась,
 Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
 Любопытных соседей набег...
 И кругом протоптали тропы,
 Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
 Услыхал заключенный в гробу,
 Как вдали запевала метель,
 К небесам подымая трубу.

6 января 1903

Здесь ночь мертва. Слова мои дики.
 Мигает красный призрак — заря.
 Наутро ввысь пушу мои крики,
 Как белых птиц на встречу Царя.

Во сне и в яви — неразличимы
 Заря и зарево — тишь и страх...

Мои безумья — мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкий — черный монах...

Рука или ветер шевелит лоскутья?
Костлявые пальцы — обрывки трав...
Зеленые очи горят на распутии —
Там ветер треплет пустой рукав...

Закрит один, или многие лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста!..
До утра — без солнца — пушу мои крики.
Как черных птиц, на встречу Христа!

9 января 1903

468

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знание
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

469. ОТШЕДШИМ

Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду
И в этих камышах увижу всё, что мило.
Осиротел мой пруд. Но сердце не остыло.
В нем всё отражено — и возвращений жду.

Качаются и зеленеют травы.
Люблю без слов колеблемый камыш.

Всё, что ты знал, веселый и кудрявый,
Одной мечтой найдешь и возвратишь.

Дождусь ли здесь условленного знака,
Или уйду в ласкающую тень, —
Заря не перейдет, и не погаснет день.

Здесь тихо и светло. В душе не будет мрака.
Она перенесла — и смотрит сквозь листву
В иные времена — к иному торжеству.

22 января 1903

470

В посланьях к земным владыкам
Говорил я о Вечной Надежде.
Они не поверили крикам,
И я не такой, как прежде.

Никому не открою ныне
Того, что рождается в мысли.
Пусть думают — я в пустыне
Блуждаю, томлюсь и числю.

Но, боже! какие посланья
Отныне шлю я Пречистой!
Мое роковое познание
Углубилось в сумрак лучистый...

И только одна из мира
Отражается в каждом слог...
Но она — участница пира
В твоём, о, боже! — чертоге.

27 января 1903 (1918)

471

Днем за нашей стеной молчали, —
Кто-то злой измерял свою совесть.
И к вечеру мы услышали,
Как раскрылась странная повесть.

Вчера еще были объятья,
Еще там улыбалось и пело.
По крику, по шороху платья
Мы узнали свершенное дело.

Там в книге открылась страница,
И ее пропустить не смели...
А утром узнала столица
То, о чем говорили неделю...

И всё это — здесь за стеною,
Где мы так привыкли к покою!
Какой же нам-то ценою
Досталось счастье с тобою!

29 января 1903

472

Здесь память волны святой
Осталась пенным следом.
Беспечальный иду за Тобой —
Мне путь неизвестный ведом.

Когда и куда поведешь,
Не знаю, но нет сомнений,
Что погибла прежняя ложь,
И близится вихрь видений.

Когда настанет мой час,
И смолкнут любимые песни,
Здесь печально скажут: «Угас»,
Но Там прозвучит: «Воскресни!»

31 января 1903

473

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решотка окна.
У дверей шептались вассалы:
«Королева, королева больна».

И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там — в конце галлерей дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдал в ялаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый —
Незнакомец с бледным лицом.

4 февраля 1903

474

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась, наверное, ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Всё равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскаленный блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошел и запел,
И не скроешь — слышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

9 февраля 1903

475

Старуха гадала у входа
О том, что было давно.

267

И вдруг над толпой народа
Со звоном открылось окно.
Шуришала за картой карта.
Чернела темная дверь.
И люди, полны азарта,
Хотели знать — что теперь?
И никто не услышал звона —
Говорил какой-то болтун.
А там, в решотке балкона,
Шатался и пел чугун.
Там треснули темные балки,
В окне разлетелось стекло.
И вдруг на лице гадалки
Заструилось — стало светло.
Но поздно узнавшие чары,
Увидавшие страшный лик,
Задыхались в дыму пожара,
Испуская пронзительный крик.
На обломках рухнувших зданий
Извивался красный червяк.
На брошенном месте гаданий
Кто-то встал — и развеял флаг.

13 февраля 1903

476

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоеет, заалеет пыль...

Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — былъ.

18 февраля 1903

477

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстью.
Всё равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

478

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой, —
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье.
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

269

— Всё ли спокойно в народе?

— Нет. Император убит.

Кто-то о новой свободе

На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?

— Нет. Каменеют и ждут.

Кто-то велел дожидаться:

Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?

— Власти не хочет народ.

Дремлют гражданские страсти:

Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?

— Темен, и зол, и свиреп:

Инок у входа в обитель

Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам

Гонит людей, как стада...

Посохом гонит железным.

— Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

Дела свершились.

Дни сочтены.

Мы здесь молились

У сонной реки.

Там льды носились

В дни весны.

И дни забылись!

Как далеки!

Мой день свершенный

Кончил себя.

Мой дух обнаженный

Для всех поет.

Утомленный, влюбленный,
Я жду тебя,
Угрюмый, бессонный,
Холодный, как лед.

4 марта 1903

481

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смодили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

482

Никто не умирал. Никто не кончил жить.
Но в звонкой тишине блуждали и сходились.
Вот близятся, плывут... черты определились...
Внезапно отошли — и их не различить.

Они — невдалеке. Одна и та же нить
Связует *здесь* и *там*; лишь два пути открылись:
Один — безбурно ждать и юность отравить,
Другой — скорбеть о том, что пламенно молились...

271

Внимательно следи. Разбей души тайник:
Быть может, там мелькнет твое же повторенье...
Признаешь ли его, скептический двойник?

Там — в темной глубине — такое же томленье
Таких же нищих душ и безобразных тел:
Гармонии безрадостный предел.

12 марта 1903 (5 ноября 1904)

483

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнания,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

484. NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS*

Символ мой зна́ком отметить,
Счастье мое сохранить...
Только б на пути никого не встретить,
Не обидеть, не говорить...

Не заметить участливого сомнения,
Не услышать повторенную речь,
Чтоб когда-нибудь от сновидения
Свой таинственный факел зажечь!

* Не тронь моих кругов (лат.). — Ред.

Миновать не знавших сияния,
Не истратить искры огня...
Кто не знал моего содрогания,
Отойди от меня!

Дальше, дальше, слепые, странные!
Вас душит любопытство и смех!
Мои думы — веселые, слова несказанные!
Я навек — один! — Я навек — для всех!

19 марта 1903 (16 марта 1918)

485

Всё тихо на светлом лице.
И росистая полночь тиха.
С немим торжеством на лице
Открываю грани стиха.

Шепчу и звеню, как струна.
То — ночные цветы — не слова.
Их росу убелила луна
У подножья Ее торжества.

19 марта 1903 (1907)

486

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день ради бога,
Ввечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903

487

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

488

Нет, я не отходил. Я только тайны ждал
И был таинственно красив, как ожиданье.

Но Ты не приняла вечернего молчанья,
Когда я на заре Тебя лишь различал.

Ты бурно вознесла Единственную Весть,
Непобедимую Зарницу Откровений...

Ты, в сумрак отойдя, Сама не можешь счесть
Разбросанных лучей Твоих Преображений!

2 апреля 1903

(При посылке белой азалии)

Вот они — белые звуки
 Девственно-горных селений.
 Девушки бледные руки,
 Белые сказки забвений...
 Медленно шла от вечерни,
 Полная думы вчерашней...
 У колокольни вечерней
 Таяли белые башни...
 Белые башни уплыли,
 Небо горит на рассвете.
 Песню цветы разбудили —
 Песню о белом расцвете.

5 апреля 1903. Пасха

490. А. М. ДОБРОЛЮБОВ

А. М. Д. своею кровью
 Начертал он на щите.
Пушкин

Из городского тумана,
 Посохом землю чертя,
 Холодно, странно и рано
 Вышло больное дитя.
 Будто играющий в жмурки
 С Вечностью — мальчик больной,
 Странствуя, чертит фигурки
 И призывает на бой.
 Голос и дерзок и тонок,
 Замысел — детски-высок.
 Слабый и хилый ребенок
 В ручке несет стебелек.
 Стебель вселенского дела
 Гладит и кличет: «Молись!»
 Вкруг исхудалого тела
 Стебли цветов завились...
 Вот поднимаются выше —
 Скоро уйдут в небосвод...
 Голос всё тише, всё тише.
 Скоро заплачет — поймет.

10 апреля 1903

Кто заметил огненные знаки,
 Не уйдет безмолвный прочь.
 Ты светла — и в светлом зраке
 Отражаешь ночь.

Есть молчанье — тягостное горе,
 Вздохи сердца у закрытых врат.
 Но в моем молчаньи — зори
 Тают и горят.

Ты взойдешь в моей немой отчизне
 Ярче всех других светил
 И — поймешь, какие жизни
 Я в Тебе любил.

13 апреля 1903

Глухая полночь медленный кладет покров.
 Зима ревушим снегом гасит фонари.

Вчера высокий, статный, белый подходит к окну,
 И Ты зажгла лицо, мечтой распалена.

Один, я жду, я жду, я жду — Тебя, Тебя.
 У черных стен — Твой профиль, стан и смех.

И я живу, живу, живу — сомненьем о Тебе.
 Приди, приди, приди — душа истомлена.

Горящий факел к снегу, к небу вознесла
 Моя душа, — Тобой, Тобой, Тобой распалена.

Я трижды звал — и трижды подходил к окну
 Высокий, статный, белый — и смеялся мне.

Один — я жду, я жду — Тебя, Тебя, Тебя — Одну.

18 апреля 1903

У берега зеленого на малой могиле
В праздник Благовещенья пели псалом.
Белые священники с улыбкой хоронили
Маленькую девочку в платье голубом.

Все они — помощью Вышнего Веления —
В крове бога Небесного Отца расцвели
И тихонько возносили к небу курения,
Будто не с кадиланицы, а с зеленой земли.

24 апреля 1903

Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Развертывал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

496

Мой остров чудесный
Средь моря лежит.
Там, в чаще древесной,
Повесил я щит.

Пропал я в морях
На неясной черте.
Но остался мой страх
И слова на щите.

Когда моя месь
Распевает в бою,
Можешь, Дева, прочесть
Про душу мою.

Можешь Ты увидеть,
Что Тебя лишь страшусь
И, на черную рать
Нападая, молюсь!

Апрель 1903

497

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.

278

Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

498

Моя сказка никем не разгадана,
И тому, кто приблизится к ней,
Станет душно от синего ладана,
От узорных лампадных теней.

Безответное чуждым не скажется,
Я открою рекущим: аминь.
Только избранным пояс развяжется,
Окружающий чресла богинь.

Я открою ушедшим в познание,
Опаленным в горниле огня,
Кто придет на ночное Свидание
На исходе *четвертого* дня.

8 мая 1903 (1910)

499

На Вас было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глаз.
Только на груди, может быть, над распятьем,
Вздыхал иногда и шевелился газ.

У Вас был голос серебристо-утомленный.
Ваша речь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающий, может быть,
Влюбленный
В Свое Создание, замкнул Вам уста.

Кто был Он — не знаю — никогда не узнаю,
Но к Нему моя ревность, и страх мой к Нему.
Ревную к Божеству, Кому песни слагаю,
Но песни слагаю — я не знаю, Кому.

15 мая 1903 (1907?)

500

Я умер. Я пал от раны.
И друзья накрыли щитом.
Может быть, пройдут караваны.
И вожатый растопчет конем.

Так лежу три дня без движенья.
И взываю к песку: «Задуши!..»
Но тело хранит от истленья
Красноватый уголь души.

На четвертый день я восстану,
Подыму раскаленный щит,
Растравлю песком свою рану
И приду к Отшельнице в скит.

Из груди, сожженной песками,
Из плаща, в пыли и крови,
Негодую, вырвется пламя
Безначальной, живсей любви.

19 мая 1903

501

Если только она подойдет —
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосвод...
Голубая спокойная гладь.

Кто прикликал моих лебедей?
Кто над озером бродит, смеясь?
Неужели средь этих людей
Незаметно Заря занялась?

Всё равно — буду ждать, буду ждать...
Я один, я в толпе, я — как все...
Окунусь в безмятежную гладь —
И всплыву в лебединой красе.

3 июня 1903
Bad Nauheim

502

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к сединам,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти рассказы далеке —
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою
Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усилием поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

4 июня 1903
Bad Nauheim
(1906?)

Неправда, неправда, я в бурю влюблен,
Я люблю тебя, ветер, несущий листья,
И в час мой последний, в час похорон,
Я встану из гроба и буду, как ты!

Я боюсь не тебя, о, дитя, ураган!
Не тебя, мой старый ребенок, зима!
Я боюсь неожиданно колющих ран...
Так может изранить — лишь Она... лишь Сама...

Сама — и Душой непостижно кротка,
И прекрасным Лицом несравненно бела...
Но она убьет и тебя, старина, —
И никто не узнает, что буря была...

10 июня 1903
Bad Nauheim

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

10 июня 1903
Bad Nauheim

Очарованный вечер мой долог,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зеленые нивы Твои.

Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...
Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...

Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.
Всё, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.

Всё, что в сердце, смежило ресницы,
Но, едва я слышу: «Лети», —
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути...

*11 июля 1903
Bad Nauheim
(1908?)*

506

К. М. С.

Сердито волновались нивы.
Собака выла. Ветер дул.
Ее восторг самолюбивый
Я в этот вечер обманул...

Угрюмо шепчется болото.
Взошла угрюмая луна.
Там в поле бродит, плачет кто-то...
Она! Наверное — она!

Она смутила сон мой странный —
Пусть приютит ее другой:
Надутый, глупый и румяный
Паяц в одежде голубой.

*12 июля 1903
Bad Nauheim*

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених.

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме — в глубокой
тишине:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, — свершилось ввышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

16 июня 1903
Bad Nauheim

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.

Но остались песни и остались дни.
Истина осталась: мы с тобой — одни.

Всё, что миновалось, вот оно — смотри:
Бледная улыбка утренней зари.

Сердце всё открыто, как речная гладь,
Если хочешь видеть, можешь увидеть.

Июнь 1903
Bad Nauheim

509

День был нежно-серый, серый, как тоска.
Вечер стал матовый, как женская рука.

В комнатах вечерних прятали сердца,
Усталые от нежной тоски без конца.

Пожимали руки, избегали встреч,
Укрывали смехи белизною плеч.

Длинный вырез платья, платье, как змея,
В сумерках белее платья чешуя.

Над скатертью в столовой наклонились ниц,
Касаясь прическами пылающих лиц.

Стуки сердца чаще, напряженной взгляд,
В мыслях — он, глубокий, нежный, душный сад.

И молча, как по знаку, двинулись вниз.
На ступеньках шорох белых женских риз.

Молча потонули в саду без следа.
Небо тихо вспыхнуло заревом стыда.

Может быть, скатилась красная звезда.

Июнь 1903
Bad Nauheim

510. ЗАКЛИНАНИЕ

Луна взошла. На вздох родимый
Отвечу вздохом торжества,
И сердце девушки любимой
Услышит страстные слова.

Слушай! Повесила дева
Щит на высоком дубу,
Полная страстного гнева,
Слушает в далях трубу.

Юноша в белом — высоко
Стал на горе и трубит.
Вспыхнуло синее око,
Звук замирает — летит.

Полная гневной тревоги
Девушка ищет меча...
Ночью на горной дороге
Падает риза с плеча...

Звуки умолкли так близко.
Ближе! Приди! Отзовись!
Ризы упали так низко.
Юноша! ниже склонись!

Луна взошла. На вздох любимой
Отвечу вздохом торжества.
И сердце девы нелюдимою
Услышит страстные слова.

Июнь 1903
Bad Nauheim
(1917)

Пристань безмолвна. Земля близка.
Земли не видно. Ночь глубока.

Стою на серых мокрых досках.
Буря хохочет в седых кудрях.

И слышу, слышу, будто кричу:
«Поставьте в море на камне свечу!

Когда пристанет челнок жены,
Мы будем вместе с ней спасены!»

И страшно, и тяжело в мокрый песок
Бьют волны, шлют волны седой намек...

Она далёко. Ответа нет.
Проклятое море, дай мне ответ!

Далёко, там, камень! Там ставьте свечу!
И сам не знаю, я ли кричу.

22 июля 1903.

512

Я — меч, заостренный с обеих сторон.
Я правлю, архангел, Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, — господней рукой.

Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.

Поставлю на страже звенящий стих.
Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
И камень будет Ей друг и жених,
И Ей не солжет, как я не лгу.

25 июля 1903

513. ДВОЙНИК

Вот моя песня — тебе, Коломбина.
Это — угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйтесь на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя не похожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой».

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним — вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро».
Я повторяю: «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно,
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душно!»
Он повторяет: «Иди. Не пущу».

Там, где на улицу, в звонкую давку,
Взглянет и спрячется розовый лик,—
Там мы войдем в многолюдную лавку,—
Я — Арлекин, и за мною — старик.

О, если только заметят, заметят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!

Там — голубое окно Коломбины,
Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном весельи — мы два Арлекина —
Юный и старый — сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый — он тупо глумится над вами,
Юный — он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне, — розовой навечерий,
Та, что вверху, — ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте, как дети. Поймите меня.

30 июля 1903 (24 февраля 1906)

Горит мой день, будя ответы
В сердцах, принявших торжество.
Уже зловеющая комета
Смутилась заревом его.

Она бежит стыдливым бегом,
Оставив красную черту,
И гаснет над моим ночлегом
В полуразрушенном скиту.

8 августа 1903

Над этой осенью — во всем
Ты прошумела и устала.
Но я вблизи -- стою с мечом,
Спустив до времени забрало.

Души кипящий гнев смири,
Как я проклятую отвагу.
Остался красный зов зари
И верность голубому стягу.

На верном мы стоим пути,
Избегли плена не впервые.
Веди меня. Чтоб всё пройти,
Нам нужны силы неземные.

11 августа 1903

516. ВЕРБНАЯ СУББОТА

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечи, и вербы встречают зарю.

Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... — «Проснитесь, мы тут ..»
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен.

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903

517

Я был невенчан. Премудрость храня,
У Тайны ключами зловеще звенел.

Но Ты полюбила меня.
Ты — нежная жрица Лазурного Дня

Блуждая глазами, в подземных ходах
Искал — и достался мне камень в удел —
Тяжелый и черный. Впотьмах
Впился я глазами — и видеть хотел
Все жилы, все ходы и все письмена.

Но властный поток Твоих роз
Восставил меня. И на выси вознес,
Где Ты пробуждалась от зимнего сна,
Где Весна
Победила мороз.

11 сентября 1903

Я мог бы ярче просиять,
Оставив след на синей влаге.
Но в тихо-сумрачном овраге
Уже струится благодать.

И буду верен всем надеждам.
Приму друзей, когда падут.
Пусть в тихом сне к моим одеждам
Они, избитые, прильнут.

Но *эта Муза* не выносит
Мечей, пронзающих врага.
Она косою мирной косит
Головку сонного цветка.

15 сентября 1903

519. ОТВЕТ

С. М. Соловьеву

Сквозь тонкий пар сомнения
Смотрю в голубоватый сон.
В твоих словах — веления
И заповедь святых времен.
Когда померкнут звонкие
Раздумья трехвенечных снов,
Совьются нити тонкие
Немеркнущих осенних слов.
Твои слова — любимый клик,
Спокойный зов к осенним дням,
Я их люблю — и я привык
Внимать и верить глубинам.
Но сам — задумчивей, чем был,
Пою и сдерживаю речь.
Мой лебедь здесь, мой друг приплыл
Мою задумчивость беречь.

19 сентября 1903 (1908 ?)

Мой месяц в царственном зените.
 Ночной свободой захлебнусь
 И там — в серебряные нити
 В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволю
 И только будущей Заре —
 Киваю синему раздолью,
 Нырять в темном серебре!..

На площадях столицы душной
 Слепые люди говорят:
 «Что над землею? Шар воздушный.
 Что под луной? Аэростат».

А я — серебряной пустыней
 Несусь в пылающем бреду.
 И в складки ризы темно-синей
 Укрыл Любимую Звезду.

1 октября 1903 .

Возвратилась в полночь. До утра
 Подходила к синим окнам зала.
 Где была? — Ушла и не сказала.
 Неужели мне пора?

Беспокойно я брожу по зале...
 В этих окнах есть намеки.
 Эти двери мне всю ночь бросали
 Скрипы, тени, может быть, упрек?..

Завтра я уйду к себе в ту пору,
 Как она придет ко мне рыдать.
 Опущу белеющую штору,
 Занавешу пологом кровать.

Лягу, робкий, улыбаясь мигу,
И один, вкусив последний хлеб,
Загляжусь в таинственную книгу
Совершившихся судеб.

9 октября 1903

522

Андрею Белому

Я бежал и спотыкался,
Обливался кровью, бился
Об утесы, поднимался,
На бегу опять молился.
И внезапно повеяло холодом.
Впереди покраснела заря.
Кто-то звонким, вызывающим молотом
Воздвигал столпы алтаря.
На черте горизонта пугающей,
Где скончалась внезапно земля,
Мне почудился ты — умирающий,
Истекающий кровью, как я.
 Неужели и ты отступаешь?
 Неужели я стал одинок?
 Или ты, испытую, мигаешь,
 Будто в поле кровавый платок?
О, я увидел его, несчастный,
Увидел красный платок полей...
Заря ли кинула клич свой красный?
Во мне ли грянула мысль о Ней?
 То — заря бесконечного холода,
 Что послала мне сладкий намек...
 Что рассыпала красное золото,
 Разостлала кровавый платок.
Из огня душа твоя скована
И вселенской мечте предана.
Непомерной мечтой взволнована —
Угадать Ее Имена.

18 октября 1903 (Лето 1904)

Сижу за ширмой. У меня
 Такие крохотные ножки...
 Такие ручки у меня,
 Такое темное окошко...
 Тепло и темно. Я гашу
 Свечу, которую приносят,
 Но благодарность приношу...
 Меня давно развлечься просят,
 Но эти ручки... Я влюблен
 В мою морщинистую кожу...
 Могу увидеть сладкий сон,
 Но я себя не потревожу:
 Не потревожу забытья,
 Вот этих бликов на окошке...
 И ручки скрещиваю я,
 И также скрещиваю ножки.
 Сижу за ширмой. Здесь тепло.
 Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
 Глаза бездонны, как стекло.
 На ручке сморщенной — колечки.

18 октября 1903

...И снова подхожу к окну,
 Влюблен в мерцающую сагу.
 Недолго слушать тишину:
 Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушел от дня,
 И сон гоню, чтоб длить молчанье..
 Днем никому не жаль меня,—
 Мне ночью жаль мое страданье...

Оно в бессонной тишине
 Мне льет торжественные муки.
 И кто-то милый, близкий мне
 Сжимает жалобные руки...

26 октября 1903

Когда я уйду на покой от времен,
 Уйду от хулы и похвал,
 Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
 Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
 Которое билось во мне,
 Когда подходила Ты, стройно-бела,
 Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
 То чуждая сила его.
 Холодная туча смущала мой день, —
 Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
 Исчезну за синей чертой, —
 Одну только песню, что пел я с Тобой,
 Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

Андрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
 Яркий факел, изнывая
 В дымной мгле.
 В бездне — мрак, а в небе — гул.
 Милый друг! Звезда иная
 Нам открылась на земле.

Неразлучно — будем оба
 Клятву Вечности нести.
 Поздно встретимся у гроба
 На серебряном пути.

Там — сжимающему руки
 Руку нежную сожму.
 Молчаливому от муки
 Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Оный День — знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

527

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовой.
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...
Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

528

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903 (1905)

529. РАССВЕТ

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

18 ноября 1903

Облака небывалой улады —
 Без конца их лазурная лень.
 Уходи в снеговые громады
 Розоватый приветствовать день
 Тишины снегового намека,
 Успокоенных дум не буди...
 Нежно-синие горы глубоко
 Притаились в небесной груди.
 Там до спора — сквозящая ласка,
 До войны — только нежность твоя,
 Без конца — безначальная сказка,
 Рождество голубого ручья...
 Невозможную сладость приеми,
 О, изменник! Люблю и зову
 Голубые приветствовать земли,
 Жемчужные сны наяву.

21 ноября 1903 (1906?)

Спустись в подземные ущелья,
 Земные токи разбуди,
 Спасай, спасай твое веселье,
 Спасай ребенка на груди!

Уж поздно. На песке ложбины
 Лежит, убита горем, мать.
 Холодный ветер будет в спину
 Тебе, бегущему, хлестать!

Но ты беги, спасай ребенка,
 Прижав к себе, укутав в плащ,
 И равномерным бегом звонко
 Буди, буди нагорный хрящ!

Успеешь добежать до срока,
 Покинув горестную мать,
 И на скале, от всех далекой,
 Ему — ребенку — имя дать!

21 ноября 1903

М. А. Олениной д'Альгейм

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка, над постелькой склоненная...
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали — три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитятко, преставился...
Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился».

23 ноября 1903

533. ФАБРИКА

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.

И в жолтых окнах засмеются,
Что этих книжках провели.

24 ноября 1903

534. ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПОРА

И. Д. Менделееву

Ты кормчий — сам, учитель — сам.
Твой путь суров. Что толку в этом?
А я служу Ее зарям,
Моим звездащимся обетам.
Я изменений сон люблю,
Открытый ветру в час блужданий.
Изменник сам — не истреблю
Моих задумчивых гаданий.
Ты также грезишь над рулем,
Но ветх твой челн, старо кормило,
А мы в урочный час придем —
И упадет твое ветрило.
Скажи, когда в лазури вдруг
Заплещут ангелы крылами,
Кто первый выпустит из рук
Свое трепещущее знамя?

2 декабря 1903 (1910)

535

Что с тобой — не знаю и не скрою —
Ты больна прозрачной белизной.
Милый друг, узнаешь, что с тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, в подушках лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рук.
И тогда сойдет к тебе на ложе
Непрерывный, заунывный звук.

Тень лампадки вздрогнет и встревожит,
Кто-то, отделившись от стены,

Подойдет — и медленно положит
Нежный саван снежной белизны.

5 декабря 1903 (1915)

536

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка — птица, чайка — дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903 (1910)

537

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.
Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда взывало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там — бессмертною волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

11 декабря 1903 (Лето 1904)

538

Е. П. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанию
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

В роще косматый беззвучно дрожит
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

539

Среди гостей ходил я в черном фраке
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:

302

Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом — очнусь у двери с ручкой медной.
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

8 декабря 1903

540. ИЗ ГАЗЕТ

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звенящая дверь хлопнула вниз.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1993

541. СТАТУЯ

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье неслошь.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

28 декабря 1993

542

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя, как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядком,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

543

Протянуты поздние нити минут,
Их все сосчитают и нам отдадут.
«Мы знаем, мы знаем начертанный круг» —
Ты так говорила, мой Ангел, мой Друг.
Судьбой назвала и сказала: «Смотри,
Вот только: от той до последней зари.
Пусть ходит, тревожит, колеблет ночник,
Твой бледный, твой серый, твой жалкий двойник
Все нити в Одной Отдаленной Руке,
Все воды в одном голубом роднике,
И ты не поднимешь ни края завес,
Скрывающих ужас последних небес».
Я знаю, я помню, ты так мне велишь,
Но ты и сама эти ночи не спишь,
И вместе дрожим мы с тобой по ночам,
И слушаем сказки, и верим часам...
Мы знаем, мы знаем, подруга, поверь:
Отворится поздняя, древняя дверь,
И Ангел Высокий отворит гробы,
И больше не будет соблазна судьбы.

28 декабря 1903 (1907?)

Я кую мой меч у порога.
 Я опять бесконечно люблю.
 Предо мною вьется дорога.
 Кто пройдет — того я убью.

Только ты не пройди, мой Глашатай.
 Ты вчера промелькнул на горе.
 Я боюсь не Тебя, а заката.
 Я — слепец на вечерней заре.

Будь Ты ангел — Тебя не узнаю
 И смертельной сталью убью:
 Я сегодня наверное чаю
 Воскресения мертвых в раю.

28 декабря 1903 (1907)

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
 Черная нить под снегами гудёт.

Чудо ползет под моими санями,
 Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжело и трудно,
 Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно...
 Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

Отдых напрасен. Дорога крута.
 Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
 Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к Тебе.

Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903 (Июль 1904?)

Л. Семёнову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вокруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

548. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди утарной тьмы.

Утро копошилось. Безднадежно догорели свечи,
Оплывший огарок маячил в оплывших глазах.

За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор
В волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Вербя, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег.
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница — от ложа пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь

Высоко — над домами — в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полуночных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904 (1915)

549. ПЕТР

Евг. Паанову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских —
струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

550. ПОЕДИНОК

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.

Вечерница льнет к деннице,
Несказанней вечера.

И зарей — очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном шлеме голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый — черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздолбный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,

Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.

Солнце небо опояшет,
Вот и вечер — весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.

На балконе, где алеют
Мхи старинных балюстрад,
Деды дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.

Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж,

Протянув больную руку,
Сладко юным погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.

И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягком стеганом халате
Перебраться на кровать...

Скажут: «Поздно, мы устали...»
Разойдутся на заре.
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.

Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...

25 февраля 1904

552. ОБМАН

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.

Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженье.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика..
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

.

Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом..

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки — трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак.

Пронеслись, — и струйки шепчут невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1964

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Всё, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды —

До Той Звезды, которой близость
Познав, — сторицей отплачу
За всё величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

Около 15 марта 1904

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Павиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к царице небесной придешь, —
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста — и вечно жена.

26 марта 1904

555-559. МОЛИТВЫ

Наш Арго!
Андрей Белый

1

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У решетки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозových надежд,
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. УТРЕННЯЯ

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высоко́ он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре.
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг.
На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. ВЕЧЕРНЯЯ

Солнце сходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суэта.
Окружающих мерно дыханье.
Впереди — огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри...
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зари.

4. НОЧНАЯ

Они Ее видят!
В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей Голос тихостью зовет, —
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод.
Мой час молитвенный недолог —
Завтра обуяет сон.
Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток

Минут, мелькнувших наяву!
Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно-розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежещет
Суровый маг моей земли!
Тебя — племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая Тень!
Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тихости одень!

5. НОЧНАЯ

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью внёмлю.
Я грущу, как заоблачный воин,
Уронивший панцырь на землю.

Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Всё снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует, — в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты — в тени под мирной оливой.

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... Спи до срока.

Март — апрель 1904

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.

И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем воина
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам..

И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Всё дышит ленивым
И белым размером
Весны.

5 мая 1904 (Декабрь 1904)

561

Ты оденешь меня в серебро,
И когда я умру,
Выйдет месяц — небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу — зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым лицом

И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубенцом..

Знаю — сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной наготе.
Но зловещий восходит угар —
К небесам, к высоте, к чистоте

14 мая 1904

562

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатые десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед —
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных плащах.
Брызжут искры и блещут кольчуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

Ставим троны иным временам —
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятенье сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: *мертвец*
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

563

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.

Были дни — над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат.

Брата брат из дальних келий
Извещал: «Хвала!»
Где-то голуби звенели,
Расплескав крыла.

С золотистых ульев пчелы
Приносили мед.
Наполнял весельем доли
Праздничный народ.

В пестрых бусах, в алых лентах
Девушки цвели...
Кто там скачет в позументах
В голубой пыли?

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых кудрей быются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый.
Блещут стремена...
На кафтан его парчовый
Пролилась весна.

Пролилась — он сгинет в тучах,
Вспыхнет за холмом.
На зеленых встанет кручах
В блеске заревом,

Где-то перьями промашет,
Крикнет: «Берегись!»
На коне селом пропляшет,
К ночи канет ввысь...

Ночью девушкам приснится,
Прилетит из туч
Конь — мгновенная зарница,
Всадник — беглый луч...

И, как луч, пройдет в прохладу
Узкого окна,
И Царевна, гостью рада,
Встанет с ложа сна...

Или, в злые дни ненастий,
Глянет в сонный пруд,
И его, дрожа от страсти,
Руки заплетут.

И потом обманут — вскинут
Руки к серебру,
Рыбим плёсом отодвинут
В струйную игру...

И душа, летя на север
Золотой пчелой,
В алый сон, в медовый клевер
Ляжет на покой...

И опять в венках и росах
Запоеет мечта,
Засверкает на откосах
Золото щита,

И поднимет щит девица,
И опять вдали
Всадник встанет, конь вздыбится
В голубой пыли...

Будут вёсны в вечной смене
И падений гнет.
Вихрь, исполненный видений, —
Голубиный лёт...

Что мгновенные бессилья?
Время — легкий дым...
Мы опять расплещем крылья,
Снова отлетим!

И опять, в безумной смене
Рассекая твердь,
Встретим новый вихрь видений,
Встретим жизнь и смерть!

22 апреля — 20 мая 1904 (1910)

564. ВЗМОРЬЕ

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк

Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднёбесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаряя таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издали мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

565

В час, когда пьянеют нарциссы,
И театр в закатном огне,
В полутень последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...

Арлекин, забывший о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Ветерок, приносящий с поля
Дуновений легкую дань?

Я, паяц, у блестящей рампы
Возникаю в открытый люк.
Это — бездна смотрит сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паук.

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутюсь и звеня..

322

Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Нежный друг с голубым туманом,
Убаюкан качелью снов.
Сиротливо приникший к ранам
Легкоперстный запах цветов.

26 мая 1904

566

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер — нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный — у входа в сени,
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,
Испуская жалобный скрип.
В дальних залах — говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок — в конце вереницы —
Я — последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли.

Раздавлив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,

Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

Около 15 июня 1904

567

Вот он — ряд гробовых ступеней.
И меж нас — никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог.

18 июня 1904

568

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулоч,
В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

569

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

28 июня 1904 (1915)

570

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг — влюблен в луну — живет ее обманом.
Вот — третий на пути. О, милый друг мой, гы ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Всё пусто — здесь и там — под зноем неустанным
Заборы — как гроба. В канавах прееет гниль.
Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер — спит
ваш близкий...»
Но старая, в чепще, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904 (Январь 1906)

571

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою — и карлик служит мне:
Согбенный карлик в платье черном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного — слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно — смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда — огромен бледным телом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

572. ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный, пылающий бич.

Вот — на груди горячих камней
Распростерта не смевшая пасть...
Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..

Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!
Опаленным, сметенным, сожженным дотла —
Хвала!

27 августа 1904 (1915)

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых.
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег исступленный дракон,
Не пылала над нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна

10 сентября 1904

В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.

Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней кассе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заемный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе — вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Черный веер распустила,
Черным шелком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти — взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

575. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спят луга, спят леса,
Пала божия роса,

В небе звездочки горят,
В речке струйки говорят,

К нам в окно луна глядит,
Малым детям спать велит:

«Спите, спите, поздний час,
Завтра брат разбудит вас

Братний в золоте кафтан,
В серебре мой сарафан,

Встречу брата и пойду,
Спрячусь в божием саду,

А под вечер брат уснет
И меня гулять пошлет.

Сладкий сон вам пошлю,
Тихой сказкой усыплю,

Сказку сонную скажу,
Как детей сторожу...

Спите, спите, спать пора.
Детям спится до утра...»

25 сентября 1904

576

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храня

На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном взгляде
Не умел никто, Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе —
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирала руки к догорающей заре.

Сентябрь 1904

577

Всё бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем концы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Всё кружится, круторогий
Месяц щурится вверху.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.
Вот — из кельи Вечной Пряжи
Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
«Всю ли ночь молились в нишах?
Всю ли ночь текли труды?» —
«Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел, Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
В ночь, когда Звезда прятала».

Сентябрь 1904

578

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.

Красный с козел прыгнул — и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

579

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказанных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высокó — в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людям предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904 (Январь 1906)

580

Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.

Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними — благодатный
Несмежающийся день.

Над ее бессмертной дремой
Нить Свершений потекла...
Это — Третий — Незнакомый
Кротко смотрит в купола.

5 ноября 1904

581

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плутами
Не было мочи поднять!

Ранными летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

582. НОЧЬ

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье дольного волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная — плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеянии,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянии —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий — половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904 (Май 1906)

583

Вот — в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы — птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синее тонкий лед.

О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

584. МОЕЙ МАТЕРИ

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, кружении —
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо, —
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет

4 декабря 1904

585

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют вёсны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хмёльном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...

Над ней синеет вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли — падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

14 декабря 1904

У полотна Финт. ж. д.

586

День поблек, изящный и невинный
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

587

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных лиц!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху — на уступе опасном, —
Тихо съежившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

588

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать..

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепутанную твердь.

Январь 1905

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,

И забвенье купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города – зимнего холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.

О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Всё тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

Январь 1905

591. БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

А. М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот – сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий – месяц наверху –
Искавил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав –
Захудалый черт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами – вдалеке –
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, –
Нежить, немочь вод.

Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

592

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот — предчувствие белой зимы.
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно проносили
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети — не белой, не черной —
Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — нежданно резко — раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой — кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный —
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком исступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упорно-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних этажах...
И нашел — и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу — в глазах открытых — сила умерла.

Умерла — и вновь в дождливой сети тонкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

594. ТВАРИ ВЕСЕННИЕ

*(Из альбома «Kindisch» * Т. Н. Гитшус)*

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалины.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в отдаленные трубы
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим..

Утро сонной тропой пустило стрелу,
Но одна — на руке, опрокинутой в высь,

* «Детское» (нем.). — Ред.

Ладонью в стволистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночью вы не радели —
Вот и всё ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком светло.

Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.

Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чертик запросится
Ко Святым Местам.

19 февраля 1905

595

Иду — и всё мимолетно.
Вечереет — и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в по́дворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей..
Не встречу ли о́боротня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно еще...
И — внезапно — тенью гадательной —
Вольная дева в огненном плаще!..

344

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмет
В змеином лóговище.

9 марта 1905

596. ПЕСЕНКА

Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон — тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе — бездумность и беспечность!
Там — вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...

Глаза горят, как две свечи.
О чем она тоскует звонко?
Пойдем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

597. ЛЕГЕНДА

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли? —
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было — две.

Но Третий за ними — за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.

Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и синее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... «Ты слышишь? — сказала —
О, как страшно, подруга... быть с тобой»

И была эта девушка в белом... в белом,
А другая — в черном... Твоя ли дочь?
И одна — дрожала слабеньким телом,
А другая — смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, господи? Сжался! О, сжался!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались.
Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,
И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток — в красной пачке
кредиток
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль —
И кругом стало душно... А в полях однозвучно
Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль

В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Соделай, чтобы твердь стала легче
Отврати твой разящий и карающий меч!

И откликнулось небо: среди пыли и давки
Появился архангел с убеленной рукой:
Всем казалось — он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был он — перепачкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.
Под дождем умолкала песня дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангел белую девушку в дом свой унес.

15 апреля 1905

598

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире.
Целовать излучённый путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

16 апреля 1905

Я вам поведал неземное.
 Я всё сковал в воздушной мгле.
 В ладье — топор. В мечте — герои
 Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
 Моей растерзанной мечты,
 Но в каждом доме, в каждом кресте
 Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
 У юношей безогнен взор.
 Назад! Во мглу! В глухие склепы!
 Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
 И вы увидите меня
 Вон там, за дымными горами,
 Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905

600. НЕВИДИМКА

Веселье в ночном кабаке.
 Над городом синяя дымка.
 Под красной зарей вдалеке
 Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
 Кольцом окружающих дома,
 Протяжно зовет и поет
 На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
 Слепые, продажные твари?
 Кто небо запачкал в крови?
 Кто вывесил красный фонарик?

И воет, как брошенный пес,
 Мяучит, как сладкая кошка,
 Пучки вечеряющих роз
 Швыряет блудницам в окошко..

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отворенной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.

16 апреля 1905

601. БОЛОТНЫЙ ПОПИК

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила вокруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.

Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере».

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звериную лапу,
И за римского папу.

Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905

602

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять на посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовом дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
«Ты, красавица, верно, ко мне
Стосковалась в своей тишине!»

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечером,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

Вот на тучах пожелтелых
Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнувшей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались в тучах пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.

Кто там встанет с мертвым глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?

28 мая 1905

604. ВОЙНА

Вот поднялась. В железных лапах
Визжит кровавой смерти весть.
В горах, в долинах, на этапах
Щетиной заметалась месть.

Не в силах мстительная гордость
Противостать тому кольцу,
Чьи равнодушие и твердость
Встречают смерть лицом к лицу.

И вот в парáх и тучах тучных,
Гремя вблизи, свистя вдали,
Она краями крыльев звучных
Пускает ко дну корабли.

Но в воплях исполинской бури,
В мечте бойца, в его крови,
Одушевательница фурий —
Она вздыхает о Любви.

28 мая 1905

605. ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге
шептал о любви на заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты,
оторваться от светлой мечты

«Подними эту розу», — шепнула — и ветер донес
Тишину улетающих лат, бездыханный ответ.
«В синем утреннем небе найдешь Купину
расцветających роз», —
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел,
и она полетела вослед.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы,
И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит
И она, окрылясь, полетела из отчей тюрьмы —
На воздушном пути королевна полет свой стремится.

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

3 июня 1905

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец всё так же весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глуби — еще покой
С такой же старухой, как лунь, седой.

И те же нити, и те же мыши,
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным — всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит всё тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как ночь,
Нежный, как отошедшая дочь...

«Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
Дай мне спокойно умереть».

3 июня 1905 (1915)

607

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот знак, что сгорел, — не умрет.
Этот куст — без истления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

Ночь 1905

608

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схема — желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голоса,
Всё о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне
знаком
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой – навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревый свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей –
Старину озаренных болот.

*Июнь 1905
Новоселки*

609

Болото – глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смежённых ресниц –
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
«Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила».
И когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые – смеются,
А у девушек – ясно видны
За плечами белые крылья.

Июнь 1905

610

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

Кто придет к тебе, будь он, как ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне,
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

611

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом — возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу — далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке всё шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над проклятым местом,
Гадает... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взвиваются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

Июль 1905

612. СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам —
Приложились к мощам — и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злчными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высоко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть...»

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевает и нам Купина...»

Июль 1905

613. У МОРЯ

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
— Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

— Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

— Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

— Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

614. БАЛАГАНЧИК

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный черт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

М а л ь ч и к

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.

Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч!»

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Поль 1905

615. ПОЭТ

Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.

— Дождик, дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

— Там весна. А ты — зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, девочка, за море.

— А за морем есть мама?

— Нет.

— А где мама?

— Умерла.

— Что это значит?

— Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

— О чем?

— О розовом капоре.

— Так у него нет мамы?

— Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.

— А эта Дама — добрая?

— Да.

— Так зачем же она не приходит?

— Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночь,
Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

616. МОЕЙ МАТЕРИ

Тихо. И будет всё тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
Лик мой, как нимбом, украшен.

Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

617

Старость мертвая бродит вокруг,
В зелениях утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали — и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол —
И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность..

Всё закатное небо — в дремё,
Удлиняются дольные тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот — мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик — звездой падучей —
До свиданья!... летит за корму...

Июль 1905

618

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,

Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.

И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

619. ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косягорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!

И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

*Июль 1905
Рогачевского шоссе*

620

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Белая рука...
Я крестом касался персти,
Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну, —

363

И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком.

Июль 1905

621

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

622

Оставь меня в моей дали.
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И закигается мечта;
И вот — над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я всё тот же — у руля,
И я пою, всё так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

623

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

624

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,

О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

625

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

«Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался, —
Верно, есть у тебя печальный друг?» —

«Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.

Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне...»

Август 1905

626

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

С легким треском рассыпался веер, —
Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

627. ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя.
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,

Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струй,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопою твоей не сгорать.

С нами, к нам — легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих знаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

*1 октября 1905
Лесной*

В голубой далекой спальне
 Твой ребенок опочил.
 Тихо вылез карлик маленький
 И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
 Воцарилась тишина.
 И в окне твоём — туманная
 Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
 Что всегда звучит, всегда...
 Нить какая-то развязана,
 Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
 Вдоль по комнатам одна.
 Опустила, вся несмелая,
 Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
 Тонкий полог подняла.
 И, как время безрассветная,
 Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спальне —
 Синий сумрак и покой,
 Оттого, что карлик маленький
 Держит маятник рукой.

4 октября 1905

629. ЭХО

К зеленому лугу, взывая, внимая,
 Иду по шуршащей листве.
 И месяц холодный стоит, не сгорая,
 Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
 Осеннее злато!
 Зову — и трикраты

Мне издали звонко
Отвечствует нимфа, отвечает Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно кружение, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повтореньи
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти и страсти —
Венчальные ветви
Осенних убранств и запястий...

Там — в синем раздольи — мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

630

Евгению Иванову

Вот Он — Христос — в цепях и розах —
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но Лик и синее небо — одно.

Единый, Светлый, немного грустный—
За Ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,

И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый знак.

10 октября 1905

631

Так. Неизменно всё, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности, — к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной, —
Мне улыбнулся тот же брег.

И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.

10 октября 1905

632. МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движения были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеямен.

И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головы.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,

А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...

И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетающий,
И радость — без конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,

И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на до́мах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

634

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном* не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

18 октября 1905

635

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,

* Статуя на кровле Зимнего дворца.

И во мраке над собором
Золотятся купола.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застилающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

636. ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНИЕ

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,

И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними — девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Что я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой милый...
Перстень-Страданье нам свяжет сердца.

Что я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать...
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страданье тебе сковать».

30 октября 1905 (1915)

637

Прискакала дикой степью
На вспенённом скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!»

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

«А, не хочешь! Ну, так с богом!»
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!

Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красотой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой.

31 октябрь 1965

638. БРЕД

Я знаю, ты близкая мне...
Больному так нужен покой...
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

Так слушай, как память остра, —
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал —
Ты слышишь? Ты веришь? Ты спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот иней мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года, —
Тому не бывать никогда!..

Я твердой стопой всхожу —
О, слушай предсмертный завет!..

В последний тебе расскажу:
Я Белую Деву бужу!

Вот спит Она в облаке мглы
На темной вершине скалы,
И звонко зывают орлы,
Свои расточая хвалы...

Как странен мой траурный бред!
То — бред обнищалой души...
Ты — свет мой, единственный свет.
Другой — в этом трауре нет.

Уютны мне черные сны.
В них память свежееет моя:
В виденьях седой старины,
Бывалой, знакомой страны...

Мы были; — но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.

4 ноября 1905 (1915)

639. СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:

Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

640

Свободны дали. Небо открыто.
Смотрите на нас, планеты,
Как наше веселое знамя развито,
Вкруг каждого лика — круг из света.

Нам должно точить такие косы,
Такие плуги,
Чтоб уронить все слезные росы,
Чтоб с кровью вскрыть земляные глубины.

Друзья! Над нами лето, взгляните —
Безоблачен день, беззакатно светел.
И солнце стоит высоко — в зените,
И утро пропел давно уже петел.

Мы все, как дети, слепнем от света,
И сердце встало в избытке счастья.
О, нет, не темница наша планета:
Она, как солнце, горит от страсти!

И Дева-Свобода в дали несказанной
Открылась всем — не одним пророкам!
Так все мы — равные дети вселенной,
Любовники Счастья...

Ноябрь-декабрь (?) 1905

641. СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки тарацит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...

Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

642

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Сонноокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве новом,
Словно — в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали — локомотива
Поступь тяжкая слышна...

Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядую камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Всё, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: «Будь весел.
За окном лежат снега».

13 января 1906
Ланская

643

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем,
Что прошло, — навсегда.
Тихо молвят люди:
«Вот еще звезда».

И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

Мы подошли — и воды синие,
 Как две расплеснутых стены.
 И вот — вдали белеет скиния,
 И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
 На дымно блещущий утес
 Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
 В венке из диких красных роз.

Так — и чудесным очарованы —
 Не избежим своей судьбы,
 И, в цепи новые закованы,
 Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

Лазурью бледной месяц плыл
 Изогнутым перстом.
 У всех, к кому я приходил,
 Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
 И за венцом волос
 Качалась мерно комнат даль,
 Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
 И страшен был их взор:
 Я знал, что судороги губ
 Открыли их позор,

Что пили ночь и забытье,
 Но день их опалил...
 Как страшно мирное жилье
 Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
 Падений тайный страх,

И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость — я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блистательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

Январь 1906

646. ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

10 февраля 1906

647. УЧИТЕЛЬ

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок.
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит, —
Верно, устал от работы:
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребят,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идет и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

10 февраля 1906

648. СНЕГ ДА СНЕГ

Снег да снег. Всю избú занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только черные, черные стены...

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюдо,

Вон и бабушка с печки сползла,
И кругом ребятишки смеются.

Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятами кошка...
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в лукошко...

Прочь от дома на снежный простор
На салазках они покатали.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза, —
Вот возьмет, вот ухватит в охапку

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

10 февраля 1906

649. ВЕТХАЯ ИЗБУШКА

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

Внукам-шалунншкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...

В снежном доме будет
Резвая игра...

Пальчики застудят, —
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна, —
Ан, уж дом растаял,
На дворе — весна!

10 февраля 1906

650. ЗАЙЧИК

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На желтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видеть...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать!

Октябрь 1903 — 10 февраля 1906

651. ИВАНОВА НОЧЬ

Мы выйдем в сад с тобою, скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травой темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнет зеленым светом, —
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся — не спугну, дитя!

Но если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена — смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

Сергию Городецкому

Сольвейг прибегает на лыжах.

Ибсен. «Пер Гюнт»

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь
радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

653

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарею алой сочетал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.

Так, — не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

654

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,

Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвещенных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных теньях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.

Март 1966

655. НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,

И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»* кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,

* «Истина в вине!» (лат.). — Ред.

Конец мифа.

Вспомогательный кезманаш

Византизм и Кезмановат
... Мана, Ст., дробна на отбелка,
... Мана на Златна мана,
... Мана мана и Трета мана
... Мана мана мана...

... И суккоа даах и олоордох,
И илбэбэ солонотой озор...
... И саваарь буах, и ырыттыт суукаах,
Иэаа и иеэиэиэаа...

... без боли, без слез,
 Она безмятежно уносите
 и уныние из...
 ... и к востановлению...

и ка въздаде, оушмешки
 Свѣтъ мѣрѣи въ
 къ дѣлѣи сѣи и рѣи,
 дѣлѣи рѣи мѣи,
 нѣи мѣи сѣи мѣи рѣи
 въ мѣи сѣи мѣи рѣи

1911

22. Кукла

Но вечером надо ресторанам

Копиринъ въздымъ Дука и мурзъ,

И правитъ окруженіи полками

Весенний и июньский Дуна

Вдани, надъ нѣмъ перелетной,

Надъ сѣхъ заповѣдъ Таръ,

Губа ровнотелая, преддверие губное

И радается Юнкерн нас.

И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906

Озёрки

656

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унижительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что́ делать мне с тобой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

Апрель 1906 (28 апреля 1911)

657

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.
Тютчев

Прошли года, но ты — всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те *баснословные года...*

Их светлый пепел — в длинной урне.
Наш светлый дух — в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

658. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклатья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколение рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

659. ДЕВЕ-РЕВОЛЮЦИИ

О, Дева, иду за тобой —
И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?

*19 августа 1906
Малиновая гора*

660. РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — уютное жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом — метанье огня,
И в каждом — печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я — царь над собой,
Со мною — да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого поллюблю.

Сентябрь 1906

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом,
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальною толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,

И тихим светом озарилось
Всё, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

663. ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь на запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...

И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

664. В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Всё, всё по-старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.

Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как záпил я!

Давно звезда в стакан мой канула, —
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по-старому, бывалому,
Да только — без меня!

Сентябрь 1906

665

Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в кружении вечном,
Вся — в шелках тугих —
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...

Ты — рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

666. СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле.
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

667

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась всё печальней
Ее сиделка — тишина.

Но счастье было безначальней,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокою меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрему, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки — тишины...

Мгновенье — в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням — встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задыхалась тишина.

И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...

И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка — тишина...

Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

668

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихою радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906 (Февраль 1907)

Ночь. Город уgomонился.
 За большим окном
 Тихо и торжественно,
 Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
 Расстроенный неудачей,
 С открытым воротом,
 И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
 Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
 Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
 Всё рассказывают звезды.

Октябрь 1906 (Февраль 1907)

Я в четырех стенах — убитый
 Земной заботой и нуждой.
 А в небе — золотом расшитый
 Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
 Мой голубой, далекий брат!
 Душа в слезах, — она довольна
 И благодарна за наряд.

Она — такой же голубою
 Могла бы стать, как в небе — ты,
 Не удрученный тяготою
 Дух глубины и высоты.

Но и в стенах — моя отрада
 Лазурию твоей гореть,

И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...

И в бледном небе — тихим дымом
Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

671. УГАР

Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы — рабы.

Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Поиграем и потешим —
Будет маленьким царем,
Царь повырастет потом...

Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает, —
Видит красный свет костра:
На костер идти пора!

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем — венец царей...

Пойте стройную стихиру:
Царь отходит почивать!
Песня носится по миру —
Будут ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать.

Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели —

Сизый стелется дымок,
Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

672. ТИШИНА ЦВЕТЕТ

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свой приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был вам намеком
И несказанным — каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

673

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнушь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву — прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну».

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906 (1915)

674

Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшёной,
И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
И семечки лущишь,

Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.

И потому — ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.

Октябрь 1906

675. ОКНА ВО ДВОР

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забывшие в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь — пройдешь..
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

Ищу огней — огней попутных
В твой черный, ведовской предел.

Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда — простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес верхушкой ели
Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Всё о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душистых зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

677. РОЖДЕСТВО

Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работали не даром,
Будет светел отдых.

Серебрится легкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей
Ясной тверди звезды.

Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!

Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локон!

Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеешься — вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.

Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

И пойдешь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звезды и хлопушки...

Сестры будут куклам рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!

7 ноября 1906

678. ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ

Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился — зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

А над болотом — проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы, —
Месяц будет вам — красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

Ноябрь 1906 (1917 или 1918)

679

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоём.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.

О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ты дремлешь, боже, на иконе,
В дыму кадильниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я — сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, как дым кадила,
Она — туманная весна.

И мы под сводом веем, веем,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деем
И Мэри светлую поем.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вкруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ноябрь 1906

680

В синем небе, в темной глубине
Над собором — тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!

Не шелками, не речами
Покорила нас она.

Удивленными очами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны.
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны,

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой — далече
В синих улицах — весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховейная весна!

Ноябрь 1906

681. БАЛАГАН

Ну, старая кляча, пойдем
ломать своего Шекспира!

Кин

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

682

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги межу.

Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

683

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибором,
С отуманенною далью —

Мы одни, с великим горем,
Седины твои закроем
Белым саваном — печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
Будет старая тоска.

И в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, —

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

684

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмурив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое блее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказать?
Но можно ли сказать?

И что ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

685. ПОЖАР

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди — скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?..
Чьи вызывают голоса?..

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906 (1917)

686

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха — сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

687

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, —

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах —
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в ключья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

688

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

420

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все — в урочный час.

Декабрь 1906 (1907)

689. НА ЧЕРДАКЕ

Что на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, выюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

690

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906 (1918)

691

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытии.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромнень дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906 (1918)

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас ramпы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот — опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твоя блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1966

ПОЭМЫ

693. НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА

(*Bad Nauheim. 1897–1903*)

1

Я видел огненные знаки
Чудес, рожденных на заре.
Я вышел — пламенные маки
Сложить на горном алтаре.
Со мною утро в дымных ризах
Кадило в голубую твердь,
И на уступах, на карнизах
Бездымно испарялась смерть.
Дремали розовые башни,
Курились росы в вышине.
Какой-то призрак — сон вчерашний —
Кривлялся в голубом окне.
Еще мерцал вечерний хаос —
Восторг, достигший торжества, —
Но всё, что в пурпур облекалось,
Шептало белые слова.
И жизнь казалась смутной тайной...
Что в утре раннем, полном сна,
Я вскрыл, мудрец необычайный,
Чья усмехнулась глубина?

2

Там, на горах, белели виллы,
Алели розы в цепком сне.
И тайна смутно нисходила
Чертой, в горах неясной мне.
О, как в горах был воздух кроток!
Из парка бешено зывал
И спорил с грохотом пролеток
Веками стиснутый хорал.
Там — к исцеляющим истокам
Увечных кресла повлеклись,
Там — в парке, на лугу широком,

Захлопал мяч и lawn-tennis;*
Там — нить железная гудела,
И поезда вверх, вниз
Вонзали пламенное тело
В расплавленную бирюзу.
И в двери, в окна пыльных зданий
Врывался крик продавца
Гвоздик и лилий, роз и тканей,
И cartes postales, и kodak'a.**

3

Я понял: шествие открыто, —
Узор явлений стал знаком.
Но было смутно, было слито,
Терялось в небе голубом.
Она сходила в час веселый
На городскую суету.
И тихо возгорались доли,
Приемля горную мечту...
И в диком треске, в зыбком гуле
День уползал, как сонный змей...
Там счастьем в очи не взглянули
Миллионы сумрачных людей.

4

Ее огнем, ее Вечерней
Один дышал я на горе,
А город грохотал безмерней
На возрастающей заре.
Я шел свободный, утоленный...
А день в померкшей синеве
Еще вздыхал, замороженный,
И росы прятались в траве.
Они сверкнут завтра снова,
И встанет Горная — средь роз,
У склона дымно-голубого,
В сиянии золотых волос...

12 мая 1904

* Лаун-теннис (англ.). — Ред.

** Cartes postales (фр.) — почтовые открытки; kodak — марка фотографических аппаратов. — Ред.

1. РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ

Окаймлен летучей пеной,
 Днем и ночью дышит мол.
 Очарованный сиреной,
 Труд наш медленный тяжел.
 Океан гудит под нами,
 В порте блещут огоньки,
 Кораблей за бурунами
 Чутко ищут маяки.
 И шатают мраки в море
 Эти тонкие лучи,
 Как испуганные зори,
 Проскользнувшие в ночи.
 Широки ночей объятья,
 Тяжки вздохи темноты!
 Все мы близки, все мы братья —
 Там, на рейде, в час мечты!
 Далеко за полночь — в дали
 Неизведанной земли —
 Мы печально провожали
 Голубые корабли.
 Были странны очертанья
 Черных труб и тонких рей,
 Были темные названья
 Нам неведомых зверей.
 «Птица Пен» ходила к югу,
 Возвратясь, давала знак:
 Через бурю, через вьюгу
 Различали красный флаг...
 Что за тайну мы хранили,
 Чьи богатства стерегли?
 Золотые ль слитки плыли
 В наши темные кули?

Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

2. ТАК БЫЛО

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —

Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

3. ПЕСНЯ МАТРОСОВ

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!
Принеvestилась
Морская глубина!
Неневестная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

4. ГОЛОС В ТУЧАХ

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,

И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — зыванье сирен!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: неожиданная Радость близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

5. КОРАБЛИ ИДУТ

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — создание волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!

И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...

Невидим для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий Рок:
«Ничей».

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, ты — мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

6. КОРАБЛИ ПРИШЛИ

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись рей,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То — земля, о, дети страсти,
Дети бурь, — она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

7. РАССВЕТ

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте удела.

Сумерки близятся. В утренней дреме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водоеме —
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далёко
Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть или жизнь тяготеет над морем,
Весть о победе — в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сиянии —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,

Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранных и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...

.

Ноябрь — 16 декабря 1904 (1918)

701. НОЧНАЯ ФИАЛКА

Сон

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото, —
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извозничьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин.

Таюке не были чужды ему
Девуцы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но всё посерело, померкло,
И зренье у спутника — таюке,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?).

Прохожих стало всё меньше.
Только толстые псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку, —
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Всё, что вижу во сне, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водою
Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрему, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари, —

Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром всё было спокойно
И торжественной встречей полно:
Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состоянии желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза, —
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой, —
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в сединах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их круту
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжко опять приступить
К исполненью сурсового долга,
К поклоненью забытым венцам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дожидаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо вглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недопитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сижу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым герцем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, к щиту прислонясь,

Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шлема,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше — беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королева,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опсола нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть может, — столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибор,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,

Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далёко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночною Фиалкой.

За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаясь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле

Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

18 ноября 1905 — 6 мая 1906

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГОРАЦИЙ

702. ВОЛЬНОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ОДЫ ГОРАЦИЯ К ЛЕВКОНОЕ

Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит?
Мы, Левконоя, богов оскорбляем страстью познания.
Пусть халдеи одни свой ум изощряют в гаданьи —
Мы же будем довольны нашим нынешним счастьем.
Дева! Узнать не стремись, когда перестанет Юпитер
Скалы у берега крошить волнами Тирренского моря.
Будь разумна, вино очищай для верного друга.
Что в напрасных сомнениях жизнь проводить молодую?
Век завистливый быстро умчится среди рассуждений,
Ты же — светлое время лови, — от мглы удаляйся.

28 января 1898 (26 января 1915)

БАЙРОН

703. ПОДРАЖАНИЕ ТИБУЛЛУ

Серинф жестокий! Ты ль неверным сердцем рад
Мученьям без числа, что грудь мою язвят?
Увы! Стремилась я лишь муку утишить,
Чтоб снова для любви и для тебя мне жить.
Но плакать над судьбой я больше не должна,
И ненависть твою излечит смерть одна.

3 ноября 1905

704. ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ

Елена

О, только б огонь этих глаз целовать, —
Я тысячи раз не устал бы желать!
Всегда погружать мои губы в их свет,
В одном поцелуе прошло бы сто лет!
Но разве душа утолится, любя?
Всё льнул бы к тебе, целовал бы тебя.
Ничто б не могло губ от губ оторвать:
Мы всё б целовались опять и опять:
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке — не стоит труда;
Могу ль изменить? — Никогда, никогда!

3 ноября 1905

705. ПОСВЯЩАЕТСЯ МЭРИОН

Что ты, Мэрион, так грустна?
Или жизнью смущена?

Гнев нахмуренных бровей
Не к лицу красе твоей.
 Не любовью ты больна,
Нет, ты сердцем холодна.
Ведь любовь — печаль в слезах,
Смех, иль ямки на щеках,
Или склон ресницы томной, —
 Ей противен холод темный.
Будь же светлой, как была,
Всем по-прежнему мила,
А в снегах твоей зимы
Холодны, бездушны мы.
 Хочешь верности покорной —
Улыбайся, хоть притворно.
Суждено ль — и в грустный час
Прятать прелесть этих глаз?
Что ни скажешь — всё напрасно;
 Их лучей игра прекрасна,
Губы... Но чиста, скромна,
Муза петь их не должна:
Она краснеет, хмурит брови,
Велит бежать твоей любви,
 Вот рассудок принесла,
Сердце вовремя спасла.
Так одно сказать могу
(Что б ни думал я — солгу):
Губы нежные таят
 Не одной насмешки яд.
Так, в советах беспристрастных
Утешений нет опасных:
Песнь моя к тебе проста,
Лесть не просится в уста;
 Я, как брат, учить обязан,
Сердцем я с другими связан;
Обману ли я тебя,
Сразу дюжину любя?
Так, прости! Прими без гнева
 Мой совет немилый, дева;
А чтоб не был мне в упрек
Мой докучливый урок,
Опишу тебе черты
Властной женской красоты:
 Как ни сладостна для нас
Алость губ, лазурность глаз,

Как бы леком завитой
Ни прельщал нас красотой,
Всё же это плен мгновенный, —
Как нас свяжет неизменно
Легкий очерк красоты?
Нет в нем строгой полноты.
Но открыть ли, что нас свяжет,
Что пахам вас чтить прикажет
Королевами всего?
Сердце, — больше ничего.

7 ноября 1905

706. ОТРЫВО

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Аннслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.
Нет прежних светлых мест,
где сердце так любило
День долгий коротать:
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблистать.

7 ноября 1905

707. ГЕОРГУ, ГРАФУ ДЕЛАВАРУ

О, да, я признаюсь, мы с вами близки были:
Связь мимолетная для детских лет — вечна:
Нам чувства братские сердца соединили,
И нам была любовь взаимная дана.

Но краткий миг сметет, что создано годами, —
Так дружбы легкая непостоянна власть;
Как Страсть, она шумит воздушными крылами,
Но гаснет в миг один, когда не гаснет Страсть.

По Иде некогда бродили мы весною,
И, помню, юных дней блаженны были сны.
Как твердь была ясна над нашей головою!
Но бури хмурых зим теперь нам суждены.

И память милая, соединясь с печалью,
Нам детство воскрешать не будет с этих пор:
Пусть гордость закалит мне сердце твердой сталью,
Что было мило мне — отныне мой позор.

Но избранных моих я, друг, не унижаю —
И вас, по-прежнему, я должен уважать, —
Нас случай разделил, но тот же случай, знаю,
Заставит вас назад обет неверный взять.

Остывшую любовь во мне не сменит злоба.
И жалобную боль я в сердце не впущу:
Спокойно мыслю я, что мы неправы оба,
И вам легко простить — как я легко прощу.

Вы знали — жизнь моя всегда горячей кровью
На первый ваш призыв откликнуться ждала:
Вы знали, что душа, впоенная любовью,
Пространства и года преодолеть могла.

Вы знали, — но к чему, напрасно вспоминая,
Разорванную цепь стараться удержать!
Вам поздно, над былым печально поникая,
О друге прежних лет томительно вздыхать.

Расстанемся, — я жду, мы вновь сойдемся вместе.
Пусть время и печаль соединят нас вновь:
Я требую от вас — одной защиты чести;
Пусть распря разрешит прошедшая любовь.

9 ноября 1905

708. ДАМЕТ

Бесправный, как дитя, и мальчик по летам,
Душою преданный убийственным страстям,
Не ведая стыда, не веря в добродетель,
Обмана бес и лжи сочувственный свидетель,
Искусный лицемер от самых ранних дней,
Изменчивый, как вихрь на вольности полей,
Обманщик скромных дев, друзей неосторожных,
От школьных лет знаток условий света
ложных, —

Дамет изведаль путь порока до конца
И прежде остальных достиг его венца:
Но страсти, до сих пор терзая сердце, властно
Велят ему вкушать подонки чаши страстной;
Пронизан похотью, он цепь за цепью рвет
И в чаще прежних нег свою погибель пьет.

9 ноября 1905

709. L'AMITIÉ EST L'AMOUR SANS AILES *

К чему скорбеть больной душою,
Что молодость ушла?
Еще дни радости за мною;
Любовь не умерла.
И в глубине былых скитаний,
Среди святых воспоминаний —
Восторг небесный я вкусил:
Несите ж, ветры золотые,
Туда, где пелось мне впервые:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

В мимолетающих лет потоке
Моим был каждый миг!
Его и в туче слез глубоких
И в свете я постиг:
И что б судьба мне ни судила, —
Душа бывшее возлюбила,
И мыслью страстной я судил;
О, дружба! чистая отрада!
Миров блаженных мне не надо:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Где тисы ветви чуть колышут,
Под ветром наклонясь, —
Душа с могилы чутко слышит
Ее простой рассказ;
Вокруг ее резвится младость,
Пока звонок, спугнувший радость,

* Дружба — это бескрылая любовь (фр.). — Ред.

Из школьных стен не прозвонил:
А я, средь этих мест печальных,
Всё узнаю в слезах прощальных;
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Перед твоими алтарями,
Любовь, я дал обет!
Я твой был — сердцем и мечтами, —
Но стерт их легкий след;
Твой, как ветер, быстры крылья,
И я, склонясь над дольней пылью,
Одну лишь ревность уловил.
Прочь! Улетай, призрак влекущий!
Ты посетишь мой час грядущий,
Быть может, лишь без этих крыл!

О, шпили дальних колоколен!
Как сладко вас встречать!
Здесь я пылать, как прежде, волен,
Здесь я — дитя опять.
Аллея вязов, холм зеленый;
Иду, восторгом упоенный, —
И венчик — каждый цвет открыл;
И вновь, как встарь, при ясной встрече,
Мой милый друг мне шепчет речи:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Мой Ликус! Слез не лей напрасных,
Верна тебе любовь;
Она лишь грезит в снах прекрасных,
Она проснется вновь.
Недолго, друг, нам быть в разлуке,
Как будет сладко жать нам руки!
Моих надежд как жарок пыл!
Когда сердца так страстно юны, —
Когда поют разлуки струны:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Я силе горьких заблуждений
Предаться не хотел.
Нет, — я далек от угнетений
И жалкого презрел.
И тем, кто в детстве был мне верен,
Как брат, душой нелицемерен, —

Сердечный жар я возвратил.
И, если жизнь не прекратится,
Тобой лишь будет сердце биться,
О, Дружба! наш союз без крыл!

Друзья! душою благородной
И жизнью — с вами я!
Мы все — в одной любви свободной —
Единая семья!
Пусть королям под маской лживой,
В одежде пестрой и красивой —
Язык медовый Лесть точил;
Мы, окруженные врагами,
Друзья, забудем ли, что с нами —
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

Пусть барды вымыслы слагают
Певучей старины;
Меня Любовь и Дружба знают,
Мне лавры не нужны;
Всё, всё, чего бежала Слава
Стезей волшебной и лукавой, —
Не мыслью — сердцем я открыл;
И пусть в душе простой и юной
Простую песнь рождают струны:
«Союз друзей — Любовь без крыл!»

13 ноября 1905

710. СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ ПОД ВЯЗОМ НА КЛАДБИЩЕ В ГАРРОУ

Места родимые! Здесь ветви вздохов полны,
С безоблачных небес струятся ветра волны:
Я мыслю, одинок, о том, как здесь бродил
По дерну свежему я с тем, кого любил,
И с теми, кто сейчас, как я, — за синей далью, —
Быть может, вспоминал прошедшее с печалью:
О, только б видеть вас, извилины холмов!
Любить безмерно вас я всё ещё готов;
Плакучий вяз! Ложась под твой шатер укромный,
Я часто размышлял в час сумеречно-скромный:
По старой памяти склоняюсь под тобой,
Но, ах! уже мечты бывалой нет со мной;

И ветви, простонав под ветром — пред
ненастьем, —
Зовут меня вздохнуть над отсиявшим счастьем,
И шепчут, мнится мне, дрожащие листья:
«Помедли, отдохни, прости, мой друг, и ты!»
Но охладит судьба души моей волненье,
Заботам и страстям пошлет успокоенье,
Так часто думал я, — пусть близкий смертный час
Судьба мне усладит, когда огонь погас;
И в келью тесную, иль в узкую могилу —
Хочу я сердце скрыть, что медлить здесь любило;
С мечтою страстной мне отрадно умирать,
В излюбленных местах мне сладко поживать;
Уснуть навеки там, где все мечты кипели,
На вечный отдых лечь у детской колыбели;
Навеки отдохнуть под пологом ветвей,
Под дерном, где, резвясь, вставало утро дней;
Окутаться землею на родине мне милой,
Смешаться с нею там, где грусть моя бродила;
И пусть благословят — знакомые листья,
Пусть плачут надо мной — друзья моей мечты;
О, только те, кто был мне дорог в дни былые, —
И пусть меня вовек не вспомнят остальные.

13 ноября 1905

711. ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

Встревожен мертвых сон — могу ли спать?
Тираны дают мир — я ль уступлю?
Созрела жатва — мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

4 января 1906

712. ЛЮСЬЕТТА

Отрывок

Люсьетта, голубка,
Твою прелесть живую
Создавали одни поцелуи;
Но в любви, без сомненья,
Есть странней положенья;

Я знаю — другая
Мне близкая, злая,
Лукавой приманкой,
Чародейной осанкой —
То дразнит и мстит мне,
То сладкую муку дарит мне.
Caëtera desunt.*

4 января 1906

713. ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить, иль пасть с тобой в крови,
И, если б пробил час, — делить с тобой, любимой,
Всё, верность сохранив свободе и любви.

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.

Я взор мой устремлял в больной и мутный взор твой,
И ложе уступил, и, бденьем истомлен,
Прильнув к ногам, готов земле отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в смертный сон.

Землетрясенье шло и стены сотрясало,
И всё, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.

И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,
Тебе, тебе даря — последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.

О, многое прошло; но ты не полюбила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд, — любить всё вновь и вновь.

4 января 1906

* Остальное отсутствует (лат.). — Ред.

714. ПЕСНЬ К СУЛИОТАМ

Дети Сули! Киньтесь в битву,
Долг творите, как молитву!
Через рвы, через ворота:
Бауа! Бауа! Сулиоты!
Есть красоти, есть добыча,
В бой! Творите свой обычай!

Знамя вылазки святое,
Разметавшей вражки строи,
Ваших гор родимых знамя,
Знамя ваших жен над нами,
В бой, на приступ, стратиоты,
Бауа! Бауа! Сулиоты!

Плуг наш — меч: так дайте клятву
Здесь собрать златую жатву;
Там, где брешь в стене пробита,
Там врагов богатство скрыто:
Есть добыча — слава с нами, —
Так вперед, на спор с громами!

4 января 1906

715. НА РОЖДЕНИЕ ДЖОНА ВИЛЬЯМА РИЦЦО ГОПНЕРА

Пусть прелесть матери с умом отца
В нем навсегда соединится,
Чтоб жил он в добром здравьи до конца
С завидным апетитом Риццо.

9 января 1906

716. ПОБЕДА

Пою дитя любви, вождя войны кровавой,
Кем бриттов отдана Нормандии земля,
Кто в роде царственном своем отмечен славой
Завоевателя — не мирного царя.
Он, осенен крылом своей победы гордой,

Вознес на высоту блистательный венец:
Бастард держал, как лев, свою добычу твердо,
И бриттов победил в последний раз — храбрец.

9 января 1906

**717. СОЧУВСТВЕННОЕ ПОСЛАНИЕ САРРЕ,
ГРАФИНЕ ДЖЕРСЕЙ,
ПО ПОВОДУ ТОГО, ЧТО ПРИНЦ-РЕГЕНТ
ВОЗВРАТИЛ ЕЕ ПОРТРЕТ М-С МИ**

Когда торжественно тщеславный кесарь Рима,
Пред кем склонялась чернь с враждой
непримиримой,
Открыл перед толпой святыню славных дней,
Все статуи святых и доблестных мужей, —
Что более всего приковывало зренье?
Что взорам пристальным внушало изумленье
При этом зрелище? Чьих черт не видно тут?
Нет изваяния того, чье имя — Брут!
Все помнили его, — толпа его любила,
Его отсутствие — залогом правды было;
Оно впиело в венец, для славы, больше роз,
Чем мог вплести гигант и золотой колосс.
Так точно, если здесь, графиня, наше зренье
Твоих прекрасных черт лишилось в изумленье,
В прелестном цветнике красавиц остальных,
Чья красота бледна пред солнцем черт твоих;
Когда седой старик — поистине наследник
Отцовского венца и королевских бредней, —
Когда развратный взор и вялый дух слепца
Отвыкли без труда от твоего лица, —
Пусть на его плечах позор безвкусья; рамы —
Где тьма красивых лиц, и нет прекрасной дамы!
Нас утешает мысль, — когда уж лучше нет, —
Мы сохраним сердца, утратив твой портрет.
Под сводом зал его — какая нам отрада?
В саду, где все цветы, — и нет царицы сада;
Источник мертвых вод, где нет живых ключей;
И небо звездное, где Дианы нет лучей.
Уж не плениться нам такою красотою,
Не глядя на нее, летим к тебе мечтою;
И мысли о тебе нас больше восхитят,
Чем всё, что *может* здесь еще пленить наш взгляд.

Сияй же красотой в небесной выси синей,
Всей кротостью твоей и правильностью линий,
Гармонией души и прелестью света,
И взором радостным, и ясностью чела,
И темнотою кудрей — под сенью их смолистой
Еще белей чела сияет очерк чистый, —
И взорами, где жизнь играет и влечет,
И отдыха очам плененным не дает,
И заставляет вновь искать за их узором
Всё новые красы — награду долгим взорам;
Но ослепительна, быть может, и ярка
Такая красота для зренья старика;
Так, — долго нужно ждать, чтоб цвет поблек
весенний,
Чтоб нравиться ему — больной и хилой тени,
Больному цинику, в ком скуки хлад слепой,
Чей взор завистливо минует образ твой,
Кто жалкий дух напярэг, соединив в себе
Всю ненависть слепца к свободе и к тебе.

ВЕРХАРН

718. ШАГИ

В зимний вечер, когда запирались
С пронзительным визгом ставни,
 И зажигались
 В низенькой кухне лампы,
Тогда звенели шаги, звенели шаги,
Вдоль стены, на темной панели — шаги, шаги.

Уже дети в постелях закутались,
 Их игры спутались;
И деревня сгустила тени крыш
 Под колокольной;
Колокол бросил в мир дольний из ниши
 Часы — один — и один — и два.
И страхи, страхи без числа;
Сердца стуки — вечерние звуки.

Воля моя покидала меня:
К ставне прильнув, я слушал томительно,
 Как те же шаги, всё те же шаги
 Уходят в даль повелительно,
Во мглу и печаль, где не видно ни зги.

Я различал шаги старушки,
 Фонариков, дельцов
И мелкие шажки калечной побирушки
С корзиной мертвых барсуков;
Разносчика газет и продавщицы,
И Питер-Хоста, шедшего с отцом,
Воздвигшего вблизи распятия дом,
Где золотой орел блестит на легком шпиге.

Я знал их все: одним звучала в лад клюка
 Часовщика; другим — костыль убогий

Монашенки, в молитвах слишком строгой;
Шаги пономаря, что пьет исподтишка, —
Я различал их все, но остальные чьи же?
Они звенели, шли — бог весть, откуда шли?
Однообразные, как «Отче наш», они звучали ближе,
Или пугливые — то сумасшедшие брели вдаль, —
Иль тяжкие шаги, — казалось,
Томленьем всех времен и всех пространств
обременялась

Подошва башмака.

И был их стук печален и угрюм
Под праздник Всех Святых, когда протяжен шум, —
То ветер в мертвый рог трубит издалека.
Из Франции влачили ноги,
Встречались на большой дороге, —
Когда сошлись, куда опять ушли?
И, углубясь опять, бредут в тени бессменной
В тот мертвый час, когда тревожные шмели
По четырем углам вселенной
Звенели, как шаги.

О, дум их, их забот бесцельные круги!
О, сколько их прошло, мной всё не позабытых!
Кто перескажет мне язык их странствий скрытых,
Когда я их стерег, зимой, исподтишка,
Когда их шарканый ждала моя тоска,
За ставней запертой, на дне деревни старой? —
Раз вечером, в телеге парой,
Железо, громохоча, провезли
И у реки извозчика убитого нашли;
Он рыжий парень был, из Фландрии брел к дому.
Убийцу не нашли с тех пор,
Но я... о! чувство мне знакомо,
Когда вдоль стен моих царапался топор.
А вот еще: свой труд дневной кончая,
Наш пекарь, весь в муке, ларек свой запирает
И даму странную однажды увидал, —
Колдунья здесь она, а там — святая, —
Соломой золотой одета, за углом
Исчезла — и вошла на кладбище потом;
А я, в тот самый миг, в припадке,
Услышал, как плаща свернулись складки:
Так землю иногда скребут скребком.
И сердце так стучало,

Что после долго — из глубин
Души — мне смерть кивала.

А тем, — что делать им среди равнин,
Другим шагам, несметным и бесплодным,
Подслушанным на Рождестве холодном,
Влекущимся от Шельды, сквозь леса? —
Сиянье красное кусало небеса.
Одних и тех же мест алкая,
Издавна, издали, в болотах, меж травы,
Они брели, как бродит сила злая.
И вопль их возлетал, как хрип совы.
Могильщик шел с лопатой следом
И хоронил под ярким снегом
Громаду сложенных ветвей
И окровавленных зверей.

Душа еще дрожит, и ясно помнит разум
Могильщика с лопатой на снегу,
И призраки сквозь ночь мигают мертвым глазом,
Взметенные в пылающем усталостью мозгу, —
Шаги, услышанные в детстве,
Мучительно пронзившие меня
В сторожкие часы, во сне, в бреду мучений,
Когда душа больна и стиснуты колени,
Они бегут, в крови ритмически звеня.

Из тénей дальних, далее синих
Угрюмо-грузные, в упорной и тяжелой тишине.
Земля пьяна от них. Сочти их!
Сочти листы, колосья, снег в небесной вышине!
Они, как вести грозной мести, —
С раскатным шорохом, вдали,
В ночной тени, верста к версте, они
Протянут тусклые ремни,
И от одной страны, и от одной петли
Замкнется обруч их вдоль всей земли.

О! как впились и плоть прожгли
Шаги, шаги декабрьской тьмы,
И светлые пути зимы, —
Со всех концов земли — сквозь комнату прошли!

ЛЕКОНТ

719. ЦИРЦЕЯ

Год миновал. Мы пьем среди твоих владений,
Цирцея! — долгий плен.
Мы слушаем полет размерных повторений,
Не зная перемен.

И погрузясь, как мы, в забвение о смене
И месяцев и лет,
Неувядающий — краса твоих владений —
Благоухает цвет.

И венчики цветов, таясь, полураскрыли
Истомные уста,
И вечной свежестью и диких роз и лилий
Сияет чистота.

Пусть чаша их страшна для нас, неутомимых,
Пусть в этой чаше яд!
Пусть, медленно прильнув, уста цветов любимых
Нас гибелью поят.

Под формой странною скрывая образ пленный,
От чар, как мы, вкусив,
Меж нами кружатся, глядят на нас смиренно
Стада косматых див.

Бесцельна красота сплетений в гривах строгих
Их включенных голов,
И всё еще в тени их душевные берлоги,
Где, греясь, пахнет кровь.

Здесь львы укрощены — над ними благовонный
Волос простерся шелк.

И тигр у ног твоих — послушный и влюбленный,
И леопард, и волк.

Для зорких рысых глаз и для пантеры пестрой
Здесь сон и забытье.
Над ними в сладкой мгле струит свой запах острый
Любовное питье.

О, ясные сады, где обаянье дремлет,
Где тигр ползет у ног,
Где, вспыхнув на конце чешуйчатого стебля,
Родится злой цветок,

Где на песок аллея, прохладный и сыпучий,
В вечерний, свежий час,
В лазурной чешуе, мясистый и колючий,
Дракон ползет, клубясь.

Но даль морей ясна. Прости, чудесный остров,
Для снов иной страны!
Вон острый волнорез подьмлет красный остов,
Мы завтра — плыть должны.

Мы склоним без труда, вслед киммерийской тени,
Тройную медь кормы —
Туда, где сорвались подземные ступени,
Зевая, в царство тьмы.

Наш кормщик у руля: не знают страха груди,
Скользи, корабль, скользи...
Тот, кто узнал тебя, Цирцея! не забудет
К безмолвию стези.

Декабрь 1905

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. ПРЕДИСЛОВИЕ К «СОБРАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ»

Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы*; из нескольких глав составляется *книга*; каждая книга есть часть *трилогии*; всю трилогию я могу назвать «романом в стихах»: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни.

С.-Петербург.

9 января 1911 г.

ІІ. ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К ПЕРВОЙ КНИГЕ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ» — «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ», ИЗДАНИЕ 2-е

Эта книга, в противоположность двум следующим, написана в одиночестве; здесь деревенское преобладает над городским; все внимание направлено на знаки, которые природа щедро давала слушающим ее с верой; такая «однострунность» души позволила мне расположить все стихотворения первой книги в строго хронологическом порядке; здесь главы определяются годами, в следующих книгах — понятиями; но эти числа и слова для меня одинаково живые и законченные образы.

Четвертая глава (1901 год) имеет первенствующее значение как для первой книги, так и для всей трилогии; она впервые освещает смутные искания трех вступительных глав; она же есть тот «магический кристалл», сквозь который я различил впервые, хотя и «неясно», всю «даль свободную романа». — Сознательно избегая переделки ранних стихов, я довольствовался редкими внешними поправками, чаще — сокращая или восстанавливая первые чтения, стараясь хранить

верность духу тех лет. — Точно указано время и место писания под стихотворениями, которые я хочу подчеркнуть.

Книга во втором издании увеличена втрое; напечатанное в ней составляет, однако, меньше половины всего написанного в это время; семьдесят пять стихотворений печатаются впервые; остальные были в сборниках моих стихов и в разных повременных изданиях.

〈Январь 1911〉

III. НАБРОСОК ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМУ ИЗДАНИЮ СБОРНИКА «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

Эта книга, вначале обратившая на себя внимание небольшого кружка людей, умевших читать между строк, с течением времени стала, по-видимому, достоянием читателей моих позднейших стихов. Более совершенные по форме и более занимательные по содержанию, они повлекли за собою это бедное дитя моей юности. «Стихи о Прекрасной Даме» дали плохой урок некоторым молодым поэтам, потому что технически книга очень слаба. Они дали повод для критических острот. Потом критика приняла их, истолковав совершенно превратно. До сих пор я встречаюсь иногда с рассуждениями о «превращении» образа Прекрасной Дамы в образы следующих моих книг: Незнакомки, Снежной Маски, России и т. д. Как будто превращение одного образа в другой есть дело простое и естественное! И главное, как будто сущность, обладающая самостоятельным бытием, может превратиться в призрак, в образ, в идею, в мечту!

Каждое новое издание книги давало мне повод перерабатывать ее; при первых переработках я имел в виду, как можно шире раскрыть ее содержание; при последующих — я много заботился о стихотворной технике; все эти работы, однако, не удовлетворяли меня. В первом случае я терялся в гуще матерьяла; во втором — я заменял отдельные выражения другими, более ловкими с точки зрения литературной, в ущерб основному смыслу. И я чувствовал себя заблудившимся в лесу собственного прошлого, пока мне не пришло в голову воспользоваться приемом Данте, который он избрал, когда писал «Новую Жизнь».

Испрашивая помощи и тихих советов у Той, о Которой написана эта книга, я хочу, чтобы мне удалось дописать ее такими простыми словами, которые помогли бы понять ее единственно нужное содержание другим.

А. Б.

15 августа 1918

IV. <ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ»>

Стихи, напечатанные в этой книжке, относятся к 1898—1903 годам. Многие из них переделаны впоследствии, так что их нельзя отнести ни к этому раннему, ни к более позднему времени. Потому они не входят в первый том моих «Стихотворений».

Заглавие книжки заимствовано из стихов Фета, которые некогда были для меня путеводной звездой. Вот они:

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

Май 1919

А. Б.

V. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ <К СБОРНИКУ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»>

Нечаянная Радость — это мой образ грядущего мира. В семи отделах я раскрываю семь стран души моей книги.

Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать «прощай» зиме, кувыряться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они — добродушные и бессловесные твари, — привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир — балаган, позорище.

Она осталась бы такою, если бы не тревожили людские обители — города. Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи — снежные королевы — влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слышали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти.

И молчаливая девушка за узким окном всю ночь ткет мне мой Перстень-Страданье; ее работа рождает во мне тихие песни отчаянья, песни Покорности.

Но над миром, где всегда дует ветер, где ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза, — Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотой короной лесов упирается в синее небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря и как свободна душа. Нечаянная Радость близка. Она смотрит в глаза мне очами синими, бездонными и незнакомыми, как очи королевны Ночной Фялки, которая молчит и прячется. И я смотрю на нее, но вижу ее как бы во сне. Между нами нет ничего неразгаданного, но мы все еще незнакомы друг другу.

Мир, окружающий меня, также смотрит в еще незнакомые очи Нечаянной Радости. И Она смотрит в очи ему. Но они уже знают о скорой встрече — лицом к лицу.

Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем на мол, где зажглись сигнальные огни. Новой Радостью загорятся сердца народов, когда за узким мысом появятся большие корабли.

Август 1906

С. Шахматово, Моск^{овской} губ.

Александр Блок

VI. ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ КО ВТОРОЙ КНИГЕ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ» — «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ», ИЗДАНИЕ 2-е

«Нечаянная Радость» — переходная книга: еще не отзвучали «Стихи о Прекрасной Даме», а уже основной отдел («Магическое») связан со «Снежной ночью». Взглянувший на даты книги поймет, почему она отличается всеми свойствами переходного времени.

Книга дополнена стихотворениями, ей современными, которые по разным причинам не вошли в ее первое издание, но все были напечатаны, кроме одного (XXVIII),* в сборниках моих стихов и поврежденных изданиях.

⟨1911⟩

* Имеется в виду стихотворение № 656 данного издания («Там дамы шеголяют модами...»). — Ред.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание, адресованное самому широкому кругу читателей, представляет собою собрание произведений Александра Блока во всех жанрах его литературного наследия. В издание вошли стихотворения и поэмы, драматические сочинения, стихотворные и драматические переводы, очерки, статьи и речи, а также дневники, записные книжки и письма поэта.

В первых двух томах собраны все стихотворные произведения, которые были опубликованы самим Блоком в его сборниках, сводных изданиях лирики либо в периодической печати и альманахах. К ним присоединено незначительное количество стихотворений (числом — сорок четыре), Блоком не напечатанных, но в каждом случае представляющих особый интерес.

Стихотворения расположены в хронологическом порядке — по времени написания. Как правило, приняты даты, указанные самим Блоком в беловых автографах и в составленном им «Хронологическом указателе» к рукописному собранию его лирики. В отдельных случаях даты уточнены на основании разного рода дополнительных источников. Стихотворения, помеченные только месяцем (без числа), помещены в конце ²данного месяца.

При этом, однако, нужно иметь в виду, что во многих случаях даты, проставленные Блоком, указывают время окончательного оформления текста, отделенное от времени первоначального наброска значительным промежутком (зачастую — в несколько лет). С другой стороны, многие тексты подвергались впоследствии дополнительной правке. В тех случаях, когда эта правка носила особенно радикальный характер, под стихотворением приведены (согласно указаниям Блока в рукописях) две даты — вторая (в скобках) указывает время завершения переработки. Особенно относится это ко многим юношеским стихотворениям, которые, в сущности, были переписаны заново, — так что, говоря словами Блока, «их нельзя отнести ни к этому раннему, ни к более позднему времени». Двойные даты, поставленные через тире, принадлежат Блоку и означают, что в основу стихотворения был положен ранний черновой набросок.

Отступления от строгой хронологической последовательности допущены лишь в тех стихотворных циклах, которые представляют собою целостную и неделимую художественную структуру: «Снежная маска» (1907), «Заключение огнем и мраком» (1907), «На поле Куликовом» (1908), «Итальянские стихи» (1909–1914), «Через двенадцать лет» (1909–1910), «Черная кровь» (1910–1914), «Пляски смерти» (1912–1914), «Жизнь моего приятеля» (1913–1915), «Кармен» (1914). Циклы эти отнесены к тому году (как правило, по дате первого стихотворения), к которому приурочил их сам Блок в рукописном собрании своей лирики.

В отдельных случаях указано место, где было написано стихотворение. Имеющиеся в рукописях пометы: «Петербург» и «Шахматово» — устранены, поскольку они относятся к подавляющему большинству стихотворений.

Из стихотворных переводов, выполненных Блоком, в данное издание вошли лишь те, которые Блок опубликовал в периодической печати или коллективных сборниках, а в некоторых случаях включил и в собственные книги (одно стихотворение Байрона, Леконт, Гейне).

Драматические произведения и переводы, опубликованные Блоком, печатаются полностью (т. 3).

Из прозы Блока (тт. 4 и 5) отобраны очерки, статьи и речи, в наибольшей мере освещающие философские, исторические и эстетические воззрения поэта и особенно отчетливо выявляющие его общественно-литературную позицию.

Таковыми же соображениями продиктован выбор отрывков из дневников и записных книжек Блока (т. 5) и некоторых его писем (т. 6). Выбранные места из дневников и записных книжек публикуются без разделения на источники, в общей хронологической последовательности.

Произведения, опубликованные Блоком, печатаются в окончательных редакциях — по тексту, корректуру которого в последний раз держал автор. В отдельных случаях в текст внесены уточнения и исправления по рукописям или более ранним авторским публикациям, а также устранены очевидные опечатки, вкравшиеся в первопечатные источники (при отсутствии источников рукописных).

Произведения, при жизни Блока не опубликованные, печатаются по рукописям.

В тексте соблюдены некоторые особенности орфографии Блока, в одних случаях — различные написания одного и того же слова: метель и мятель, желтый и жолтый, сгорая и сгарая, близ и близь, та ж и та жь (оба последних — в рифмующихся окончаниях); в других — связанные с синтаксисом или произношением: слитное написание отвеса (как наречие), троттуар (благодаря двойному «т») француз-

ского оригинала слово произносилось как двухсложное, не нарушая стихотворного размера: «И сел бы прямо на троттуар»). Свои особенности присущи и пунктуации Блока, во всех случаях строго продуманной и имеющей значение не только собственно грамматическое, но интонационное.

На строгом соблюдении даже малейших своих отклонений от общепринятых норм и правил Блок настаивал решительно: «Корректоры и издатели, имеющие уважение к слову, должны знать, что существует *математика слова* (как математика всех других искусств), особенно — *в стихах*. Поэтому менять их по собственному вдохновению, каковы бы они с их точки зрения ни были, — по меньшей мере некультурно». И в другом случае: «Всякая моя грамматическая оплошность в стихах *не случайна*, за ней скрывается то, чем я *внутренне* не могу пожертвовать».

Эти ясные и твердые указания обязывают исполнить волю поэта.

Примечания в данном издании носят строго справочный характер и сводятся к максимально сжатым сведениям, необходимым для полного и отчетливого понимания текста.

Библиографические справки к стихотворениям ограничиваются указанием на *первую* публикацию и в целях экономии места сосредоточены в Алфавитно-библиографическом указателе, помещенном во 2-м томе.

Краткие справки об упомянутых в тексте собственных именах и названиях литературных произведений и изданий в тех же целях экономии места даны в общем ко всему Собранию сочинений аннотированном Указателе имен и названий, помещенном в 6-м томе.

ВЛ. ОРЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

3. Ср. № 308.

9. Первое стих. из обращенных к Л. Д. Менделеевой.

10. *Трубицыно* — подмосковная усадьба С. Г. Карелиной, двоюродной бабки Блока.

11. С юношеских лет Блока мать разделяла и поддерживала его духовные интересы и на всю жизнь осталась для него самым близким человеком; он называл ее: «моя совесть». К ней обращен целый ряд стих. Блока.

12. Было написано после любительского спектакля, состоявшегося 1 августа 1898 г. в Боблове — усадьбе Д. И. Менделеева (по соседству с бекетовско-блоковским Шахматовом). Шла трагедия Шекспира «Гамлет» (в отрывках); роль Гамлета исполнял Блок, роль Офелии — Л. Д. Менделеева. Этот спектакль сыграл важную роль в развитии их романтических отношений и отозвался в юношеской лирике Блока целым рядом вариаций на темы и мотивы «Гамлета» (см. № 21, 25, 33, 42, 448). Эпиграф — слова Лаэрта об Офелии («Гамлет», д. IV, сц. 5).

13. В рукописи — заглавие: «Поле жизни». Эпиграф — из стих. В. А. Жуковского «Песня» («Счастлив тот, кому забавы...»), приведен не вполне точно. *Дедово* — подмосковная усадьба А. Г. Коваленской, двоюродной бабки Блока. Здесь Блок навещал семью М. С. и О. М. Соловьевых, сыгравших заметную роль в его литературной судьбе.

15. *Лель* — божество любви в славянской мифологии.

22. Эпиграф из Гейне — «Лирическое интермеццо», 55 (в переводе М. Л. Михайлова).

25. *Нимфы* (нимфеи) — кувшинки.

29. К. М. С. — Ксения Михайловна Садовская (1860—1925), «первая любовь» Блока. Они познакомились летом 1897 г. в Бад Наугейме (курорт в Германии), затем встречались в Петербурге до конца 1899 г. Кроме ряда стих., обращенных к К. М. Садовской в 1897—1900 и 1903 гг., с воспоминаниями о ней связан стихо-

творный цикл «Через двенадцать лет», написанный в 1909–1910 гг. частично в том же Бад Наугейме, а также отдельные стихи, например – «Посещение» (1910), «Я вижу блеск, забытый мной...» (1913). Заключительное двустишие – из стих. Я. П. Полонского «Прощай».

39. *Омега* – последняя буква греческого алфавита; по астрономической классификации так обозначаются цветные звезды, к числу которых принадлежат Сириус и Вега.

47. Эпиграф – из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума».

48–49. Полотна В. М. Васнецова «Гамаюн» и «Сирий и Алконост» Блок видел в феврале 1899 г. на персональной выставке живописца в Академии художеств. *Гамаюн*, *Сирий* и *Алконост* – по древнерусским поверьям, сказочные птицы с человеческими лицами. *Трус* – землетрясение.

54. В рукописи – посвящение: «Памяти Пушкина» (26 мая 1899 г. отмечалось 100-летие со дня рождения поэта).

61. Отзвук народно-поэтического предания о цветах папоротника, появляющихся только в Иванову ночь (с 23 на 24 июня ст. ст.), когда в деревнях праздновался древний, идущий с языческих времен праздник Купалы.

67. Эпиграф – знаменитый стих Платона (перевод принадлежит Блоку).

73. В рукописи – эпиграф из стих. М. Ю. Лермонтова «Дума»: «Печально я гляжу на наше поколение...»

77. В первопечатном тексте – примечание: «Написано под впечатлением повести «Зеркала» З. Гиппиус».

78. Эпиграф – слова Лира из трагедии Шекспира «Король Лир» (д. III, сц. 4). В рукописи посвящено одному из любимейших Блоком актеров В. П. Далматову, прославленному исполнителю роли Лира.

80. Заглавие взято из евангельской книги «Деяния апостолов»: «...я нашел жертвенник, на котором написано: „Неведомому Богу“» (слова апостола Павла).

91. В рукописи дата переработки сопровождается пометой: «Убит К. Либкнехт».

120. В рукописи дата переработки сопровождается пометой: «Рукою мастера».

123. Написано в день отъезда из Петербурга в Шахматово.

124. Воспоминание о шекспировском спектакле 1 августа 1898 г. (см. примеч. 12). Стихи, выделенные курсивом, – цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (д. III, сц. 1 – слова Гамлета).

129. По разъяснению Блока, в этом стих. отразилось одно из его впечатлений: деревья березовой рощи в окрестностях Шахматова и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему видением средневекового города.

134. В стих. речь идет о Шекспире.

142. *Эреб* — в греческой мифологии подземное царство мертвых. Заключительное двустилие — евангельское выражение (От Матфея, V, 8).

147. В первопечатном тексте Блок пояснил: «„Неписанные догматы“ — выражение Аристотеля о Платоне; некоторые разумеют под ним сокровенное учение Платона».

148. Эпиграф — из латинской молитвы (первоисточник — Библия).

153. Блок однажды заметил, что в этом стих. сказалось влияние Эдгара По.

154. *Паникадило* — в церковном обиходе многосвечник, сочетание нескольких светильников.

155. *Амвон* — возвышение в церкви, расположенное перед иконостасом.

157. *Эллины* — древние греки.

158. В рукописи — первоначальное заглавие: «Марии Гавриловне Савиной (после «Буреломы»)». М. Г. Савина (1854 — 1915) — знаменитая драматическая актриса. «Бурелом» — пьеса А. М. Федорова, шедшая в Александринском театре; Блок был, очевидно, на спектакле 13 октября 1900 г.

160. *Дева черноокая* — одна из участниц любительского драматического кружка, который посещал Блок.

162. В апреле 1916 г. публикация этого стих. была запрещена цензурой.

170. Связано, очевидно, с воспоминанием о К. М. С. (см. примеч. 29).

171 — 174. В этих набросках отразились занятия Блока древнегреческой идеалистической философией, в частности — «Творениями» Платона. Второй эпиграф — слова католической мессы. Третий эпиграф принадлежит, вероятно, самому Блоку. *Эллады мощный вдохновитель* — безусловно, Платон. *Певцу родной зимы* — по-видимому, Вл. Соловьев, в стихах которого часто встречаются мотивы зимы, снега, вьюги.

175. Эпиграф — из стих. Е. А. Баратынского «Чудный град порой сольется...». Самыми любимыми из стихов Баратынского Блок однажды назвал три: «Когда взойдет денница золотая...», «В дни безграничных увлечений...» и «Наслаждайтесь: все проходит...».

179. *Спутник бледный земли* — месяц, луна.

182. Здесь пересказан эпизод I акта музыкальной драмы Р. Вагнера «Валкирия». Блок с юности был увлечен творчеством Р. Вагнера; впоследствии образы тетралогии «Кольцо Нибелунгов» и других произведений Вагнера не раз находили отражение в поэзии Блока (см., например, стих. 1910 г. «Идут часы, и дни, и годы...» и пролог

поэмы «Возмездие»). *Гундинг, Зигмунд и Зигелинда* — персонажи «Валькирии». *Вельзе* — один из героев древнегерманского эпоса «Сказание о Нибелунгах», отец Зигмунда.

185. Было написано под впечатлением оперы Р. Вагнера «Парсифаль» в концертном исполнении композитора С. В. Панченко.

189. В рукописи — помета: «Гулянье по Монетной» (*Монетная* — улица в Петербурге). Ср. в дневнике 1918 г.: «25 января — гулянье на Монетной к вечеру в совершенно *особом* состоянии».

202. Реальный комментарий к этому стих. содержится в дневниковой записи Блока 1918 г., относящейся к Л. Д. Менделеевой: «...мне захотелось *запечатать* мою тайну, вследствие чего я написал зашифрованное стихотворение, где пять изгибов линий означали те улицы, по которым она проходила, когда я следил за ней, не замеченный ею (Васильевский остров, 7 линия — Средний проспект — 8—9 линии — Средний проспект — 10 линия)». В рукописи имеется схематическое изображение этих пяти уличных «изгибов».

207. В дневнике 1918 г., комментируя это стих., Блок записал: «К весне началось хождение около островов и в поле за Старой Деревней, где произошло то, что я определял как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Вл. Соловьева, книгу которых подарила мне мама на Пасху этого года». *Старая Деревня* — пригород Петербурга.

208. Эпиграф, нужно думать, принадлежит самому Блоку.

212. В рукописи — помета: «Нитцшеанское».

218. Эпиграф — из стих. В. С. Соловьева «Зачем слова? В безбрежности лазурной...».

221. Эпиграф — из стих. В. С. Соловьева «На палубе „Фритиофа“».

233 и 235. В первопечатной публикации были объединены общим заголовком: «Поле за Петербургом».

241. *Фабрика* — старинная текстильная фабрика в окрестностях Шахматова.

243. *Преображение господне* — церковный праздник.

246. Эпиграф — из стих. А. А. Фета «Вдали огонек за рекою...».

253. *Прасолово* — деревня в окрестностях Шахматова.

254. *Церковный лес* (или Манулиха) — лес, расположенный между Шахматовом и Бобловом.

257. Было написано по дороге из Шахматова в Петербург. Уезжая, Блок узнал из письма своей родственницы О. М. Соловьевой, что стихи его произвели в Москве «необыкновенное, трудно-описуемое, удивительное, громадное впечатление» на молодого поэта Б. Н. Бугаева, вскоре, под псевдонимом Андрей Белый, ставшего виднейшим деятелем и теоретиком русского символизма.

259. Эпиграф — из стих. В. С. Соловьева «Бедный друг! Истомил тебя путь...»

260. Было написано на книге стихов В. С. Соловьева, которую Блок собирался подарить Л. Д. Менделеевой.

266. *Юдоль* — земная жизнь (участь, судьба), с ее заботами и печальми.

270—271. В отдельном автографе эти стих. объединены общим заголовком: «Женственные стихи».

272. В рукописи — заглавие: «Декадентское стихотворение».

281. К этому стих. относится запись в дневнике Блока 1918 г.: «Л. Д. <Менделеева> ходила на уроки к М. М. Читау <драматические курсы. — В. О.>, я же ждал ее выхода, сидел за ней и иногда провожал ее». См. также №№ 301 и 363.

286. Эпиграф — из сонета Петрарки.

292. *Бог лукавый* — Эрот, Амур (бог любви в античной мифологии).

294. В рукописи — помета: «Стихотворение посвящено моему другому „я“».

297. Варнация на тему баллады В. А. Жуковского «Светлана».

308. Посвящено памяти Н. В. Гуна. Ср. № 3.

309. В рукописи — помета 1910 г.: «Мятели — здесь необходимо сохранить это написание, в противоположность Снежной Маске» (в цикле 1907 г. «Снежная маска» применена транскрипция: «метели»).

314. Ср. № 408.

319. Блок и Л. Д. Менделеева посещали в Петербурге богатый дом художника и коллекционера М. П. Боткина (на Николаевской набережной Васильевского острова). Однажды они были приглашены к Боткиным на маскарад, но Блок на этот раз отказался и, расхаживая под окнами боткинского дома, наблюдал за гостями в масках, среди которых была и Л. Д. Менделеева.

321. Эпиграф — слова Купавы из драмы А. Н. Островского «Снегурочка». В 1898 г. Блок в любительском спектакле исполнял в этой пьесе роль Мизгиры.

332. Посвящено памяти В. С. Соловьева и было записано на обложке его книги «Три разговора», которую Блок подарил матери.

344. *Моисеев куст*. — По библейскому преданию, Моисей из горевшего и не сторававшего куста (Неопалимая купина) услышал призыв бога к освобождению евреев от египетского рабства.

350. Заключительное двустилие ср. с № 290.

352. *Купина* — куст; в библейской мифологии — Неопалимая купина (см. примеч. 344).

353. В рукописи озаглавлено: «Из действительности».

363. См. примеч. 281.

365. *Всечерние свечи* — сосны, освещенные закатом.

369. В радикально переработанной редакции и с еще одной (третьей по счету) строфой было опубликовано по не дошедшему до нас автографу в газете «Копотушка» (Орехово-Зуево), 1926, 11 сентября («Литературная страница», № 10) и вошло в кн.: А. Блок. Неизданные стихи. История одного письма. Тифлис, 1927. Ввиду отсутствия рукописного источника данная публикация не может считаться вполне авторитетной.

371. *Лидо* (итал.) — взморье; в узком смысле — побережье Адриатического моря в Венеции. Блок переносил это название на побережье Финского залива под Петербургом (см. № 536), — отсюда «игра веков».

372. В рукописи — помета: «Первая половина диптиха», отсылающая к стих. № 388.

378. *Солнце, месяц и звезды в косе* — приметы красавицы в русском песенном и сказочном фольклоре. Ср. № 486.

379. Дед Блока А. Н. Бекетов скончался в Шахматове 1 июля 1902 г.

387. Дата, указанная Блоком, вызывает сомнения, так как черновик помечен: «Ночь на 20 августа».

388. См. примеч. 372.

390. Сообщая это стих. З. Н. Гиппиус, Блок писал ей 14 сентября 1902 г.: «Пока что разрежаю мою сгущенную, молниеносную атмосферу жестокой арлекинадой, которой стихотворное выражение и посылаю вам». В четвертой строфе предвосхищен мотив одной из сцен первого драматического опыта Блока «Балаганчик» (т. 3 наст. изд.). *Арлекин* — см. примеч. 423.

394. Ахейский герой *Ахилл*, троянский царевич *Гектор* (убитый Ахиллом) и *Андромаха*, жена Гектора, — персонажи гомеровского эпоса «Илиада». *Пеплум* — одеяние древних греков.

399. Второе и третье четверостишия были введены Блоком в последнее издание первой книги лирики в качестве отдельных стихотворений. В *чужбину* — в Москву.

400. В пятой строфе — очевидно, отзвук евангельской книги «Откровение св. Иоанна» (Апокалипсис): Конь Блед и Всадник-Смерть (Антихрист).

407. *Чернецы* — монахи.

408. Переложение части XII главы ветхозаветной «Книги Екклесиаста», сочинение которой было приписано в древности царю Соломону. *Екклесиаст* (греч.) — проповедник. Первоначальный вариант этого стих. Блок напечатал отдельно (см. № 314).

412. Версия о том, что *Иуда Искариот* (по евангельскому преданию, один из учеников Иисуса Христа, из корысти предавший его в руки врагов) был при рождении Иисуса, не встречается в церковно-исторических источниках и, очевидно, придумана Блоком. В 1904 г. это стих. подверглось цензурному запрещению.

413. Посвящено академику Андрею Сергеевичу Фаминцыну (1835–1918) – ботанику и физиологу, близкому знакомому Бекетовых.

423. *Коломбина*, *Арлекин* и *Пьеро* – традиционные персонажи итальянской народной «комедии масок». В обычных комедийных положениях Арлекин – злоязычный насмешник и пройдоха, Пьеро – его незадачливый товарищ, Коломбина – жена Пьеро и любовница Арлекина.

428. *Альков* – в широком значении: спальня.

430. *Осанна!* (греч.: «Спаси же!») – молитвенный возглас.

434. В корректуре I книги «Собрания стихотворений» (1911) – зачеркнутое посвящение З. Г. Гиппиусу.

437. В рукописи – эпиграф: «На всех явлениях лежит печать», взятый из стих. З. Н. Гиппиус «Швесь».

438. В рукописи озаглавлено: «Декадентское». *Орфей* (греч. миф.) – поэт и певец; спустился в подземное царство за своей умершей женой Эвридикой, чтобы вывести ее обратно в мир живых, и все же потерял ее, потому что, выходя из подземного царства, оглянувшись, вопреки запрету богов.

439. В ночь с 7 на 8 ноября 1902 г. состоялось решительное объяснение Блока с Л. Д. Менделеевой, когда она дала согласие стать его женой. *Осанна* – см. примеч. 430. *Багряница* – царская мантия. Ср. № 507.

440. См. примеч. 439. *Придел* – часть церкви с отдельным алтарем.

444. Есть основания полагать, что Блок в этом стих. (впервые напечатанном под заглавием: «Лицемеры») имел в виду «неохристиан» из круга сотрудников религиозно-философского журнала «Новый путь», во главе с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, которые упрекали Блока в равнодушном отношении к вопросам «религиозно-общественным».

445. Эпиграф – из стих. А. А. Фета «Еще весна. Как будто неземной...».

446. *Багряница* – см. примеч. 439.

449. В рукописи служит продолжением предыдущего стих. (№ 448).

457. Отражение народно-поэтического предания о Голубиной (или Глубинной) книге, упавшей с неба на землю. Это одно из самых популярных произведений духовной литературы служило средоточием церковной мудрости русского средневековья. Глубинной книгу называли по глубине премудрости, в ней заключенной; Голубиной – по известному символу «святого духа», изображавшегося в виде голубя. У Блока это предание переосмыслено в плане противопоставления искушенной книжной «глубинности» и истинно мудрой, духовно

просветленной «голубиной кротости». Блок писал Л. Д. Менделеевой по поводу этого стих.: «Я, наконец, написал настоящие хорошие стихи».

458. В первый раз было напечатано под заглавием: «Дева-Обида» (образ, заимствованный из «Слова о полку Игореве»).

459. Об этом стих. Блок писал Л. Д. Менделеевой: «Написал хорошие стихи... Они совсем другого типа — из Достоевского».

469. Посвящено памяти супругов Соловьевых, сочувственно относившихся к стихам Блока и способствовавших продвижению их в печать. Михаил Сергеевич Соловьев — педагог и переводчик, брат поэта и философа В. С. Соловьева, редактор его сочинений, умер 16 января 1903 г.; жена его Ольга Михайловна (см. о ней в Указателе имен и названий), как только узнала о смерти мужа, покончила с собой.

479. Во всех дореволюционных изданиях слово *император* было заменено, из цензурных соображений, на *полководец*. *Посох железный* — образ, заимствованный из Апокалипсиса (II, 27 и XIX, 15).

482. В рукописи — заглавие: «Метемпсихоз» и помета: «Мистический скептицизм (возврат!)».

484. Заглавие — известное выражение, приписанное в древности Архимеду; с этими словами Архимед якобы обратился к напавшему на него римскому воину (при взятии Сиракуз римлянами). По позднейшей евангельской легенде, воскресший Иисус Христос сказал встретившейся ему Марии Магдалине: «Noli me tangere!..» («Не тронь меня!..»); в таком значении это изречение и вошло в широкий речевой обиход.

486. *Пробродить... ради бога* — то есть нищенствовать, собирать милостыню. *Месся и звезды в косах* — см. примеч. 378.

490. В первой публикации — заглавие: «Одному из декадентов». В эпитафии из А. С. Пушкина («Легенда») буквы «А. М. Д.», совпадающие с инициалами А. М. Добролюбова, означают: «Ave, Mater Dei» («Славься, мать божья» — слова католической молитвы). Отношение Блока к А. М. Добролюбову было двойственным: в 1902 г., характеризуя его как крайнего декадента, он назвал его «главой лапососания», а в феврале 1906 г. писал о нем уже как о бывшем декаденте, обратившемся к религиозному проповедничеству: «У меня за последние годы все еще только готовится какое-то «отношение» к Добролюбову. Часто я закрывал глаза на него, иногда мне казалось воистину, что „А. М. Д. своею кровью начертал он на щите“».

492. Посылая это стих. Л. Д. Менделеевой, Блок писал: «Оно плохо в литературном отношении, по-моему... Размер — величавость и напряженность Гете и древних трагедий. Так говорила Троянская Елена».

495. Друг Блока, поэт С. М. Городецкий вспоминал: «Блок жил

на Невке, на окраине Петербурга. Он показал мне «черного человека», который бегал с лестницей зажигать и тушить газовые фонари. Это был первый человек, которого я увидел как предмет поэзии».

501. *Bad Nauheim*, Бад Наугейм — курортный городок в Германии; Блок побывал там трижды — в 1897, 1903 и 1909 гг.

502. В первой публикации озаглавлено: «Поэт». *Какой-то образ, прежде милый* — воспоминание о К. М. Садовской (см. примеч. 29).

506. К. М. С. — см. примеч. 29.

507. Здесь в поэтическом преображении изложены обстоятельства встречи Блока с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г. на балу в зале Дворянского собрания в Петербурге (ныне Филармония), последовавшего в ту же ночь их решительного объяснения и следующей встречи — 9 ноября, в Казанском соборе. Ср. №№ 439 и 440.

512. Обоюдоострый меч — образ, заимствованный из Апокалипсиса: «Из уст Его выходил острый с обеих сторон меч...» (I, 16 и II, 12). Стих. это было запрещено цензурой в июне 1904 г.

513. *Коломбина* и *Арлсин* — см. примеч. 423.

519. Ответ на восторженные стихи С. М. Соловьева, в которых в мистическом духе истолкована свадьба Блока (состоявшаяся 17 августа 1903 г.); С. М. Соловьев был шафером жениха.

521. В рукописи — приписанное позже и зачеркнутое заглавие: «Страница г-мана».

523. В первый раз было напечатано под заглавием: «Испуганный». По разъяснению Блока, написано под впечатлением «Трансцендентальной эстетики» И. Канта. Образ человека, спрятавшегося за ширмой, заимствован из «Драматической симфонии» А. Белого (М., 1902, с. 24), где изображен «молодой философ», который, прочитав у Канта о пространстве и времени как априорных формах познания, размышляет, «нельзя ли заставить себя ширмами, спрятавшись от времени и пространства». Тема Канта в переплетении с темой «страха» перед временем и пространством возникла в переписке Блока с А. Бelym отчасти в связи с приближением 100-летия со дня смерти основателя немецкой идеалистической философии.

524. *Saga* — песня, сказание.

532. Блок посвятил это стих. М. А. Олениной д'Альгейм, после того как прослушал в ее исполнении (в концерте 30 ноября 1903 г.) «Детскую» М. П. Мусоргского.

533. Имеется в виду здание старинной гардинно-тюлевой фабрики, почти примыкавшее к офицерскому корпусу Гренадерских казарм, где жил Блок. В 1904 г. это стих. было запрещено цензурой.

536. *Лидо* — см. примеч. 371.

540. *Человек с оловянной бляхой на теплой шапке* — городской.

541. По разъяснению Блока, стих. внушено знаменитыми скульптурными группами барона Клодта на Анничковом мосту в Петербурге.

546. Под заглавием «Вступление» открывало первый сборник Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (и соответствующий раздел во всех изданиях I тома собрания его лирики).

548. Блок отметил сказавшееся здесь влияние «апокалипсического» стих. В. Я. Брюсова «Конь Блед». В сборнике «Земля в снегу» (1908) было напечатано с эпитафией из этого стих.: «Люди! Вы не узнаете божией десницы?»

549. Внушено памятником Петру I работы Э. Фальконе, установленным на Сенатской площади в Петербурге (пушкинский Медный всадник). В рукописи и в первой публикации было объединено со стих. «Поединок» (№ 550), под заглавием: «Петербургская поэма», и посвящено Е. П. Иванову — автору статьи «Всадник», где в апокалипсических образах раскрывается тема Петербурга как «страшного» и «гибельного» мира.

550. См. примеч. 549. Здесь изображена «борьба» Петербурга с Москвой, Петра I (*Дед*) с патроном Московской Руси — Георгием Победоносцем (*Светлый Муос*). *Вечерница* — здесь: вечерняя заря.

551. *Вечерницы* — здесь: вечерние звезды (зорницы).

552. Очевидно, это стих. ближайшим образом имел в виду Блок, когда сообщал С. М. Соловьеву (8 марта 1904 г.): «Пишу стихи длинные, часто совершенно неприличные, которые, однако, нравятся мне больше прежних и кажутся сильнее. Не ругай за неприличие, сквозь него во мне все то же, что в прежнем «расплывчатом», но в формах крика, безумий и часто мучительных диссонансов».

554. В июне 1904 г. это стих. было запрещено цензурой.

555. Эпитафия — из стих. А. Белого «Золотое руно», служившего своего рода гимном в кружке молодых московских символистов, называвших себя «аргонавтами»; Блок был близок к этому кружку.

558. Эпитафия — из стих. В. Я. Брюсова «Младшим», обращенного к Блоку, А. Белому и их друзьям и снабженного эпитафией из Блока: «Там жду я Прекрасной Дамы». Ответом на это стих. и является первая «Ночная молитва», где 16-й стих («Суровый маг моей земли!») относится к В. Я. Брюсову, который решительно возражал против стремления «младших» сделать поэзию «служанкой» мистической философии Вл. Соловьева.

559. *Ливанский кедр* — образ из Библии.

561. *Псыро* — см. примеч. 423. *На юру* — на высоком, открытом месте.

563. По разъяснению Блока, «написано под впечатлением живописи Врубеля» (в рукописи озаглавлено: «Врубель»). М. А. Врубель (1856 — 1910) был любимейшим художником Блока; образы его живо-

писи отразились и в других произведениях поэта (стих. 1910 г. «Демон», III глава поэмы «Возмездие»). См. речь Блока «Памяти Врубеля» (т. 4 наст. изд.)

565. *Арлекин* — см. примеч. 423.

567. Этим стих. Блок заключал I книгу собрания своей лирики.

569. Образы этого стих. перешли в статью Блока «Безвременье» (т. 4 наст. изд.).

573. В первой публикации — под заглавием: «Пришлецы». *Геенна* — ад.

574. *Сибилла* (сивилла) — пророчица.

577. *Утренняя звезда* — образ из Апокалипсиса (II, 28).

579. В первой публикации — заглавие: «Летний сон» и подзаголовок: «Пастораль».

581. Третья строфа — вариант строфы из стих. № 264.

582. *Нимб* — сияние вокруг головы, изображавшееся на иконах.

583. *Тали* — здесь: талая, оттаявшая земля.

584. В 1911 г. Блок сказал об этом стих.: «Это написано в 1904 году, в августе (так. — В.О.), когда я вечером наблюдал усиленное падение болидов и думал о том, что где-то в бесконечном море Вселенной обитает совершенное счастье».

588 — 589. Номер газеты «Наша жизнь» от 26 ноября 1905 г., где появились эти стих., был конфискован полицией. Второе стих. — отклик на события 9 января в Петербурге.

592. *Псалтирь* — сборник церковных песнопений (псалмов).

594. Известно, что Блок «очень любил и с удовольствием долго рассматривал» рисунки Т. Н. Гиппиус, изображавшие разного рода фантастических «тварей» и «чертенят». *Купальница* — то же, что купава, луговой цветок.

597. В рукописи — зачеркнутый эпиграф, отчасти проясняющий тему стих.: «В весеннюю полночь колдунья увела девушку за город и там сдала с рук на руки Черту. Но Ангел Утренней Грозы восхитил ее к себе. (Из латинской рукописи XVI века)».

598. С 1916 г. печаталось в качестве Вступления ко II книге собрания лирики Блока. *Порфира* — царская мантия.

600. *Красный фонарик* — опознавательный знак дома терпимости. *На Звере Багряном Жена* — образ «Великой Блудницы» (развращенного Вавилона) в Апокалипсисе (XVII, 3).

602. *Таль* — здесь: оттепель.

604. Отклик на события русско-японской войны, в частности (в третьей строфе) — на морское сражение в Цусимском проливе (14–15 мая 1905 г.), когда в ожесточенном бою с японским флотом погибла большая часть русской Тихоокеанской эскадры. *Фуриш* — богини мщения в античной мифологии.

605. По разъяснению Блока, стих. внушено старым замком в городке Фридберге (в Германии, неподалеку от Бад Наугейма), описанию которого посвящен очерк Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (т. 4 наст. изд.). Блок посетил Фридберг в 1897 и 1903 гг. *Кутина* — куст.

608. *Схима* — высшая степень монашеского послушания, требующая от посвященного в нее выполнения особенно суровых, аскетических правил. *Змеевик* — растение. *Новоселки* — деревня в окрестностях Шахматова.

611. *Слова слаще звуков Моцарта* — цитата из либретто оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» (автор либретто — М. И. Чайковский).

612. Посвящение носит шуточный характер: *Григорий Е.* — это еж, пойманный Блоком и живший в шахматовском доме летом 1905 г. *Троица* — монастырь Троице-Сергиева лавра (в нынешнем г. Загорске). *Кутина* — см. примеч. 344.

613—615. Эти стих. объединены в рукописи общим заглавием: «Сказки». Блок собирался написать целую книгу таких «сказок». В стих. «У моря», как отметил Блок, сказалось «влияние Метерлинка». В связи со стих. «Балаганчик» возник замысел первого драматического произведения Блока «Балаганчик» (т. 3 наст. изд.).

619. Первоначальный набросок относится к осени 1904 г. *Рогачевское шоссе* — в окрестностях Шахматова. Тема этого стих. разработана в статье Блока «Безвременье» (т. 4 наст. изд.).

620. Первоначальный набросок относится к июлю 1904 г. *Персть* — земля, земной прах.

626. В рукописи озаглавлено: «Магическое». Истолкование этого стих. — в статьях Блока «Безвременье» и «О современном состоянии русского символизма» (т. 4 наст. изд.).

627. *Осенницы* — словообразование Блока, своего рода нимфы — спутницы Осени. *Лесной* — парковый пригород Петербурга.

629. *Эхо* (греч. миф.) — нимфа, олицетворение эха.

630. По разъяснению Блока, стих. «навеемо теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова». Наиболее близкий пейзаж в живописи М. В. Нестерова (1862—1942) — в известной картине «Видение отроку Варфоломею», о которой сам художник писал: «Как-то с террасы абрамцевского дома моим глазам неожиданно представилась такая русская-русская красота: слева лесные холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе — капустные, малахитовые огороды. Справа золотистая роща...» *Агнец* — в церковном языке: ягненок; в переносном значении: кроткий, невинный человек (применялось к Иисусу Христу). *Оклад* — обрамление иконы.

632. Блок отметил сказавшееся в этом стих. влияние «Баллады Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда в переводе К. Д. Бальмонта.

633—634. Эти стих. были написаны в самый день опубликования царского манифеста о введении в России конституции. Блок прозорливо оценил это событие как вынужденный маневр царизма и обман революционных надежд народа («И если лик свободы явлен, то прежде явлен лик змеи»). *Город всемирный* — Петербург. *Предок царственно-чугунный* — памятник Петру I («Медный всадник»). Накануне, 16 октября 1905 г., Блок писал Е. П. Иванову: «На Зимнем дворце теперь можно наблюдать на крыше печального латника с опущенным мечом. Острый профиль его грустит на сером небе. Петербург упоительнее всех городов мира, я думаю, в эти октябрьские дни». Номер газеты «Наша жизнь» от 26 ноября 1905 г., где появилось стих. № 633, был конфискован полицией.

639. По разъяснению Блока, отклик на массовые забастовки и демонстрации, происходившие на заводах и предприятиях Петербурга в октябре 1905 г.; в частности, тогда забастовали рабочие и служащие столичной электростанции. *Персаментные речи* — здесь в значении: сухие, бесстрастные.

640. Незавершенный набросок. *Петел* — петух.

642. Обращено к А. Белому. Стихи 13—16 — перифраз из А. Белого: «Это будут новые времена и новые пространства» («Драматическая симфония», М., 1902, с. 141; также — в статье 1905 г. «Луг зеленый»). *Сестра* — Л. Д. Блок, жена поэта. *Ланская* — ближайшая к Петербургу станция Финляндской железной дороги.

644. *Скиния* — здесь в значении: храм. *Кимвалы* — древний музыкальный ударный инструмент.

646—650. Эти стихи были предназначены для детского чтения (также №№ 575 и 677).

651. См. примеч. 61.

652. По разъяснению Блока, драматической поэмой «Пер Гюнт» Генрика Ибсена «навешаны и женственный образ Сольвейг и другие образы этого стихотворения». Женское имя *Сольвейг* в переводе с норвежского означает: Солнечный путь. Ср. № 686.

655. Во II книге «Собрания стихотворений» (1912) сопровождается примечанием: «Развитие темы этого и смежных стихотворений — в лирической драме того же имени» (драму «Незнакомка» см. в т. 3 наст. изд.; под «смежными стихотворениями» имеются в виду №№ 626, 654, 656 и 665). *Чуть золотится крендель булочной...* — В дореволюционное время вывески булочных украшались позолоченным изображением кренделя. *Котелок* — мужская твердая шляпа особого фасона. *Озерки* — дачный поселок под Петербургом. В дневнике Е. П. Иванова под 9 мая 1906 г. записано, как Блок повез его в Озерки: «Пошли на озеро, где «скрипят уключины» и «визг женский»... По-

том Саша указывал на позолоченный «крендель булочной», на вывески... Наконец, привел на вокзал Озерковский... Из большого венецианского окна видны «шлагбаумы»... Поезда часто проносятся мимо. С этими пролетающими машинами и связано появление в окне Незнакомки».

656. Вариант предыдущего стих., обработанный в 1911 г. Лиценст — учащийся Александровского лицея в Петербурге, одного из наиболее привилегированных учебных заведений в царской России; слово «лиценст» стало нарицательным, обозначая лощеного светского молодого человека.

657. Эпиграф — из стих. Ф. И. Тютчева «Я знал ее еще тогда...».

658. Обращено к Л. Д. Блок, жене поэта; написано в третью годовщину их свадьбы. В строке: «За то, что хочу и не смею убить...» цензура усмотрела «воспевание политического убийства» и «возбуждение к тяжким и преступным деяниям». Книжка журнала «Трудовой путь» (1907, № 6), где появилось это стих., была конфискована, а против редактора журнала было возбуждено судебное преследование.

659. *Машиновая гора* — возвышенность в окрестностях Шахматова.

660. По разъяснению Блока, «мутный взор колдуна, чарование златков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом лезвие ножа на изменившего милого, — все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний» (при этом Блок сослался на свою статью «Поэзия заговоров и заклинаний», написанную в 1906 г.).

665. В первой публикации — заглавие: «Деве Млечного Пути».

671. *Стихира* — церковное песнопение на библейские мотивы.

672. В первый раз было напечатано под заглавием: «Надпись на книге стихов», — имелся в виду, вероятно, второй сборник лирики Блока «Нечаянная Радость», вышедший в свет в декабре 1906 г.

673. Отдельными образами это стих. связано с «Легендой о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» Виктора Гюго, которая, по словам Блока, «помогла» ему «полюбить средние века в дни его молодости». Заключительная строфа почти дословно повторена в статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (т. 4 наст. изд.).

676. *Небесный золотой* (месяц). — Имеется в виду золотая монета, червонец.

679. *Клирос* — место в церкви, где располагаются певчие (по обе стороны амвона — возвышения перед иконостасом).

681. Эпиграф — из пьесы А. Дюма (сына) «Кин, или Гений и беспутство». *Арлекин, Пьеро и Коломбина* — см. примеч. 423.

686. *Тролли* — в скандинавской мифологии фантастические существа (великаны и карлики, ведьмы и волшебники). См. примеч. 652.

691—692. Этими стих. открывается длинный ряд произведений Блока 1907—1908 гг. (циклы «Снежная маска» и «Заклятие огнем и мраком», отдельные стих., драма «Песня Судьбы»), связанных с его увлечением Натальей Николаевной Волоховой (1878—1966), драматической актрисой, игравшей в то время в театре В. Ф. Комиссаржевской.

ПОЭМЫ

693. В рукописи озаглавлено: «Первая часть поэмы „Три свидания“». Дата в подзаголовке обозначает годы, в которые Блок побывал в Бад Наугейме. Сделано это в подражание Вл. Соловьеву, чья поэма «Три свидания», в которой повествуется о мистических встречах с «Подругой Вечной» — Мировой Душой, снабжена аналогичным подзаголовком: «Москва — Лондон — Египет, 1862—75—76».

694—700. В рукописи озаглавлено: «Из поэмы «Прибытие Прекрасной Дамы» (первые 7 глав)». Первоначальное заглавие III главы: «Песня рабочих». В примечаниях ко II книге «Собрания стихотворений» (1912) Блок писал: «Я решаюсь поместить здесь эту слабую и неоконченную поэму потому, что она характерна для книги и для того времени, как посвященная разным «несбывшимся надеждам» (по моему тогдашнему замыслу). Все ее части были напечатаны в виде отдельных стихотворений в разных журналах. Развитие той же темы — в лирической драме «Король на площади» (см. т. 3 наст. изд.)». Образы поэмы истолкованы в предисловии к сборнику «Нечаянная Радость» (см. с. 467 наст. тома).

701. «Эта поэма — почти точное описание виденного мной сна», — указал Блок. Этот «изумительный», по характеристике поэта, сон датируется ночью с 16 на 17 ноября 1905 г., и тогда же Блок изложил его содержание в стихотворной форме (в записной книжке). *Журфикс* — приемный день в светском доме. *Что нечаянно Радость придет И пребудет она совершенной* — цитата из Евангелия (От Иоанна XV, 11 и XVI, 24).

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

702. Перевод 11-й оды из I книги од Квинта Горация Флакка.

703. Блок переводил стихи Байрона по заказу проф. С. А. Венгерова, который редактировал русское Полное собрание сочинений английского поэта; выполненные Блоком переводы были напечатаны

в III томе этого издания (изд-во Брокгауза и Ефрона, СПб., 1906). *Серинф* — условное мужское имя.

705. Обращено к Гарриет Мальтон, которая держала себя с Байроном «холодно, молчаливо и сдержанно», тогда как отличалась живостью нрава.

706. Этот перевод Блок дважды включил в свои книги — в сборник «Земля в снегу» (1908) и во II том «Стихотворений» (1916).

707. *Ида* — горный хребет в Малой Азии, считавшийся древними греками священным; здесь упомянут в переносном смысле.

708. *Дамет* — условное мужское имя.

709. *Ликус* — условное мужское имя.

710. *Гарроу* — местечко в Англии, где находится привилегированная школа, в которой воспитывался Байрон. На кладбище в Гарроу он похоронил свою дочь.

711. *Кефалония* — остров в Ионическом море, где Байрон, принимавший участие в освободительной борьбе греков с турками, останавливался в конце 1823 г. на последнем пути в Грецию.

712. Блок писал С. А. Венгерову: «...за «Люсьетту» извиняюсь, если она тяжеловесна: подлинник так неуловимо грациозен».

714. *Сули* — городок в Албании; *сулиоты* — греко-албанское горное племя, в XVIII—XIX вв. героически боровшееся за свою свободу против турецкого ига. *Бауа* — воинственный клич сулиотов. *Стратитоты* (греч.) — воины.

716. *Бастард* — незаконнорожденный. Имеется в виду король Англии Вильгельм Завоеватель (правил в 1066—1087), побочный сын нормандского герцога Роберта Дьявола.

717. *Принц-регент* — Георг IV (1762—1830) — английский принц, отличавшийся необузданным характером и порочными наклонностями, с 1811 г. — регент, с 1820 г. — король. *Тицеславный кесарь Рима* — Нерон. *Диана* — богиня Луны в римской мифологии.

719. В рецензии о сборнике Леконта «Кровь Медузы» (Париж, 1906), откуда взято стих. «Цирцея», Блок охарактеризовал его творчество как интересное, но эпигонское явление поэзии: «Все у него умно, интересно, и очень приятно знать, что существует такая культурная и выдержанная манера выражения глубоких идей. Только, читая такие благовоспитанные стихи, вы уже ни в коем случае не вправе требовать от них открытий (тем более — откровений), хотя бы индивидуальных». Относительно «Цирцеи» Блок заметил, что в этом стих. «просто и глубоко прощание спутников Одиссея с островом Апей и волшебницей Цирцеей». *Цирцея* (греч. миф.) — волшебница, обольстившая спутников Одиссея и надолго задержавшая их на своем острове. *Киммерия* — по древнегреческим преданиям, неведомая страна, расположенная на крайнем Западе и погруженная в вечный мрак.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Все итоговые издания своей лирики – «Собрание стихотворений» (1911–1912), «Стихотворения» (1916) и «Стихотворения» (1918–1921) – Блок строил в *трех книгах* (томах), располагая материал внутри них по крупным разделам, состав которых от издания к изданию менялся. В последнем издании эти разделы (или главы, как называет их Блок) таковы: «Анте Lucem» (1898–1900), «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), «Распутья» (1902–1904), «Пузыри земли» (1904–1905), «Ночная Фиалка» (1906), «Разные стихотворения» (1904–1908), «Город» (1904–1908), «Снежная маска» (1907), «Фаина» (1906–1908), «Вольные мысли» (1907), «Страшный мир» (1909–1916), «Возмездие» (1908–1913), «Ямбы» (1907–1914), «Итальянские стихи» (1909), «Разные стихотворения» (1908–1916), «Арфы и скрипки» (1908–1916), «Кармен» (1914), «Соловьиный сад» (1915), «Родина» (1907–1916) и «О чем поет ветер» (1913).

II. *Даль свободного романа* – цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

III. «Новая Жизнь» Данте Алигьери – автобиографическая исповедь поэта; составляющие ее стихи перемежаются прозой, связывающей разрозненные звенья исповеди в последовательный рассказ. Учитывая опыт Данте, Блок задумал «заполнить» пробелы между своими юношескими стихами «простым объяснением событий». Свои пояснения (как удостоверила в разговоре со мною Л. Д. Блок) он предполагал дать в прозе, в свободной, почти беллетристической форме, частично воспользовавшись материалом своих писем к невесте за 1902–1903 гг. Замысел этот осуществлен не был, но к предварительной работе по регистрации фактов своей жизни в 1898–1901 гг. Блок приступил (в дневнике 1918 г.).

IV. В черновике предисловия первая фраза читается так: «„Нечаянная Радость“ – это имя богородичной иконы. Эта икона изображает мой мир, в котором я осужден жить и петь». Сборник «Нечаянная Радость» состоял из семи разделов: «Весеннее», «Детское», «Магическое», «Перстень-Страданье», «Покорность», «Нечаянная Радость» и «Ночная Фиалка».

V. В отдел «Магическое» вошли, главным образом, стихи о городе: «Незнакомка», «Петр», «Гимн», «Город в красные пределы...», «В кабаках, в переулках, в извивах...» и др. «Снежная ночь» – название III книги «Собрания стихотворений» (1912).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. А. А. Блок. Фотографический снимок работы
Д. С. Здобнова (Май 1903 г.)

Стр. 46. Беловой автограф стихотворения «Пусть светит
месяц, — ночь темна...» (Январь 1898 г.)

Стр. 393. Стихотворение «Незнакомка» (1905 г.), автограф
Л. Д. Блок. С припиской рукой А. Блока.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Дудин. Ветер времени и поэт.</i>	5
<i>Основные даты жизни и творчества Александра Блока (Сост. Вл. Орлов)</i>	21

СТИХОТВОРЕНИЯ

1898

1. «Пусть светит месяц — ночь темна...»	45
2. «Одной тебе, тебе одной...»	45
3. «Ты много жил, я больше пел...»	47
4. «Пора забыться полным счастья сном...»	48
5. «Пусть рассвет глядит нам в очи...»	48
6. «Муза в уборе весны постучалась к поэту...»	49
7. «Полный месяц встал над лугом...»	49
8. «Ловя мгновенья сумрачной печали...»	49
9. «Она молода и прекрасна была...»	50
10. «Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...»	50
11. Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небес- ной...»)	51
12. «Я шел во тьме к заботам и веселью...»	51
13. «Я стремлюсь к роскошной воле...»	52
14. «Ты, может быть, не хочешь угадать...»	52
15. «Как мучительно думать о счастье былом...»	53
16. «В ночи, когда уснет тревога...»	53
17. «Душа моя тиха. В натянутых струнах...»	54
18. «Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...» . . .	54
19. «Усталый от дневных блужданий...»	54
20. «Без веры в бога, без участия...»	55
21. «Есть в дикой роще, у оврага...»	55

22. «Мне снилась смерть любимого создания...»	56
23. «Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина...»	56
24. «Вхожу наверх тропой кремнистой...»	57
25. «Офелия в цветах, в уборе...»	57
26. «Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...»	58
27. «В болезни сердца мыслю о Тебе...»	58
28. Летний вечер («Последние лучи заката...»)	59
29. «Луна проснулась. Город шумный...»	59
30. «Я думал, что умру сегодня к ночи...»	60
31. «Путник, ропщи...»	60
32. На вечере в честь Л. Толстого («В толпе, родной по вдохно- вению...»)	61
33. «Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...»	61
34. «Немало времени прошло уже с тех пор...»	62
35. «О, не просите скорбных песен!...»	62

1899

36. «Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою...» . .	63
37. «Над старым мраком мировым...»	63
38. Одиночество («Река несла по ветру льдины...»)	64
39. «Окрай небес — звезда омега...»	65
40. «В минутном взрыве откровений...»	65
41. «Милый друг! Ты юною душою...»	65
42. Песня Офелии («Разлучаясь с девою милой...»)	66
43. «Ночной туман застал меня в дороге...»	66
44. «Между страданиями земными...»	67
45. «Когда мы любим безотчетно...»	67
46. «О, презирать я вас не в силах...»	67
47. «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...»	68
48. Гамаюн, птица вещая («На глазах бесконечных вод...») . .	68
49. Сирини Алконост («Густых кудрей откинув волны...») . . .	68
50. «Мы были вместе, помню я...»	69
51. «Темнеет небо. Туч грядет...»	69
52. «Я шел к блаженству. Путь блестел...»	70
53. «Гроза прошла, и ветка белых роз...»	70
54. «Сама судьба мне завещала...»	70
55. После дождя («Сирени бледные дождем к земле при- биты...»)	71
56. «Когда же смерть? Я всё перестрадал...»	71
57. «Я стар душой. Какой-то жребий черный...»	71
58. «Там, за далью бесконечной...»	72
59. «Не проливай горячих слез...»	72
60. «Я был влюблен. И лес ночной...»	73

61. Накануне Иванова дня... («Накануне Иванова дня...»)	73
62. «Зачем, зачем во мрак небытия...»	74
63. «И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...»	74
64. «Когда кончается тетрадь моих стихов...»	74
65. «Готов ли ты на путь далекий...»	75
66. «Я — человек и мало богу равен...»	75
67. «Сомкни уста. Твой голос полн...»	76
68. Перед грозой («Закат горел в последний раз...»)	76
69. «Сомненья нет: мои печали...»	77
70. Черная Дева («В дальних северных туманах...»)	77
71. «Дышит утро в окошко твое...»	78
72. «Тяжелый занавес упал...»	78
73. Накануне XX века («Влачим мы дни свои уныло...»)	79
74. «Глухая полночь. Цепененье...»	79
75. «Помнишь ли город тревожный...»	80
76. «Город спит, окутан мглою...»	80
77. Кошмар («Я проснулся внезапно в ночной тишине...»)	80
78. «О, как безумно за окном...»	81
79. Голос («Чей-то обманчивый голос поет...»)	81
80. Неведомому богу («Не ты ли душу оживишь?...»)	82
81. «Ты не научишь меня проклинать...»	82
82. «Не легли еще тени вечерние...»	82
83. Servus—Reginae («Не призывай. И без призыва...»)	83
84. Песня за стеной («О, наконец! Былой тревоге...»)	83
85. «Когда докучливые стоны...»	84
86. Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...»)	84
87. «Ты много жил. Негодование...»	85
88. «Пока спокойною стою...»	85
89. Dolor Ante Lucem («Каждый вечер, лишь только погаснет заря...»)	85
90. «Как всякий год, ночной порою...»	86
91. «За краткий сон, что нынче снится...»	86
92. «Как сон молитвенно-бесстрастный...»	86
93. «Когда с безжалостным страданьем...»	87

1900

94—95. Осенняя элегия

1. «Медлительной чредой нисходит день осенний...»	88
2. «Как мимолетна тень осенних ранних дней...»	88
96. «Я умирал. Ты расцветала...»	88
97. «Приветный Лель, не жду рассвета...»	89
98. «В те дни, когда душа трепещет...»	89
99. «Ярким солнцем, синей далью...»	90

100. «Восходишь ты, что строгий день...»	90
101. «Лениво и тяжко плывут облака...»	91
102. «Шли мы стезею лазурною...»	91
103. «О, не тебя люблю глубоко...»	92
104. «Ночь теплая одела острова...»	92
105. «Утро брезжит. День грозит ненастьем...»	92
106. «Разверзлось утреннее око...»	93
107. «Я шел во тьме дождливой ночи...»	93
108. «Сегодня в ночь одной тропой...»	93
109. «В ночи, исполненной грозой...»	94
110. «Поэт в изгнании и в сомненьи...»	94
111. «Мы все уйдем за грань могил...»	95
112. «Хоть всё по-прежнему <i>невец</i> ...»	95
113. «Напрасно, дева, ты бежала...»	95
114. «До новых бурь, до новых молний...»	96
115. «Хожу по камням старых плит...»	96
116. «В фантазии рождаются порою...»	97
117. «Мы не торопимся заране...»	97
118. «К ногам презренного кумира...»	97
119. «Теряет берег очертанья...»	98
120. «Есть много песен в светлых тайниках...»	98
121. «Бежим, бежим, дитя свободы...»	98
122. «Звезда полночная скатилась...»	99
123. «Пусть я покину этот град...»	100
124. «Прошедших дней немеркнущим сияньем...»	100
125. «Не призывай и не сули...»	101
126. После грозы («Под величавые раскаты...»)	101
127. «В часы вечернего тумана...»	102
128. «Уже бледнеет день прощальный...»	102
129. «На небе зарево. Глухая ночь мертвая...»	102
130. «В ночь молчаливую чудесен...»	103
131. «Облит последними лучами...»	103
132. «Полна усталого томленья...»	103
133. «Была пора — в твоих глазах...»	104
134. «Пророк земли — венец творенья...»	104
135. «В часы безмолвия ночного...»	104
136. «Смеялись бедные невежды...»	105
137. «Не доверяй своих дорог...»	105
138. «Увижу я, как будет погибать...»	105
139. «Погибло всё. Палящее светило...»	106
140. «К чему бесцельно охранять...»	106
141. «Они расстались без печали...»	106
142. «Новый блеск излило небо...»	107
143. «То отголосок юных дней...»	108

144. «Последний пурпур догорал...»	108
145. «Не утоленная кровавыми струями...»	109
146. «Порою вновь к твоим ногам...»	109
147. Ὁραφᾶ Δόρυχα («Я видел мрак дневной и свет ночной...»)	109
148. «В седую древность я ушел, мудрец...»	110
149. Смерть («Прислушайся к земле в родных полях...»)	110
150. «Под вечер лет с немым вниманьем...»	111
151. Аметист («Порою в воздухе, согретом...»)	111
152. «Твой образ чудится невольно...»	112
153. «Ночь грозой бушевала, и молний огни...»	112
154. «Курятся алтари, дымят паникадила...»	112
155. «Напрасно я боролся с богом...»	113
156. «Ты была у окна...»	113
157. «Поклонник эллинов — я лиру забывал...»	114
158. Артистке («Позволь и мне сгорать душою...»)	115
159. «Я знаю, смерть близка. И ты...»	115
160. «Пора вернуться к прежней битве...»	115
161. «Отрекись от любимых творений...»	116
162. «Измучен бурей вдохновенья...»	116
163. «Не отравляй души своей...»	117
164. «В те целомудренные годы...»	117
165. «Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...»	118
166. «Там жили все мои надежды...»	118
167. «Ищу спасенья...»	119
168. «Медленно, тяжело и верно...»	119
169. «Завтра с первым лучом...»	120
170. «Была и страсть, но ум холодный...»	120
171–174. Поэма философская	
Первые три послышки	
I. «Здесь на земле единокельны...»	121
II. «Вечный дух — властитель вышний тела...»	121
III. «Дух человеческий властен земное покинуть жилище...»	122
Последняя часть философской поэмы («Ты, о, Афина бессмертная...»)	122
175. Е. А. Баратынскому («Тебе, поэт, в вечерней тишине...»)	123
176. После битвы («Я возвращусь стопой тяжелой...»)	123
177. «Не нарушай гармонии моей...»	124
178. Две любви («Люби и светлой, и туманной...»)	124
179. «В полночь глухую рожденная...»	124
180. «Ты не обманешь, призрак бледный...»	125
181. «Нет ни слезы, ни дерзновенья...»	126
182. Валькирия («Одинокий, одичалый...»)	126

183. 31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...»)	127
--	-----

1901

184. «Когда я одинок и погружен в молчанье...»	128
185. «Я никогда не понимал...»	128
186. «Ты — думы вечной, вдохновенной...»	129
187. «Благоуханных дней теченье...»	129
188. «Часто в мысли гармония спит...»	130
189. «Я вышел. Медленно сходили...»	130
190. «Ветер принес издаля...»	130
191. «Над синевой просторной дали...»	131
192. «Тихо вечерние тени...»	131
193. «Душа молчит. В холодном небе...»	132
194. «Я сходил в стремнины горные...»	132
195. «Мой путь страстями затемнен...»	133
196. «Ныне, полный блаженства...»	133
197. «Я понял смысл твоих стремлений...»	134
198. «Ты отходишь в сумрак алый...»	134
199. «Так — одинокой, легкой тенью...»	135
200. «Сбылось пророчество мое...»	135
201. Моей матери («Чем больней душе мятежной...»)	135
202. «Пять изгибов сокровенных...»	136
203. «Отзвучала гармония дня...»	136
204. «Я недаром боялся открыть...»	137
205. «Ночью сумрачной и дикой...»	137
206. «Навстречу вешнему расцвету...»	137
207. «В день холодный, в день осенний...»	138
208. «Всё отлетают сны земные...»	139
209. «В предзакатные часы...»	139
210. «Он уходил, а там глубоко...»	140
211. «Ты ли это прозвучала...»	140
212. «Всё бытие и сущее согласно...»	140
213. «Кто-то шепчет и смеется...»	140
214. «Белой ночью месяц красный...»	141
215. «Небесное умом не измеримо...»	141
216. «Они звучат, они ликуют...»	142
217. «Одинокый, к тебе прихожу...»	142
218. «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»	142
219. «И поздно, и темно. Покину без желаний...»	143
220. «И я, неверный, тосковал...»	143
221. «Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...»	144
222. «Молитву тайную твори...»	144

223. «За туманом, за лесами...»	145
224. «В бездействии младом, в передрабасственной лени...»	145
225. «Какому богу служишь ты?...»	145
226. «Сегодня шла Ты одиноко...»	146
227. «Она росла за дальними горами...»	146
228. «Я помню час глухой, бессонной ночи...»	147
229. «Тебя в страны чужие звали...»	147
230. «Внемля зову жизни смутной...»	148
231. «Прозрачные, неведомые тени...»	148
232. «Я жду призыва, ищу ответа...»	149
233. «Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...»	149
234. «Вечереющий день, догорая...»	150
235. «За городом в полях весною воздух дышит...»	150
236. «Входите все. Во внутренних покоях...»	151
237. «Ты прошла голубыми путями...»	151
238. «Не жди последнего ответа...»	151
239. «Не пой ты мне и сладостно, и нежно...»	152
240. «Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...»	152
241. «Признак истинного чуда...»	153
242. «Нас старость грустная настигнет без труда...»	153
243. Преображение («Разверзаются туманы...»)	153
244. «Ты далека, как прежде, так и ныне...»	154
245. «Стою на царственном пути...»	154
246. «Сумерки, сумерки вешние...»	155
247. «Наступает пора небывалая...»	155
248. «Ты горишь над высокой горою...»	156
249. «Видно, дни золотые пришли...»	156
250. «Кругом далекая равнина...»	157
251. «Я всё гадаю над тобою...»	157
252. «Когда-то долгие печали...»	158
253. «Синие горы вдали...»	158
254. «Нет конца лесным тропинкам...»	159
255. «Внемлю голосу свободы...»	159
256. «Глушь родного леса...»	159
257. «Мчит меня мертвая сила...»	160
258. Ожидание («Дни текут молчаливо...»)	160
259. «Знаю, бедная, тяжкое бремя...»	161
260. Посвящение («Встали надежды пророка...»)	161
261. «Смотри — я отступаю в тень...»	162
262. «Пройдет зима — увидишь ты...»	162
263. «Грустно и тихо у берега сонного...»	163
264. «Встану я в утро туманное...»	163
265. «Ранний час. В пути незрима...»	163
266. «Ты уходишь от земной юдоли...»	164

267. «Ходит месяц по волне...»	164
268. «Снова ближе вечерние тени...»	165
269. «Я бремя похитил, как тать...»	165
270. «Хранила я среди младых созвучий...»	165
271. «Медленно в двери церковные...»	166
272. «Повлю я тонкий прах надежды...»	166
273. «Скрипнула дверь. Задрожала рука...»	167
274. «Зарево белое, желтое, красное...»	167
275. «Восходя на первые ступени...»	168
276. «Один порыв — безвластный и плакучий...»	168
277. «Я ли пишу, или ты из могилы...»	168
278. «Жду я холодного дня...»	169
279. «Ты страстно ждешь. Тебя зовут...»	169
280. «Будет день — и свершится великое...»	169
281. «Я долго ждал — ты вышла поздно...»	170
282. «Ночью вьюга снежная...»	170
283. Ворожба («Я могуч и велик ворожбою...»)	171
284. «Недосказанной речи тревогу...»	171
285. «Тёмно в комнатах и душно...»	172
286. «Мне битва сердце веселит...»	172
287. «Неотвязный стоит на дороге...»	173
288. «Смотри приветно и легко...»	173
289. «Молчи, как встарь, скрывая свет...»	174
290. «Вечереющий сумрак, поверь...»	174
291. «Сумрак дня несет печаль...»	175
292. При посылке роз («Смотрел отвеса бог лукавый...»)	176
293. «Старый год уносит сны...»	176
294. Двойнику («Ты совершил над нею подвиг трудный...»)	177
295. «Черты знакомых лиц...»	177
296. «Мы, два старца, бредем одинокие...»	178
297. Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...»)	178

1902

298. «Я шел — и вслед за мною шли...»	180
299. «Бегут неверные дневные тени...»	180
300. «Сгущался мрак церковного порога...»	181
301. «Высоко с темнотой сливается стена...»	181
302. «Туман скрывает берег отдаленный...»	182
303. «Там, в полусумраке собора...»	182
304. «Из царства сна выходит безнадежность...»	183
305. «Озарен таинственной улыбкой...»	183
306. «Но прощай, о, прощай, человеческий род!...»	183
307. «Мы преклонились у завета...»	184

308. На могиле друга («Удалены от мира на кладбище...»)	184
309. «Я укрыт до времени в приделе...»	185
310. «Целый день – суета у могил...»	185
311. «Война горит неукротимо...»	186
312. «Вдали мигнул огонь вечерний...»	186
313. «...И были при последнем издыхании...»	187
314. «В пути – глубокий мрак, и страшны высоты...»	187
315. «Уходит день. В пыли дорожной...»	187
316. «Сны раздумий небывалых...»	188
317. «На весенний праздник света...»	188
318. «Ты была светла до странности...»	189
319. «Не поймут бесскорбные люди...»	189
320. «Или устал ты до времени...»	190
321. «Сны безотчетны, ярки краски...»	190
322. «Мы живем в старинной келье...»	191
323. «Ты – божий день. Мои мечты...»	191
324. «Верю в Солнце Завета...»	191
325. «Кто-то с богом шепчется...»	192
326. «Мы всё простим – и не нарушим...»	192
327. «Целый день передо мною...»	193
328. У дверей («Я один шепчу заклатья...»)	193
329. «Всю зиму мы плакали, бедные...»	194
330. «Там сумерки невнятно трепетали...»	194
331. «Мы странствовали с Ним по городам...»	195
332. «Успокоительны, и чудны...»	195
333. «Гадай и жди. Среди полночи...»	195
334. «Жизнь медленная шла, как старая гадалка...»	196
335. «Ты не пленишь. Не жди меня...»	196
336. «Мы шли заветною тропою...»	197
337. «Травы спят красивые...»	197
338. «Мой вечер близок и безволен...»	198
339. «Ты – злая колдунья. Мой вечер в огне...»	198
340. «На темном пороге тайком...»	199
341. «Я медленно сходил с ума...»	199
342. «Я жалок в глубоком бессильи...»	200
343. «Испытанный, стою на грани...»	200
344. «Весна в реке ломает льдины...»	200
345. «Ищи разгадку ожиданий...»	201
346. «Кто-то вздохнул у могилы...»	201
347. «Кто плачет здесь? На мирные ступени...»	202
348. «Ловлю дрожащие, хладеющие руки...»	202
349. «У окна не ветер бродит...»	202
350. «Ты, отчаянье жизни моей...»	203
351. «Утомленный, я терял надежды...»	203

352. «Станных и новых ищу на страницах...»	204
353. «Днем вершу я дела суеты...»	204
354. «Люблю высокие соборы...»	205
355. «В сумерки девушку стройную...»	205
356. «Я знаю день моих проклятий...»	206
357. «Мы отошли и стали у кормила...»	206
358. «Завтра в сумерки встретимся мы...»	207
359. «Я тишиною очарован...»	207
360. «Я – тварь дрожащая. Лучами...»	208
361. «Ты – молитва лазурная...»	208
362. «Слышу колокол. В поле весна...»	209
363. «Там – в улице стоял какой-то дом...»	209
364. «Я и мир – снега, ручьи...»	210
365. «Мы встречались с тобой на закате...»	210
366. «Ты не ушла. Но, может быть...»	211
367. «Тебя скрывали туманы...»	211
368. «Когда святого забвения...»	212
369. «Проходят сны и женственные тени...»	212
370. «Поздно. В окошко закрытое...»	213
371. «Сплетались времена, сплетались страны...»	213
372. «Брожу в стенах монастыря...»	214
373. «Ушли в туман мечтания...»	214
374. «Вот снова пошатнулись дали...»	215
375. «Хоронил я тебя, и, тоскуя...»	215
376. «На ржавых пѣтлях открываю ставни...»	216
377. «Золотокудрый ангел дня...»	216
378. «Пробивалась певучим потоком...»	217
379. На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...»)	217
380. «Не бойся умереть в пути...»	218
381. «Я, отрок, зажигаю свечи...»	218
382. «Говорили короткие речи...»	219
383. «Сбежал с горы и замер в чаще...»	220
384. «Зову тебя в дыму пожара...»	220
385. «Как сон, уходит летний день...»	221
386. «Я и молод, и свеж, и влюблен...»	221
387. «Ужасен холод вечеров...»	221
388. «Инок шел и нес святые знаки...»	222
389. «За темной далью городской...»	222
390. «Свет в окошке шатался...»	223
391. Боец («Я облачился перед битвой...»)	224
392. «Всѣ, чем дышал я...»	224
393. «Тебе, Тебе с иного света...»	225
394. «Моя душа в смятении страха...»	225
395. «Прости. Я холодность заметил...»	226

396. «Пытался сердцем отдохнуть я...»	226
397. «Золотистой долиной...»	227
398. «Без Меня б твои сны улетали...»	227
399. «В чужбину по гудящей стали...»	228
400. «Я вышел в ночь — узнать, понять...»	228
401. «Безрадостные всходят семена...»	229
402. «Давно хожу я под окнами...»	229
403. «Смолкали и говор, и шутки...»	230
404. «В городе колокол бился...»	230
405. «Я просыпался и всходил...»	231
406. «Как старинной легенды слова...»	231
407. «Мы — чернецы, бредущие во мгле...»	232
408. Экклесиаст («Благословляя свет и тень...»)	232
409. «Она стройна и высока...»	233
410. «Они говорили о ранней весне...»	234
411. «Когда я вышел — были зори...»	234
412. «Был вечер поздний и багровый...»	235
413. Старик («Под старость лет, забыв святое...»)	235
414. Случайному («Ты мне явился, темнокудрый...»)	236
415. «Стремленья сердца непомерны...»	236
416. «Передо мной — моя дорога...»	237
417. «Всё, что в море покоит волну...»	237
418. «Все огни загораются здесь...»	238
419. «Я ждал под окнами в тени...»	238
420. «При жолтом свете веселились...»	239
421. «О легендах, о сказках, о тайнах...»	239
422. «Он входил простой и скудный...»	240
423. «Явился он на стройном бале...»	240
424. «Свобода смотрит в синеву...»	241
425. «Ушел он, скрылся в ночи...»	241
426. «О легендах, о сказках, о мигах...»	242
427—428. Religio	
I. «Любил я нежные слова...»	242
II. «Безмолвный призрак в терему...»	242
429. «Вхожу я в темные храмы...»	243
430. «Ты свята, но я Тебе не верю...»	244
431. «Будет день, словно миг веселья...»	244
432. «Блаженный, забытый в пустыне...»	245
433. «Его встречали повсюду...»	245
434. «Они живут под серой тучей...»	246
435. «Мысли мои утопают в бессилии...»	246
436. «Разгораются тайные знаки...»	247
437. «Мне страшно с Тобой встречаться...»	247
438. «Дома растут, как желанья...»	248

439. 7—8 ноября 1902 года («Осанна! Ты входишь в терем!...»)	248
440. «Я их хранил в приделе Иоанна...»	248
441. Сфинкс («Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...»)	249
442. «Загляжусь ли я в ночь на метелицу...»	249
443. «Стою у власти, душой одиноко...»	250
444. «Ушел я в белую страну...»	250
445. «Еще бледные зори на небе...»	251
446. Жрец («Там — в синевах — была звезда...»)	251
447. «Я надел разноцветные перья...»	252
448. Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...»)	252
449. «Мы проснулись в полном забвении — в полном забвении...»	253
450. «Я, изнуренный и премудрый...»	254
451. «Золотит моя страстная осень...»	254
452. Голос («Жарки зимние туманы...»)	254
453. «Я буду факел мой блюсти...»	255
454. «Мы всюду. Мы нигде. Идем...»	256
455. «Я смотрел на слепое людское строение...»	256
456. «Любопытство напрасно глазело...»	257
457. «Царица смотрела заставки...»	257
458. «Вот она — в налетевшей волне...»	258
459. «Все кричали у круглых столов...»	259
460. «Покраснели и гаснут ступени...»	260
461. «На обряд я спешил погребальный...»	260
462. «Я искал голубую дорогу...»	260
463. «Мы отошли — и тяжело поднимали...»	261
464. «Она ждала и билась в смертной муке...»	261
465. «Запевающий сон, зацветающий цвет...»	261

1903

466. «Целый год не дрожало окно...»	263
467. «Здесь ночь мертва. Слова мои дики...»	263
468. «Я к людям не выйду навстречу...»	264
469. Отшедшим («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...»)	264
470. «В посланьях к земным владыкам...»	265
471. «Днем за нашей стеной молчали...»	265
472. «Здесь память волны святой...»	266
473. «Потемнели, поблекли залы...»	266
474. «Разгадал я, какие цветы...»	267
475. «Старуха гадала у входа...»	267
476. «Погружался я в море клевера...»	268

477. «Зимний ветер играет терновником...»	269
478. «Снова иду я над этой пустынной равниной...» :	269
479. «— Всё ли спокойно в народе?...»	270
480. «Дела свершились...»	270
481. «Мне снились веселые думы...»	271
482. «Никто не умирал. Никто не кончил жить...»	271
483. «Отворяются двери — там мерцанья...»	272
484. Noli tangere circulos meos («Символ мой зна́ком отме- тить...»)	272
485. «Всё тихо на светлом лице...»	273
486. «Я вырезал посох из дуба...»	273
487. «У забытых могил пробивалась трава...»	274
488. «Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...»	274
489. «Вот они — белые звуки...»	275
490. А. М. Добролюбов («Из городского тумана...»)	275
491. «Кто заметил огненные знаки...»	276
492. «Глухая полночь медленный кладет покров...»	276
493. «У берега зеленого на малой могиле...»	277
494. «Я был весь в пестрых лоскутках...»	277
495. «По городу бегал черный человек...»	277
496. «Мой остров чудесный...»	278
497. «Просыпаюсь я — и в поле туманно...»	278
498. «Моя сказка никем не разгадана...»	279
499. «На Вас было черное закрытое платье...»	279
500. «Я умер. Я пал от раны...»	280
501. «Если только она подойдет...»	280
502. «Когда я стал дряхлеть и стынуть...»	281
503. «Неправда, неправда, я в бурю влюблен...»	282
504. «Скрипка стонет под горой...»	282
505. «Очарованный вечер мой долог...»	282
506. «Сердито волновались нивы...»	283
507. «Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...»	284
508. «Многое замолкло. Многие ушли...»	284
509. «День был нежно-серый, серый, как тоска...»	285
510. Заклинание («Луна взошла. На вздох родимый...»)	286
511. «Пристань безмолвна. Земля близка...»	286
512. «Я — меч, заостренный с обеих сторон...»	287
513. Двойник («Вот моя песня — тебе, Коломбаина...»)	287
514. «Горит мой день, будя ответы...»	289
515. «Над этой осенью — во всем...»	289
516. Вербная суббота («Вечерние люди уходят в дома...»)	289
517. «Я был невенчан. Премудрость храня...»	290
518. «Я мог бы ярче просиять...»	291
519. Ответ («Сквозь тонкий пар сомнения...»)	291

520. «Мой месяц в царственном зените...»	292
521. «Возвратилась в полночь. До утра...»	292
522. «Я бежал и спотыкался...»	293
523. «Сижу за ширмой. У меня...»	294
524. «...И снова подхожу к окну...»	294
525. «Когда я уйду на покой от времен...»	295
526. «Так. Я знал. И ты задул...»	295
527. «Ты у камина, склонив седины...»	296
528. «Крыльцо Ее словно паперть...»	296
529. Рассвет («Я встал и трижды поднял руки...»)	297
530. «Облака небывалой улады...»	298
531. «Спустишь в подземные ущелья...»	298
532. «Темная, бледно-зеленая...»	299
533. Фабрика («В соседнем доме окна жолты...»)	299
534. Заключение спора («Ты кормчий — сам, учитель — сам...»)	300
535. «Что с тобой — не знаю и не скрою...»	300
536. «Мы шли на Лидо в час рассвета...»	301
537. «Мне гадалка с морщинистым ликом...»	301
538. «Плачет ребенок. Под лунным серпом...»	302
539. «Среди гостей ходил я в черном фраке...»	302
540. Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...»)	303
541. Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугунный...»)	304
542. «По берегу плелся больной человек...»	304
543. «Протянуты поздние нити минут...»	305
544. «Я кую мой меч у порога...»	306
545. «Ветер хрипит на мосту меж столбами...»	306
546. «Отдых напрасен. Дорога крута...»	306

1904

547. «Жду я смерти близ денницы...»	308
548. Последний день («Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...»)	308
549. Петр («Он спит, пока закат румян...»)	309
550. Поединок («Дни и ночи я безволен...»)	310
551. «Светлый сон, ты не обманешь...»	311
552. Обман («В пустом переулке весенние воды...»)	312
553. «Я восходил на все вершины...»	314
554. «Мой любимый, мой князь, мой жених...»	314
555 — 559. Молитвы	
1. «Сторожим у входа в терем...»	315
2. Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...»)	315
3. Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...»)	316

4. Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...»)	316
5. Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...»)	317
560. «На перекрестке...»	317
561. «Ты оденешь меня в серебро...»	318
562. «Фиолетовый запад гнетет...»	319
563. «Дали слепы, дни безгневны...»	319
564. Взморье («Сонный вздох онемелой волны...»)	321
565. «В час, когда пьянеют нарциссы...»	322
566. «Я живу в глубоком покое...»	323
567. «Вот он — ряд гробовых ступеней...»	324
568. «Вечность бросила в город...»	324
569. «Город в красные пределы...»	325
570. «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...»	325
571. «Поет, краснея, медь. Над горном...»	326
572. Гимн («В пыльный город небесный кузнец прикатил...»)	327
573. «Поднимались из тьмы погребов...»	328
574. «В высь изверженные дымы...»	328
575. Колыбельная песня («Спят луга, спят леса...»)	330
576. «Зажигались окна узких комнат...»	330
577. «Всё бежит, мы пребываем...»	331
578. «Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...»	331
579. «Нежный! У ласковой речки...»	332
580. «Гроб невесты легкой тканью...»	333
581. «Тяжко нам было под вьюгами...»	333
582. Ночь («Маг, простерт над миром брений...»)	334
583. «Вот — в изнурительной работе...»	334
584. Моей матери («Помнишь думы? Они улетели...»)	335
585. «Все отошли. Шумите, сосны...»	336
586. «День поблек, изящный и невинный...»	336
587. «В кабаках, в переулках, в извивах...»	337
588. «Барка жизни встала...»	338

1905

589. «Шли на приступ. Прямо в грудь...»	339
590. «Улица, улица...»	339
591. Болотные чертенятки («Я прогнал тебя кнутом...»)	340
592. «Я живу в отдаленном скиту...»	341
593. Повесть («В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...»)	342
594. Твари весенние («Золотисты лица купальниц...»)	343
595. «Иду — и всё мимолетно...»	344
596. Песенка («Она поет в печной трубе...»)	345

597. Легенда («Господь, ты слышишь?.. Господь, простишь ли...»)	345
598. «Ты в поля отошла без возврата...»	347
599. «Я вам поведал неземное...»	348
600. Невидимка («Веселье в ночном кабаке...»)	348
601. Болотный попик («На весенней проталинке...»)	349
602. «На весеннем пути в теремок...»	350
603. «Вот на тучах пожелтелых...»	351
604. Война («Вот поднялась. В железных лапах...»)	351
605. Влюбленность («Королева жила на высокой горе...»)	352
606. «Она веселой невестой была...»	353
607. «Полюби эту вечность болот...»	354
608. «Белый конь чуть ступает усталой ногой...»	354
609. «Болото — глубокая впадина...»	355
610. «Не строй жилищ у речных излучин...»	355
611. «Потеха. Рокочет труба...»	356
612. Старушка и чертенята («Побывала старушка у Троицы...»)	357
613. У моря («Стоит полукруг зари...»)	358
614. Балаганчик («Вот открыт балаганчик...»)	358
615. Поэт («Сидят у окошка с папой...»)	359
616. Моей матери («Тихо. И будет все тише...»)	360
617. «Старость мертвая бродит вокруг...»	361
618. «В туманах, над сверканьем рос...»	361
619. Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...»)	362
620. «Не мани меня ты, воля...»	363
621. «Утихает светлый ветер...»	364
622. «Оставь меня в моей дали...»	364
623. «Осень поздняя. Небо открытое...»	365
624. «Девушка пела в церковном хоре...»	365
625. «В лапах косматых и страшных...»	366
626. «Там, в ночной завывающей стуже...»	367
627. Пляски осенние («Волновать меня снова и снова...»)	367
628. «В голубой далекой-спаленке...»	369
629. Эхо («К зеленому лугу, взывая, внимая...»)	369
630. «Вот он — Христос — в цепях и розах...»	370
631. «Так. Неизменно всё, как было...»	371
632. Митинг («Он говорил умно и резко...»)	371
633. «Вися над городом всемирным...»	373
634. «Еще прекрасно серое небо...»	374
635. «Ты проходишь без улыбки...»	374
636. Перстень-Страданье («Шел я по улице, горем убитый...»)	375

637. «Прискакала дикой степью...»	376
638. Бред («Я знаю, ты близкая мне...»)	377
639. Сытые («Они давно меня томили...»)	378
640. «Свободны дали. Небо открыто...»	379

1906

641. Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...»)	380
642. «Милый брат! Завечерело...»	381
643. «Ты придешь и обнимешь...»	382
644. «Мы подошли — и воды синие...»	383
645. «Лазурью бледной месяц плыл...»	383
646. Вербочки («Мальчики да девочки...»)	384
647. Учитель («Кончил учитель урок...»)	385
648. Снег да снег («Снег да снег. Всю избѹ занесло...») . . .	385
649. Ветхая избушка («Ветхая избушка...»)	386
650. Зайчик («Маленькому зайчику...»)	387
651. Иванова ночь («Мы выйдем в сад с тобою, скромной...»)	388
652. Сольвейг («Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...»)	389
653. «Ты был осыпан звездным цветом...»	390
654. «Твое лицо бледней, чем было...»	390
655. Незнакомка («По вечерам, над ресторанами...»)	391
656. «Там дамы щеголяют модами...»	394
657. «Прошли года, но ты — всё та же...»	395
658. Ангел-Хранитель («Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...»)	396
659. Деве-Революции («О, Дева, иду за тобой...»)	397
660. Русь («Ты и во сне необычайна...»)	397
661. «Есть лучше и хуже меня...»	399
662. «Передвечернею порою...»	399
663. Холодный день («Мы встретились с тобою в храме...») . .	400
664. В октябре («Открыл окно. Какая хмурая...»)	401
665. «Шлейф, забрызганный звездами...»	402
666. Сын и мать («Сын осеняется крестом...»)	403
667. «Нет имени тебе, мой дальний...»	404
668. «К вечеру вышло тихое солнце...»	405
669. «Ночь. Город утомился...»	406
670. «Я в четырех стенах — убитый...»	406
671. Угар («Заплетаем, расплетаем...»)	407
672. Тишина цветет («Здесь тишина цветет и движет...») . . .	408
673. «Так окрыленно, так напевно...»	408

674. «Ты можешь по траве зеленой...»	409
675. Окна во двор («Одна мне осталась надежда...»)	410
676. «Ищу огней — огней попутных...»	410
677. Рождество («Звонким колокол ударом...»)	411
678. Проклятый колокол («Весны и зимы меняли убранство...»)	413
679. «О жизни, догоревшей в хоре...»	413
680. «В синем небе, в темной глубин...»	414
681. Балаган («Над черной слякотью дороги...»)	415
682. «Твоя гроза меня умчала...»	416
683. «В час глухой разлуки с морем...»	416
684. «Хожу, брожу понурый...»	417
685. Пожар («Понеслись, блеснули в очи...»)	418
686. «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!...»	419
687. «На серые камни ложилась дремота...»	420
688. «Ты смотришь в очи ясным зорям...»	420
689. На чердаке («Что на свете выше...»)	421
690. «В серебре росы трава...»	422
691. «Вот явилась. Заслонила...»	423
692. «Я был смущенный и веселый...»	424

ПОЭМЫ

693. Неоконченная поэма («Я видел огненные знаки...»)	427
694–700. Ее прибытие	
1. Рабочие на рейде («Окаймлен летучей пеной...»)	429
2. Так было («Жизнь была стремлением...»)	430
3. Песня матросов («Подарило нам море...»)	431
4. Голос в тучах («Нас море примчало к земле одичалой...»)	431
5. Корабли идут («О, светоносные стебли морей, маяки...»)	432
6. Корабли пришли («Океан дремал зеркальный...»)	433
7. Рассвет («Тихо рассыпалась в небе ракета...»)	434
701. Ночная Фиалка («Миновали случайные дни...»)	436

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГОРАЦИЙ

702. Вольное переложение оды Горация к Левконое («Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит?...»)	447
---	-----

БАЙРОН

703. Подражание Тибуллу («Серинф жестокий! Ты ль неверным сердцем рад...»)	448
704. Подражание Катуллу («О, только б огонь этих глаз целовать...»)	448
705. Посвящается Мэрион («Что ты, Мэрион, так грустна?...»)	450
706. Отрывок («Бесплодные места, где был я сердцем молод...»)	450
707. Георгу, графу Делавару («О, да, я признаюсь, мы с вами близки были...»)	450
708. Дамет («Бесправный, как дитя, и мальчик по летам...»)	451
709. L'amitié est l'amour sans ailes («К чему скорбеть больной душою...»)	452
710. Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу («Места родимые! Здесь ветви вздохов полны...»)	454
711. Из дневника в Кефалонии («Встревожен мертвых сон — могу ли спать?...»)	455
712. Люсьетта («Люсьетта, голубка...»)	455
713. Любовь и смерть («Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо...»)	456
714. Песнь к сулиотам («Дети Сули! Киньтесь в битву...»)	457
715. На рождение Джона Вильяма Риццо Гопнера («Пусть прелесть матери с умом отца...»)	457
716. Победа («Пою дитя любви, вождя войны кровавой...»)	457
717. Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей, по поводу того, что принц-регент возвратил ее портрет м-с Ми («Когда торжественно тщеславный кесарь Рима...»)	458

ВЕРХАРН

718. Шаги («В зимний вечер, когда запирались...»)	460
---	-----

ЛЕКОНТ

719. Цирцея («Год миновал. Мы пьем среди твоих владений...»)	463
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Предисловие к «Собранию стихотворений»	467
II. Из примечаний к первой книге «Собрания стихотворений» — «Стихи о Прекрасной Даме», издание 2-е	467
III. Набросок предисловия к неосуществленному изданию сборника «Стихи о Прекрасной Даме»	468

IV. <Предисловие к сборнику «За гранью прошлых дней»>	469
V. Вместо предисловия <к сборнику «Нечаянная Радость»> . .	469
VI. Из примечаний ко второй книге «Собрания стихотворе- ний» — «Нечаянная Радость», издание 2-е	470
Примечания	471

Блок А.

Б70 Собрание сочинений: В 6-ти т. / Редкол.: М. Дудин и др.; Оформ. худож. Н. Нефедова. — Л.: Худож. лит., 1980 — 1982.

Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1898 — 1906./Вступ. статья М. Дудина; Сост. и примеч. Вл. Орлова. 1980. — 512 с.

В первый том включены главные лирические циклы молодого Блока («Аnte Lucem», «Стихи о Прекрасной Даме», «Распутья», «Город», «Пузыри земли»), поэмы («Ее прибытие» и «Ночная Фиалка»), а также другие стихотворения, написанные в те же годы, и переводы из Горация, Байрона, Верхарна, Леконта.

Б 70401-062
028(01)-80 подписное 4702010100

ББК84.3(2)1

Александр Александрович Блок

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ I

Редактор Т. Мельникова

Художественный редактор Р. Чумаков

Технический редактор Н. Литвина

Корректор В. Урес

ИБ № 1565

Сдано в набор 24.09.79. Подписано к печати 27.05.80. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Плентин». Печать высокая. 26,88 + 1 вкл. 0,052 = 26,932 усл. печ. л. 23,290 + 1 вкл. = 23,340 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ 904. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15